

ISSN 0235-1188 (Print)
ISSN 2618-8961 (Online)

65(3) 2022

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

**RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES**

- ◆ *КОНТРПРОДУКТИВНЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ*
- ◆ *КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ*
- ◆ *ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕЛОМ*
- ◆ *ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ*
- ◆ *КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ*
- ◆ *КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЙ МИР*
- ◆ *ДОМИНАНТА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО*

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

MOSCOW
HUMANIST PUBLISHING HOUSE

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 65. № 3/2022

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года. Выходит ежемесячно

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
**ВИНИТИ РАН, Российский индекс научного цитирования,
EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«Ulrich's Periodicals Directory»

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва
Гуманитарий

Международная редакционная коллегия

Председатель международной редакционной коллегии **Гусейнов А.А.**

Амплеби С.А., д.филос., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США); **Бараш Дж.Э.**, д.филос., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция); **Брес И.**, проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция); **Даллмайр Ф.Р.**, д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Дени М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтея (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филос., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Смирнов А.В.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Апресян Р.Г.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. сектором ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Губин В.Д.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой истории зарубежной философии РГГУ; **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, научный руководитель ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Доброхотов А.Л.**, ак. АГИ, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, научный руководитель ИП РАН; **Кашников Б.Н.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Клюев А.С.**, д.филос.н., проф. РГПУ им. А.И. Герцена; **Лепский В.Е.**, д.психолог.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Пивоваров Ю.С.**, ак. РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии фак-та гум. наук НИУ ВШЭ; **Розин В.М.**, д.филос.н., г.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-корр. РАО, президент МГПУ; **Северикова Н.М.**, к.филос.н., заслуж.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смирнов А.В.**, ак. РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, директор ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Степаняц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Тульчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Черниговская Т.В.**, чл.-корр. РАО, д.б.н., д.ф.н., проф., зав. кафедрой СПбГУ; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Главный редактор Дубровский Д.И.

Научный редактор Винник Д.В.

Редактор отдела культурологии и религиоведения Дуркин Р.А.

Литературный редактор Тукузова Т.М.

Верстка: Топилина В.М.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Шеф-редактор Мариносян Х.Э.

THE MINISTRY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES
(FILOSOFSKIE NAUKI)

Vol. 65. No. 3/2022

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958. Issued Monthly

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), **Russian Index of Science Citation, EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

The information about the journal is published annually
in the international information system on serial publications

Ulrich's Periodicals Directory

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseinov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Dallmayr F.R.**, Ph.D., Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chili); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Smirnov A.V.**

Apressyan R.G., D.Sc., Head of the Department, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPhRAS); **Arshinov V.I.**, D.Sc., Prin.Res. Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Chernigovskaya T.V.**, RAE Corr Memb., D.Sc., Prof., Head of the Department at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dobrohotov A.L.**, D.Sc., Prof., National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); **Dubrovsky D.I.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin.Res.Fell. IPhRAS, Ph.D.; **Gubin V.D.**, D.Sc., Head of the Department of the History of Foreign Philosophy at the Russian State University for the Humanities; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Kashnikov B.N.**, D.Sc., Prof., NRU HSE; **Klujev A.S.**, D.Sc., Prof., Herzen University; **Lepskiy V.E.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Mikhaylov I.A.**, Ph.D., Sen.Res. Fell., IPhRAS; **Pantin V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Pivovarov Yu.S.**, RAS Full Memb., Scientific Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Severikova N.M.**, Ph.D., Honour.Res.Fell., Faculty of Philosophy, MSU; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin.Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smirnov A.V.**, RAS Full Memb., Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS, Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Main Editor Dubrovsky D.I.

Scientific Editor Vinnik D.V.

Cultural and Religious Studies Department's Editor Durkin R.A.

Literary editor Tukuzova T.M.

Page Layout: Topilina V.M.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Editor-in-Chief Marinosyan Kh.E.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИУМ:
ВЫЗОВЫ, РИСКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Новые вызовы современности:

философская рефлексия ■

<i>Х.Э. МАРИНОСЯН</i>	Стратегия национальных государств в преддверии нового мирового порядка	7
<i>А.Н. ДАНИЛОВ (Минск, Беларусь)</i>	Современность как вызов: ценностная перезагрузка	12
<i>А.А. ЛАЗАРЕВИЧ (Минск, Беларусь)</i>	Особенности постсоветского периода развития Беларуси в свете идей А.А. Зиновьева	25
<i>И.Н. СИДОРЕНКО (Минск, Беларусь)</i>	Кризис демократии и проблема демократического мира	39
<i>И.Я. МАЦЕВИЧ-ДУХАН (Минск, Беларусь)</i>	О правилах в современном праксисе	58

Когнитивное пространство ■

<i>В.Б. ЕВОРОВСКИЙ (Минск, Беларусь)</i>	Телесные границы социального: сознание и «Я» между биологией и культурой	77
<i>С.Г. ДОРОНИНА (Минск, Беларусь)</i>	Биосемиотические подходы в исследовании культуры: общее и специфическое	90
<i>М.А. МОЖЕЙКО (Минск, Беларусь)</i>	Билингвизм в когнитивной проекции: язык мышления и процедуры code-switch	112
<i>Н.А. НИКОНОВИЧ (Минск, Беларусь)</i>	Концептуализация и спецификация понятия эпистемы в религиозном дискурсе: теоретико-методологический анализ	138

СОЮЗНОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Научно-образовательное сотрудничество ■

<i>М.Б. ЗАВАДСКИЙ (Минск, Беларусь)</i>	Партнерство философских школ Беларуси и России и его вклад в укрепление научного потенциала восточноевропейского региона	153
---	--	-----

CONTENTS

CONTEMPORARY SOCIETY:
CHALLENGES, RISKS, PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

New Challenges of Modernity:

A Philosophical Reflection ■

<i>Kh.E. MARINOSYAN</i>	The Strategy of Nation-States on the Eve of the New World Order	7
<i>A.N. DANILOV (Minsk, Belarus)</i>	Modernity as a Challenge: A Reset of Values	12
<i>A.A. LAZAREVICH (Minsk, Belarus)</i>	Specifics of the Post-Soviet Period of Development of Belarus in the Light of A.A. Zinoviev's Ideas	25
<i>I.N. SIDORENKO (Minsk, Belarus)</i>	The Crisis of Democracy and the Problem of Democratic Peace	39
<i>I.Ja. MATSEVICH-DUKHAN (Minsk, Belarus)</i>	On Rules in Contemporary Praxis	58

Cognitive Space ■

<i>V.B. YEVAROUSKI (Minsk, Belarus)</i>	Bodily Boundaries of Sociality: Consciousness and the Self between Biology and Culture	77
<i>S.G. DORONINA (Minsk, Belarus)</i>	Biosemitic Approaches in Cultural Studies: General and Specific	90
<i>M.A. MOJEIKO (Minsk, Belarus)</i>	Bilingualism in Social and Political Perspective: Language as a Way of the National Being	112
<i>N.A. NIKONOVICH (Minsk, Belarus)</i>	Conceptualization and Specification of the Concept of Episteme in Religious Discourse: A Theoretical and Methodological Analysis	138

UNION SOCIO-CULTURAL SPACE

Research and Educational Collaboration ■

<i>M.B. ZAVADSKI (Minsk, Belarus)</i>	Partnership of Philosophical Schools of Belarus and Russia and Its Contribution to Development of the Scientific Potential of the Eastern European Region	153
---------------------------------------	--	-----

**СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИУМ:
ВЫЗОВЫ, РИСКИ,
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Новые вызовы современности:
философская рефлексия**

Предисловие к номеру
Issue Introduction

**Стратегия национальных государств
в преддверии нового мирового порядка**

На наших глазах мир коренным образом преобразовывается, становится принципиально другим. И во многом уже стал другим! Каждый день мы становимся свидетелями все новых и новых вызовов современности. Как локальных, в отдельных регионах планеты и в конкретных странах, так и глобальных. Последствия этих вызовов мы непосредственно ощущаем на себе в повседневной жизни. Нужно отметить, что называем мы эти вызовы локальными и глобальными не только в смысле территориальности их возникновения и дальнейшего воздействия на те или иные конкретные географические ареалы, но и в смысле значимости их последствий как для национальных государств, так и для макрорегиональных объединений и международных организаций, а также с позиции их влияния во многом на реформирование установившегося послевоенного (после Второй мировой войны) мироустройства и установление нового миропорядка с новыми лидерами, новыми основными политическими, экономическими, социокультурными и военно-политическими акторами.

В связи с изложенным кардинально изменяются роль, значение и предназначение международных организаций, военно-политических блоков, экономических альянсов, неправительственных организаций, национальных государств и предназначение тех или иных институций в самом государстве. Радикально изменяется проблемное поле социально-гуманитарных наук и их роль в решении проблем, уже вызванных современностью и продолжающих возникать с нарастающей скоростью ввиду стремительной динамики политических, экономических, социокультурных трансформаций в современном мире вообще и в

ряде государств, в частности, а теперь и в связи с реальным военным столкновением коллективного Запада и России, тем более, ввиду постоянных заявлений с угрозами о его перерастании в стадию ядерной войны. Здесь следовало бы отметить, что противостояние всего коллективного Запада в отношении России одновременно означает и противостояние в отношении Союзного государства, т.е. и Республики Беларусь, которая все постсоветские годы проявляла и отстаивала свою независимость, при этом демонстрируя достойный образец действительно Суверенного национального государства.

Нужно откровенно признаться, что во многом мы – гуманитарии – запаздываем с ответами на новые вызовы современности и рекомендациями по их преодолению. Видимо, еще не привыкли к высоким темпам происходящих мировых процессов, к неопределенности существующей реальности и к абсолютной непредсказуемости даже ближайшей перспективы. Между тем ритм современной жизни требует иных скоростей их осознания, философского осмысления и поиска ответов на злободневные вопросы. Однако нельзя не видеть, как мир усложнился, продолжает усложняться, становится глобально проблемным и фактически неузнаваемым. Куда движется мир, что происходит с человеком (т.е. с известным нам до сих пор человеком), какие цели мы преследуем, каким нам представляется истинное человеческое счастье? Еще вчера казалось, что ответы на эти вечные вопросы уже найдены и можно было с уверенностью утверждать, что угроза реальной войны, ее горячей фазы исчезла навсегда. Но, увы, радужные прогнозы оказались преждевременными! Поэтому нам еще предстоит концептуально переосмыслить вопросы о реальных истоках и природе возникновения объективных оснований конфликтов интересов, приведших к кризисам современности, возможных социально-политических траекториях глобального системного противостояния, о рисках новых идеологических, политических, социокультурных, экономических конфликтов в глобальном столкновении историко-цивилизационных форм бытия в эпоху искусственного интеллекта и стремительной деградация истинно человеческого фактора.

Гуманитариям, а философам в первую очередь, необходимо просто «вгрызться» в новую реальность, всесторонне, комплексно исследовать возникающие проблемы, чтобы расколдовывать особенности современности и давать разумные рекомендации для методичного нивелирования их экономических, политических,

социокультурных последствий и эффективного выхода из охватившего практически все страны мира глобального системного кризиса, что является во многом результатом самой глобализации.

Между тем многие ошибочно считали и продолжают считать процессы глобализации неизбежным историческим явлением и представляют ее как очередную стадию социокультурной модернизации государства. На современной стадии глобализации сложилась такая практика, что некоторые страны и крупные международные, надгосударственные корпорации, прикрываясь разного рода якобы гуманитарными миссиями и оказанием финансово-экономической помощи и под лозунгом насаждения демократии и распространения общеевропейских ценностей пытаются ослабить суверенитет независимых государств и снизить их роль в регулировании своих внутригосударственных проблем, а также в решении внешних, международных вопросов.

Давно стало очевидным, что глобализация как системное явление, охватывающее практически все сферы бытия, в существенной степени оказывает влияние на исторически сложившиеся ценности любого социума, на традиции, обычаи, символы – по сути на социокультурную идентичность суверенного государства в целом. Следовательно, в определении стратегии развития суверенного государства нужно брать за основу исторически оправдавшие себя образцы развития на основе собственной, а не иной, в частности западной, рациональности. И при включении в процесс глобализации рассматривать проблему соотношения глобализации и патриотизма, интернационализма и почвенничества как общую, осознанно выбранную позицию государственных деятелей и населения на основе приоритета национальных интересов.

В поиске ответов на поставленные вопросы о том, насколько реалистичны перспективы в отстаивании конкретных национальных форм глобализационных стратегий и для каких стран они в действительности осуществимы, приходим к очевидному выводу, что успех экономических и социокультурных преобразований в национальном государстве зависит от их поэтапного, методичного внедрения и сохранения жесткого контроля над деятельностью иностранных корпораций и экономикой в целом. Важно не слепо копировать рекомендации Международного валютного фонда, не впадать в либеральный догматизм, что в действительности означает – в законы неолиберальной экономики, которые попирают постулаты даже самой либеральной экономики.

Необходимо отметить еще одно, принципиально значимое условие для успешной реализации стратегии модернизации экономики национального государства в целом. Суть его заключается в том, что в культуре национального государства социокультурные ценности должны доминировать над рыночными. Принципы социальной справедливости должны быть превыше всего.

Не сугубо экономические сферы социума, в первую очередь вся социальная сфера – образование, здравоохранение, культурная жизнь – должны быть в очевидном для всего общества приоритете. Только в результате такого соотношения приоритетов могут быть созданы в перспективе условия для успешного, стабильного развития и экономики страны, и социально-культурной сферы, а, следовательно, национального государства в целом.

Доминирование социально-гуманитарного сектора должно стать императивом внутренней и внешней политики национального государства. Со стороны властей необходимо пересмотреть приоритеты в своей внутренней политике, сосредоточить в основном внимание на повышении роли социально-гуманитарной сферы, оказывать всемерную государственную поддержку организациям, работающим в сфере науки, высоких технологий, образования, медицины, культуры, переориентировать внутренние и внешние инвестиции в развитие человеческого капитала.

И только в результате реализации такой стратегической государственной политики в условиях современной глобализации и непрерывно обновляющихся по нарастающей вызовов суверенитету национального государства видится возможным достижение реального роста (причем высоких темпов роста) экономики суверенного государства и, соответственно, качества жизни каждого члена общества.

Сегодня мы выносим на суд наших читателей очередной белорусский номер нашего журнала. В нем, наряду с постоянными авторами, большими друзьями нашего издания, Александром Даниловым, Анатолием Лазаревичем, Мариной Можейко, представлены статьи коллег из нового поколения ученых: Ирины Сидоренко, Ирины Мацевич-Духан, Валерия Еворовского, Светланы Дорониной, Натальи Никонович, Михаила Завадского. Они находятся в расцвете своего творчества, талантливы, представляют Институт философии Национальной академии наук Беларуси, белорусские университеты и разные научные школы.

Нынешний номер посвящен проблемам современного социума, перспективам его развития, новым вызовам и рискам. Авторами предложен анализ современности, особенностей постсоветского периода развития Беларуси, рассмотрены проблемы кризиса демократии и демократического мира. Авторы номера делают своеобразный когнитивный поворот, представляя материалы о границах социального, анализ биосемиотических подходов в исследовании культуры, билингвизма, концептуализации и спецификации понятия эпистемы в религиоведческом дискурсе. В разделе «Союзное социокультурное пространство» представлена статья о партнерстве философских школ Беларуси и России, их вкладе в укрепление научного потенциала восточноевропейского региона.

Публикуя очередной белорусский номер журнала, нельзя не вспомнить об инициаторе нашего сотрудничества с белорусскими учеными и философами, которое началось более трех десятилетий назад. У его истоков стоял выдающийся мыслитель современности, философ Вячеслав Семенович Степин (1934–2018). Его жизнь как бы разделилась на две равные половинки: Беларусь и Россия. Мост дружбы и сотрудничества, возведенный Вячеславом Семеновичем, и сегодня надежно служит нашим братским народам и дальнейшему укреплению Союзного государства.

Постсоветский мир стоит перед новой социальной реальностью, способной кардинально изменить глобальный мировой ландшафт. Современные вызовы и новые риски ставят принципиально новые задачи не только перед философией, но и перед всеми гуманитарными науками вообще. Выражаю нашу общую уверенность в том, что у нас есть все необходимые профессиональные компетенции и моральный авторитет, чтобы успешно преодолеть последствия глобального кризиса и дать достойный отпор нависшим угрозам, обеспечить благополучие народов, наших стран и успешное дальнейшее развитие Союзного государства – одного из величайших политических достижений современности!

*Шеф-редактор журнала «Философские науки»,
президент Академии гуманитарных исследований
Х.Э. МАРИНОСЯН*

Современность как вызов: ценностная перезагрузка

А.Н. Данилов

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация

В статье рассмотрены актуальные проблемы общественного развития, в контексте которого современность предстает как вызов, а зарождение нового происходит в процессе ценностной перезагрузки. Постсоветский мир в своих поисках вновь обращается к национальным истокам, традициям, историческому опыту, апробированным в национальной культуре идеалам и ценностям. Общество потребления западного типа, доминирующее сегодня в мире, которое ранее рассматривалось в качестве перспективы, а его идеалы и ценности представлялись в качестве образца для подражания, в общественном мнении видится не единственно возможной моделью. Все более очевидными становятся и проблемы, возникающие при реализации ценностных установок такого общества. Ставится под сомнение универсальность этой модели развития для современности, появляются свидетельства ее исторической ограниченности, что, в свою очередь, не обуславливает механической преемственности в ценностной перезагрузке. К тому же данный тип организации социально-экономической и культурной жизни не является органичным. В современных условиях глобальной нестабильности возникают связи и взаимодействия, которые фиксируют некую новую целостность. С методологической точки зрения важны механизм и мотивы выбора нового, место в этом действе культуры. Становится понятным, что современность возникает не как завершенный проект, а как процесс обновления социальной реальности, представлений человека об обществе и включает в себя основные аспекты отношения человека к миру. В нем присутствует большое ценностное разнообразие, которое со временем нарастает. Катализаторами перемен на пути к новой современности предстают ценности, изменяющие жизненные смыслы под влиянием социальной жизни. Постоянно возникающие новые риски и вызовы мотивируют перезагрузку ценностей, которые проходят апробацию в недрах национальной культуры и только после этого становятся идеалами для подражания и массового воспроизводства.

Ключевые слова: социальная философия, социальное развитие, модернизация, стратегия развития, методология выбора, новые жизненные смыслы, будущее.

Данилов Александр Николаевич – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

a.danilov@tut.by

<https://orcid.org/0000-0002-1190-4975>

Для цитирования: *Данилов А.Н. Современность как вызов: ценностная перезагрузка // Философские науки. 2022. Т. 65. № 3. С. 12–24. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-12-24*

Modernity as a Challenge: A Reset of Values

A.N. Danilov

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The article discusses topical problems of social development, in which context modernity evolves as a challenge, and the emergence of new forms is accompanied by a reset of values. The post-Soviet society turns to national foundations, traditions, historical experience, ideals, and values tested in national culture. The Western-type consumer society, which is now dominant in the world, was previously perceived as promising, and its ideals and values were presented as a role model, but nowadays, in public opinion, that society is not considered as a non-alternative model. The problems that arise during the implementation of the value orientations of the consumer society are becoming increasingly obvious. The universality of such a model of development for modernity is called into question, and evidence of its historical limitations appears. In addition, that type of organization of socio-economic and cultural life is not organic and does not imply continuity in the reset of values. Under the current conditions of global instability, connections and interactions emerge that form some new integrity. From a methodological point of view, it is important to analyze the mechanism and motives for choosing the future and the role of culture in that process. Obviously, in every time there is a need to define what modernity is and what is the role of values reset for that. Modernity does not arise as a completed project, but as a process of updating social reality, as a system of individual views on society and relations to the world; in emerging modernity, there is a growing diversity of values. The catalysts for transformations on the way to a new modernity are values that bring changes in life meanings under the influence of social life. Constantly emerging new risks and challenges demand the reset of values, which are tested on various levels of national culture and only after that become ideals for imitation and mass reproduction.

Keywords: social philosophy, social development, modernization, development strategy, choice of research methods, new life meanings, future.

Alexander N. Danilov – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, D.Sc. in Social Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of the Faculty of Philosophy and Social Science, Belarusian State University.

a.danilov@tut.by

<https://orcid.org/0000-0002-1190-4975>

For citation: Danilov A.N. (2022) Modernity as a Challenge: A Reset of Values. *Russian Journal of Philosophical Sciences*= *Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 3, pp. 12–24. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-12-24

Введение

Техногенный тип цивилизационного развития дал человечеству множество достижений и долгое время воспринимался как магистральный путь общественного прогресса. Но уже во второй половине XX века проявились и начали обостряться многочисленные глобальные кризисы как вариации двух основных – экологического и антропологического. В XXI веке вместо упрощения ситуации происходит резкое обострение нерешенных проблем, возникают новые вызовы и риски. В.С. Степин замечал: «В конце XX века, когда человечество столкнулось с глобальными проблемами, с новой силой зазвучали вопросы о правильности выбора путей развития, принятых в западной (техногенной) цивилизации, и, как следствие, об адекватности ее мировоззренческих ориентаций и идеалов» [Степин 2021, 484].

Все больше ощущаются духовный разлом, ценностная полярированность, непримиримость в коммуникации. Новые независимые страны, образовавшиеся после распада Советского Союза, оказались не в состоянии справиться с нахлынувшими проблемами. Последствия распада оказались намного сложнее, чем предполагалось ранее. Наряду с политическими, социально-экономическими вызовами в первую очередь необходимо было преодолеть последствия ценностного разлома. А именно это быстро не происходит. Конечно, выход неизбежно будет найден, на смену техногенной цивилизации придет новая парадигма развития, однако предстоит кардинальная перезагрузка базовых ценностей. Предстоит более тщательная ревизия накопленных знаний и позитивного опыта прошлых поколений, преодоление собственных ошибок, утверждение нового гуманизма как основы нравственного самосохранения, необходимого условия достижения безопасного будущего, нового

мировоззрения, связанном с возвращением способности осознать реальные смыслы человеческого бытия, как новой целостности.

В ситуации перемен, которая значительно активизирует в культуре процесс выбора нового содержания, рождается стремление к быстрому обновлению базовых ценностей без должного историко-социального отбора. В таком случае возникает вполне реальная опасность пойти по ложному пути и сформировать искаженный образ современности. На карту поставлено будущее, и от того, как справится общество с существующими вызовами, будет зависеть и наша жизнь в дальнейшем.

Философская рефлексия:

попытка выйти за пределы познанного

Ситуация перемен изменяет проблемное поле науки, тематику исследований, что предполагает возможность выхода на новые теоретические обобщения, обновление теории или методологии анализа. Именно философская рефлексия в зоне неизвестности не есть кризис. Это все же в большей степени – констатация смены вех, состояния неизбежности перемен, когда в рамках действующих парадигм стало тесно и не понятно направление будущего развития. Современность предъявляет свои требования к процессам, происходящим в обществе, и определяет ход глобальной эволюции как путь восхождения сложноорганизованных систем к более высоким уровням организованности и сложности. И.Т. Касавин прав, утверждая, что «...современность – одно из наиболее тревожных и загадочных понятий» [Касавин 2020, 179].

В каждую эпоху ситуация изменялась, и каждый раз возникал вопрос о необходимости объяснить, что такое современность. Без ответа на этот вопрос нельзя реализовать прогнозную функцию философии. Э. Гидденс в работе «Последствия современности» замечает: «когда мы говорим о современности, мы отсылаем к институциональным трансформациям, которые имеют западное происхождение», мотивируя это тем, что «национальное государство и систематическое капиталистическое производство... «имеют свои корни в специфических характеристиках европейской истории и некоторые соответствия в предыдущих периодах или в других культурных условиях. Если в тесной взаимосвязи друг с другом они с тех пор распространились по миру, то это, помимо всего прочего, произошло из-за силы, которую они создали. Никакие другие, более традиционные социальные формы не были способны конкурировать с этой силой так, чтобы быть в состоянии сохранять полную самостоятельность и не быть затронутыми тенденциями глобального развития» [Гидденс 2011, 322–323]. Как замечает Т.А. Дмитриев, Э. Гидденс «увязывает данный

феномен с определенным периодом времени (Новое время) и определенным пространством (Западная Европа), оставляя в то же самое время открытым вопрос о его более детальном характере. <...> По мнению Гидденса, более правильно было бы говорить о переходе современных обществ в высокую, или зрелую фазу современности, связанную с радикализацией ее основных последствий. В своих работах 1990-х годов и, прежде всего в работе “Последствия современности”, Гидденс рисует образ современности, альтернативный как по отношению к образу “стальной клетки” Вебера, порождаемой процессом радикализации всех сфер общественной жизни, так и к образу современности как “чудовища”, создание которого он приписывает Марксу и его последователям. Для Гидденса определяющая черта современности заключается в ее беспрецедентном социальном динамизме, сокрушающем все преграды, стоящие у нее на пути. Именно поэтому он пишет о “сокрушительной силе современности”, превращающей ее в такой генератор социальных изменений, которыми в конечном счете невозможно управлять, а последствия которых нельзя правдоподобно предсказать» [Дмитриев 2011, 12–13]. В заключении Э. Гидденс еще более категоричен в ответе на самому себе же заданный вопрос: «Является ли современность в этом отношении исключительно западной? На этот вопрос надо ответить положительно, несмотря на определенные оговорки. Радикальный поворот от традиции, присущей рефлексивности современности, порывает не только с предшествующими эпохами, но и с другими культурами» [Гидденс 2011, 324]. Тезис представляется спорным, тем более что в настоящее время нельзя не видеть то, как «громкие культурно-цивилизационные “материки” – Китай, Индия, исламский мир, – которые прежде с позиций европоцентризма высокомерно относили к “периферии” мирового развития, выходят на мировую арену в качестве полноценных игроков. Это – новые центры культурно-цивилизационного притяжения, каждый из которых опирается на собственный цивилизационный проект» [Смирнов 2021, 388–389].

В этих центрах культурно-цивилизационного притяжения уже зарождаются точки роста новой современности. Но выход к этим точкам роста может быть вовсе не на Западе, как утверждает Э. Гидденс, а именно в культурах, которые сохранили традиционную почву под воздействием модернизационных процессов. Об этом убедительно пишет А.В. Смирнов. Он объясняет свою позицию следующим образом: «Я опираюсь при этом на изучение всерьез опыта незападных культур, избегающем принятия на веру без обоснования (т.е. без априорной, догматической веры) названных тезисов. Эти два обстоятельства: “всерьез” и “без догматической

веры” – составляют существенное условие формулировки моих положений и их восприятия и продумывания» [Смирнов 2021, 351].

И.Т. Касавин, подтверждая, что самая актуальная тема – современность, выделяет два ее пласта: «Первый – самый крупный – унаследован от прошлого и постепенно эволюционирует, сохраняя родовые черты. Это практически вся сфера политики, экономики, идеологии, религии, искусства, морали, многочисленные социальные практики. Второй пласт – это сфера современной науки и техники. Здесь изменения происходят с невероятной быстротой и провоцируют соответствующие сдвиги в других областях общественной жизни. Наука и техника сегодня пронизывают и во многом определяют все бытие человека. <...> В мире греческой античности сердцевиной была политика, в европейском Средневековье – религия, сегодня на их место вышла наука – такова реалья культурной динамики» [Касавин 2020, 11].

Современность – это собственно и есть социальная реальность, представление человека об обществе, и она включает в себя основные аспекты отношений человека к миру. К таковым, по утверждению В.С. Степина, относятся «а) отношение к природе и искусственно созданной человеком природной среде, где непосредственно протекает человеческая жизнь; б) отношение к другим людям и социальным коллективам; в) отношение к духовной жизни, аккумулирующей как индивидуальный опыт человека, так и общественный исторический опыт поколений» [Степин 2009, 3]. Характеристика этих трех основных сфер человеческого мира и предполагает их представление об обществе. Каждая из них предстает в качестве особой подсистемы в целостной развивающейся системе общественной жизни.

Перемены всякий раз мотивируют исследователей к риску выйти за пределы навязчивых оппозиций познанного. В.В. Миронов писал: «Философ всегда мыслит в условиях принципиальной невозможности достижения абсолютного и завершенного знания, а значит, его всегда будет сопровождать незнание. И вот эта зона незнания, зона самого процесса познания всегда будет заполняться мыслительными конструкциями, которые в зависимости от масштаба рефлексии, касающейся предельных оснований бытия, и выступают как метафизика, в основе которой лежит мудрость, основанная на интерпретации бытия человеческим разумом» [Миронов 2020, 14]. Философ же, осмысливая социальную реальность и опираясь на полученные ранее знания об обществе, выстраивает современность, основываясь на имеющемся социальном опыте, социальных моделях, динамике ценностей.

Философская рефлексия всегда воспринималась как тонкий инструмент познания неизвестности, возможности раздвиг-

нуть рамки современности, выстроить перспективу будущего. В.С. Степин замечал: «Преобразование общества и типа цивилизационного развития всегда предполагает изменение глубинных жизненных смыслов и ценностей, закрепленных в универсалиях культуры. Переустройство общества всегда связано с революцией в умах, с критикой ранее господствовавших мировоззренческих ориентаций и выработкой новых ценностей. Никакие крупные социальные изменения невозможны вне изменений в культуре» [Степин 2009, 17].

В этих условиях философия, с одной стороны, раскрывает программирующую роль культуры, в которой происходит таинство творения будущего, через перезагрузку ценностей, выделение доминирующих в конкретно-исторической культуре канонизированных стилей мышления и традиций. С другой – разрывает рамки, осмысливая новые явления и тем самым определяя новые тенденции развития общества. Из этого следует изначальное стремление философии конструировать, в том числе и социокультурные модели, благоприятствующие реализации потребностей личности.

Предполагается, что ценностные установки Запада обладают целым рядом преимуществ перед всеми иными социальными и культурными типами организации общественной жизни, открывают безграничные возможности экономического развития для регионов, которые их принимают. Следует признать, что для подобных предположений существуют веские основания. Индивидуальное потребление, зачастую не связанное с реальными потребностями человека, становится все более массовым, а процессы глобализации, усиленно поддерживаемые странами, в которых общество потребления уже сложилось, способствуют распространению соответствующих систем ценностей на все регионы мира.

Вместе с тем сегодня не менее очевидными становятся и проблемы, возникающие в процессе реализации ценностных установок общества потребления, причем проблемы, порождаемые этим обществом в себе самом. Вопрос заключается в том, являются ли эти проблемы лишь преходящими сложностями в движении такого типа общества к торжеству во всемирном масштабе или они свидетельствуют о его исторической ограниченности и об отнюдь не безусловной приемлемости его ценностных установок. Последний аспект тем более важен для обществ, в которых данный тип организации социально-экономической, культурной жизни не является органичным и в которых возможны иные перспективы развития цивилизации. Тем более что сегодня техногенная цивилизация вступила в такую стадию развития, при которой она вызвала глобальный кризис (экологический, антропологический), с которым она уже не справляется. Возникает вопрос о том,

какую роль отвести в новой стратегии развития тем ценностям, которые привели к этим кризисам. Можно ли их дальше пролонгировать, и будет ли это счастливый путь для человечества? Или к ним следует критически отнестись? В этом случае актуальным становится вопрос о том, на какой основе разные ценности мы будем сопрягать и вырабатывать новую ценностную базу для постсовременного мира.

Таинство перезагрузки ценностей

Как определить, что будет положено в качестве основы новой современности. Конечно, какие-то ценности должны быть положены в основу. Изучение новых тенденций изменения ценностного мира современного общества имеет высокое практическое значение, как с точки зрения анализа внутренних факторов актуальных социально-политических процессов, так и с точки зрения оценки перспектив дальнейшего устойчивого развития социально-политических институтов [Ценностный мир... 2009; Ценностный мир... 2013; Ценностный мир... 2016; Ценностный мир... 2019]. Возникает вопрос: можем ли мы эти ценности с учетом того, как они сформулированы в истории западной цивилизации и как их в настоящее время нам предлагают, положить в основу будущего единого человечества?

На первый план выходит проблема трансформации базовых ценностей, которые во многом определяют содержание новой цивилизационной целостности. В постиндустриальном мире, с формированием общества потребления, и рациональность начинает толковаться иначе, и наука начинает рассматриваться иначе, и экономическая жизнь общества тоже рассматривается иначе. С таких позиций было бы интересно исследовать, какие изменения ценностей произошли в обществе потребления. И с этой точки зрения полезно рассмотреть новые точки роста для будущего и изменения, которые усугубляют наметившийся глобальный кризис. Проблема ценностей – это проблема выработки некоего общего содержания, призванного способствовать выходу из глобального кризиса. Если этого не будет, то это не ценности, на которые можно ориентироваться.

Современная цивилизация вошла в стадию неустойчивости, кризисных состояний и нестабильности. И на этом пути будут соперничать стратегии, сохраняющие базовые ценности прежнего типа развития, со стратегиями, ориентированными на поиск новых ценностей, способствующих выходу из глобальных кризисов. В этой ситуации «в центре философского дискурса выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судеб современной цивилизации и культуры, с возможными сценариями будущего человечества» [Степин 2019, 761].

Анализируя содержание понятия техногенной цивилизации, следует отметить, что рост потребления и распространения рыночных отношений вызывают обострение экологического и антропологического кризисов. В этих условиях ключевым становится вопрос о ценностной перезагрузке, которая определяет содержание современности. К числу ценностей, уже существующих, но еще не ставших универсальными, В.С. Степиным отнесены этика ненасилия, гуманизация науки и технологий, личностное совершенствование, общечеловеческие ценности. Он допускал, что новая современность может и не возникнуть. В этом случае общество остается неразгаданным. «Важно осмыслить перемены, происходящие в различных сферах современной культуры, и выяснить, не возникают ли здесь новые жизненные смыслы и ценности, которые потом станут зародышевыми формами нового культурно-генетического кода, обеспечивающего новый тип цивилизационного развития», – писал В.С. Степин [Степин 2019, 737].

В какой-то степени проблема существования культурного кода как технологической системы, посредством которой передается и наследуется информация, отражающая традиции, ценности, исторический опыт предшествующих поколений, остается открытой. Культура все больше стала ассоциироваться со средой сохранения и возможной передачи духовного цивилизационного наследия.

Любые крупные перемены в человеческой жизнедеятельности предполагают изменения в культуре, которые, как правило, являются результатом переосмысливания глубинных смыслов человеческого бытия и его ценностей. Идеи, рожденные в ходе этого процесса, «задают особый ракурс обсуждаемой проблемы, акцентируя внимание на роли ценностей и архетипов сознания, трансформацию которых во многом определяет тот или иной тип цивилизационного развития человечества» [Степин 1996, 8]. Перезагрузка существующих ценностей – результат укоренения новых мировоззренческих смыслов, отражающих состояние культуры как среды, в недрах которой постоянно происходит синтез традиционного и зарождающегося нового. В результате возникают мировоззренческие установки, которые определяют жизненные приоритеты активной части общества. Если общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится питательной средой, определяющей направленность изменений и их содержание. Почвой, в которой происходит перезагрузка ценностей, «завязываются» точки роста современности, является наша действительность, социальная жизнь человека.

В силе того, что процессы социализации и общественное сознание не подвержены столь же быстрым переменам, как изменения политической и экономических сфер, требуется выработка механизмов

адаптации к изменяющемуся миру. Согласно В.С. Степину, «идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [Степин 2017, 10]. В этой связи возникает вопрос о предпосылках и механизмах формирования точек роста нового, как ответ на перемены в мире и мутации, происходящие в его культурном коде.

Так сложилось, что сегодня в мире ни одна страна не является образцом для подражания, нет идеала, заимствовать который стремились бы другие. Поэтому вполне закономерным видится то, что новые независимые страны по-разному ведут себя в выборе новых приоритетов, и чем дальше, тем больше их пути расходятся. Современность несет прагматизм, ввиду которого приоритет отдают наращиванию экономического и военного потенциала, т.е. сила вновь становится главным аргументом в современной геополитической игре. Г.В. Колодко отмечал: «Человечество все еще не в состоянии ответить на многочисленные вызовы, которые ставит перед ним современное развитие с его мегатрендами, связанными с современным этапом научно-технической революции, коренным пересмотром культурных ценностей, глобализацией» [Колодко 2015, 170].

Ускоряющаяся динамика времени, глобальный характер перемен в сфере коммуникации и диалоге культур изменяют наши представления о культуре. В.В. Миронов обращал внимание: «До периода научно-технической революции культура в силу относительно небольшого и нединамического поля коммуникации была стационарным образованием. Понятие культуры в некотором смысле всегда выражало то, что остается стабильным на протяжении не только жизни отдельного человека, но и многих поколений. Жизнь людей протекала как бы на фоне культуры, и включение в нее каких-то новых ценностей могло занять целую жизнь человека. Ценности становились внутрикультурными после достаточно длительного историко-социального отбора. Это определяло изначальный консерватизм культуры и ее носителей» [Миронов 2011, 89]. «Процесс смены культурных ценностей и включения в нее новых более длительный и сложный, чем смена научной картины мира перед лицом фактов. В культурном смысле этот консерватизм оправдан, т.к. позволяет сохранять общезначимый фундамент культуры, не позволяя изменять систему ценностей под влиянием возникновения новых представлений, не успевших пройти “культурную обработку”. Ценности культуры имеют свойство приращения, тогда как новые научные

открытия часто базируются на отрицании предшествующих» [Миронов 2011, 89–90].

Что собой представляет процесс перезагрузки ценностей? В.С. Степин писал: «Я считаю, что мы вступили в эпоху поиска новых ценностей, но они не будут заимствованы откуда-то извне и в готовом виде современной цивилизацией. Они должны вырастать внутри нее» [Степин 2019, 739]. «Надо искать точки роста новых ценностей внутри самой техногенной цивилизации. Я думаю, что именно это на сегодня – одна из главных задач философии» [Степин 2019, 740]. «Чтобы найти выход из кризисов, необходимо радикальное изменение предшествующей стратегии цивилизационного развития. Такое изменение, в свою очередь, требует трансформации базисных ценностей. Они неразрывно связаны с фундаментальными жизненными смыслами, составляющими содержание концептов культуры, ее мировоззренческих универсалий – “человек”, “природа”, “человеческая деятельность”, “личность”, “рациональность”, “власть”, “добро”, “зло”, “справедливость”, “свобода” и т.д.» [Степин 2019, 762].

Сегодня можно с достаточной долей уверенности предположить, что наличие широких возможностей для реализации перезагрузки ценностей выступает важнейшим условием выстраивания профиля новой современности, которая обеспечила бы стабильность развития. Вместе с тем следует учитывать менталитет и особенности национального характера людей. Как показал недавний опыт, темп и характер изменений политической и экономической системы, а также предрасположенность к той или иной модели развития во многом зависят от структурно-экономических, этнокультурных, политических и иных конкретно-исторических черт каждой страны.

Заключение

Современность – одно из самых загадочных понятий, формирование которого во многом определяется ценностной перезагрузкой. Сегодняшняя ситуация характеризуется глобальной нестабильностью. Последствия распада Советского Союза оказались намного сложнее, чем предполагалось ранее. Это делает необходимым переосмысление собственного исторического опыта для перехода к новым уровням социальной сложности и организованности при сохранении актуализированных смыслов человеческого бытия. Современность – это и есть социальная реальность, представление человека об обществе, и она включает в себя основные аспекты отношения человека к миру.

Вызов современности напрямую сопряжен с проблемой перезагрузки базовых ценностей. Перезагрузка существующих ценностей представляет собой цепочку укоренения новых мировоз-

зренческих смыслов, отражающих состояние культуры как среды, в недрах которой постоянно происходит синтез традиционного и зарождающегося нового. Путь к формированию новой ценностной модели, обеспечивающей стабильное развитие, лежит через создание механизмов преодоления вызовов и адаптации к условиям трансформирующегося мира. На карту поставлено будущее, и от того, как справится общество с вызовами современности, будет зависеть и наша жизнь в дальнейшем.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гидденс 2011 – *Гидденс Э.* Последствия современности. – М.: Практикс, 2011.

Дмитриев 2011 – *Дмитриев Т.А.* Сокрушительная современность Энтони Гидденса // *Гидденс Э.* Последствия современности. – М.: Практикс, 2011.

Касавин 2020 – *Касавин И.Т.* Наука – гуманистический проект. – М.: Весь Мир, 2020.

Колодко 2015 – *Колодко Г.В.* Глобализация, трансформация, кризис – что дальше? – М.: Магистр, 2015.

Миронов 2011 – *Миронов В.В.* Современные трансформации культуры. – СПб.: СПбГУП, 2011.

Миронов 2020 – *Миронов В.В.* Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью. – М.: РГ-Пресс, 2020.

Смирнов 2021 – *Смирнов А.В.* Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению / 2-е изд. – М.: ЯСК, 2021.

Степин 1996 – *Степин В.С.* Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. – М.: ИФ РАН, 1996.

Степин 2009 – *Степин В.С.* Картина социальной реальности в системе научного знания (Ч. 2: Структура социальной реальности) // Журнал Белорусского государственного университета Социология. 2009. № 4. С. 3–18.

Степин 2017 – *Степин В.С.* Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 3. С. 6–11.

Степин 2019 – *Степин В.С.* Человек. Деятельность. Культура. – СПб.: СПбГУП, 2019.

Степин 2021 – *Степин В.С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. – Минск: Беларуская навука, 2021.

Ценностный мир... 2009 – Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2009.

Ценностный мир... 2013 – Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей / под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2013.

Ценностный мир... 2016 – Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в между-

народных проектах по изучению ценностей / под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, В.В. Правдивца, Д.Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2016.

Ценностный мир... 2019 – Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018 / под ред. Д.М. Булышко, Д.Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2019.

REFERENCES

Bulynko D.M., Danilov A.N., & Rotman D.G. (Eds.) (2009) *World of Values 2009 – The Value World of Modern Man: Belarus in the Project “Research of European Values”*. Minsk: Belarusian State University (in Russian).

Bulynko D.M., Danilov A.N., & Rotman D.G. (Eds.) (2013) *World of Values 2013 – Value World of Modern Man: Belarus and Its Neighbors in International Projects for the Study of Values*. Minsk: Belarusian State University (in Russian).

Bulynko D.M., Danilov A.N., & Rotman D.G. (Eds.) (2016) *World of Values 2016 – Value World of Modern Man: Eastern Partnership Countries, the European Union and Russia in International Projects for the Study of Values*. Minsk: Belarusian State University (in Russian).

Bulynko D.M., Danilov A.N., & Rotman D.G. (Eds.) (2019) *World of Values 2019 – Value World of Modern Man: European Values Research Project, Wave–2018*. Minsk: Belarusian State University (in Russian).

Dmitriev T.A. (2011) The Crushing Modernity of Anthony Giddens. In: Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praxis (in Russian).

Giddens A. (2011) *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praxis (Russian translation).

Kasavin I.T. (2020) *Science as a Humanistic Project*. Moscow: Ves' mir (in Russian).

Kolodko G.V. (2015) *Globalization, Transformation, Crisis – What Is Next?* Moscow: Magistr (in Russian).

Mironov V.V. (2011) *Modern Transformations of Culture*. Saint Petersburg: SPbGUP (in Russian).

Mironov V.V. (2020) *Metaphysics Does Not Die: Selected Articles, Speeches and Interviews*. Moscow: RG-Press (in Russian).

Smirnov A.V. (2021) *The Logic of Meaning as a Philosophy of Mind: An Invitation to Reflection* (2nd ed.). Moscow: LRC Publishing House (in Russian).

Stepin V.S. (1996) *The Era of Changes and Future Scenarios. Selected Socio-Philosophical Publications*. Moscow: RAS Institute of Philosophy (in Russian).

Stepin V.S. (2009) The Image of Social Reality in the System of Scientific Knowledge (Part 2: The Structure of Social Reality). *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. No. 4, pp. 3–18 (in Russian).

Stepin V.S. (2017) Civilization in the Age of Changes: The Search for New development Strategy. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. No. 3, pp. 6–11 (in Russian).

Stepin V.S. (2019) *Man. Activity. Culture*. Saint Petersburg: SPbGUP (in Russian).

Stepin V.S. (2021) *Theoretical Knowledge: Structure, History of Evolution*. Minsk: Belaruskaya navuka (in Russian).

Особенности постсоветского периода развития Беларуси в свете идей А.А. Зиновьева

А.А. Лазаревич

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь*

Аннотация

В статье рассматриваются особенности постсоветского периода трансформации общества и становления государственного суверенитета Беларуси в контексте сравнительного анализа советской (коммунистической) и западной (капиталистической) систем развития, проведенного известным российским философом и социологом А.А. Зиновьевым. Обращается внимание на причины распада СССР в понимании А.А. Зиновьева, а также на поиск постсоветскими странами, в том числе и Республикой Беларусь, собственных путей выхода из сложившегося кризиса. Утверждается, что важнейшая задача обретения государственного суверенитета обусловлена не только социально-экономическими процессами, но и сферой национального самосознания, особенностями формирования национально-культурной идентичности. Автор указывает на то, что эта задача связана и с национальной философией как устойчивой основой интеллектуального культуротворчества, эволюционного формирования мировоззрения и культурных ценностей народа. Показан толерантный характер этого процесса в Беларуси, что позволило избежать в стране острых социальных конфликтов и противопоставления культуры белорусов и национальной модели развития традициям и достижениям соседних государств, мировому цивилизационному процессу в целом. Рассмотрены успехи Республики Беларусь в сфере социально-экономического и научно-технологического развития как основы дальнейшей модернизации страны в новых геополитических условиях. Обращается внимание на то, что концептуальные взгляды А.А. Зиновьева многогранны и продолжают играть определенную роль в науке, культуре, социальном развитии, общественно-политической практике. Творчество Зиновьева ценно и тем, что оно по-прежнему является актуальным и служит теоретической, идеологической и методологической базой в оценке современности, в том числе в понимании общественно-политических процессов, которые сложились сегодня на постсоветском пространстве, вокруг России и Беларуси, в отношениях Запада и Востока.

Ключевые слова: социальная философия, философия политики, модернизация, глобализация, интеграционные процессы, распад СССР, современность.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – кандидат философских наук, доцент, директор Института философии Национальной академии наук Беларуси.

a.a.lazarevich@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3365-2019>

Для цитирования: Лазаревич А.А. Особенности постсоветского периода развития Беларуси в свете идей А.А. Зиновьева // Философские науки. 2022. Т. 65. № 3. С. 25–38.

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-25-38

Specifics of the Post-Soviet Period of Development of Belarus in the Light of A.A. Zinoviev's Ideas

A.A. Lazarevich

Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Abstract

The article examines features of the post-Soviet period of social transformation and state building of Belarus in the context of the comparative analysis of the Soviet (communist) and Western (capitalist) development systems conducted by the famous Russian philosopher and sociologist Alexander Zinoviev. The author pays attention to the reasons of the collapse of the USSR, according to A.A. Zinoviev, as well as to the search by the post-Soviet countries, including the Republic of Belarus, for their own ways out of the current crisis. The author states that the most important task of gaining state sovereignty is associated not only with social and economic processes but also with the field of national self-consciousness and the specifics of the formation of national and cultural identity. This cause is related, among other things, with the national philosophy as a stable basis of intellectual cultural creation, the evolutionary formation of worldview and cultural values of people. The author demonstrates a tolerant nature of this process in Belarus which made it possible to avoid acute social conflicts in the country and to avoid the opposition of the Belarusian model of development and culture to the traditions and achievements of neighboring countries and the world civilizational process as a whole. Also the author demonstrates contemporary achievements of the Republic of Belarus in the sphere of socio-economic and scientific-technological development

as the basis for further modernization of the country in new geopolitical conditions. The conceptual views of A.A. Zinoviev are multifaceted, they have contributed and continue to play an important role in science, culture, social development, socio-political practice. Zinoviev's works are very valuable since they are still actual and serve as a good theoretical, ideological, and methodological basis in assessing modernity, including understanding socio-political processes that have developed today in the post-Soviet space, around Russia and Belarus, in relations between the West and the East.

Keywords: social philosophy, political philosophy, modernization, globalization, integration processes, collapse of the USSR, modernity.

Anatoly A. Lazarevich – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus.

a.a.lazarevich@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3365-2019>

For citation: Lazarevich A.A. (2022) Specifics of the Post-Soviet Period of Development of Belarus in the Light of A.A. Zinoviev's Ideas. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 65, no. 3, pp. 25–38. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-25-38

Введение

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения Александра Александровича Зиновьева, выдающегося мыслителя нашего времени. А.А. Зиновьев – яркая фигура в советской, российской и мировой философии. Он положил начало развернутым исследованиям в Советском Союзе проблем многозначной и модальной логик, теории логического следования, внес значительный вклад в развитие этих областей познания. Зиновьев разработал методы, средства логического анализа языка науки и на базе этого раскрыл ряд проблем философии, методологии познания в сфере физики, социологии и науки в целом. Развил идею комплексной логики, сочетающей логический, гносеологический и онтологический аспекты исследования. Результаты его логико-философских разработок изложены в монографиях «Философские проблемы многозначной логики» (1960), «Логика высказываний и теория вывода» (1962), «Основы логической теории научных знаний» (1967), «Комплексная логика» (1970), «Логика науки» (1971), «Логическая физика» (1972). Работы ученого вызвали огромный интерес не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Они переизданы на немецком и английском языках.

Перестройку в Советском Союзе А.А. Зиновьев воспринял критически. Он считал, что постепенно накапливавшиеся проблемы, которые привели Советский Союз в начале 80-х годов XX века к кризисной ситуации, были проблемами управления. Их нельзя было решать путем разрушительного применения рыночных методов Запада. Философ характеризовал успехи советского периода как исторически наиболее высокие достижения России в масштабах мирового политического процесса. Методы, использовавшиеся руководством страны для перестройки и в значительной мере связанные с подражанием западному рынку, не соответствовали огромной специфической социальной системе, гигантскому государству, которым являлся Советский Союз. С началом перестройки А.А. Зиновьевым изданы такие резко критические произведения, как «Горбачевизм» (1988), «Катастрожка» (1988), «Смута» (1994) и др. Западный путь развития, как он называет «западнизм», исследован в его книгах «Запад» (1995), «Глобальный человек» (1997) и др. [Лазаревич, Павлюкевич 2022, 420–421].

Творчество А.А. Зиновьева многогранно. Его концептуальные взгляды продолжают играть свою роль в науке, культуре, социальном развитии, общественно-политической практике. Творчество А.А. Зиновьева ценно тем, что оно по-прежнему является актуальным, служит теоретической, идеологической и методологической базой в оценке современности, в том числе в понимании общественно-политических процессов, которые сложились сегодня на постсоветском пространстве, вокруг России и Беларуси, в отношениях Запада и Востока.

Ученый приезжал в Минск, выступал с лекциями в Белорусском государственном университете, в Национальной академии наук Беларуси, на радио и телевидении, проводить брифинги для журналистов. В 1999 году прошла его встреча с Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. В рамках этой встречи состоялся интересный диалог, посвященный широкому кругу вопросов общественно-политического развития в мире, Российской Федерации, Республике Беларусь. Книга А.А. Зиновьева «Глобальное сверхобщество и Россия» представляет собой развернутое изложение идей, с которыми философ ознакомил белорусскую общественность.

Социально-философские взгляды А.А. Зиновьева интересны прежде всего тем, что они дают сравнительную оценку советской (коммунистической) и западной (капиталистической) действительности, с выявлением глубинной онтологии этих извечно конкурирующих миров, образов и стилей жизни. В ряде своих работ автор говорит о внутренней идеологической прочности советской системы, о том, что могут сменяться генеральные

секретари, приходиться новые люди, но система способна выдерживать, фактически нивелировать любые издержки и противоречия, в том числе субъективного характера. И все же, оценивая итоги перестройки и причины распада СССР, А.А. Зиновьев позднее, в частности в работе «Русская контрреволюция» (1999), отметит, что не было никаких объективных причин распада СССР.

Тем не менее произошел распад СССР, сложилась новая постсоветская и шире – геополитическая реальность. В этой реальности уже бывшим советским республикам нужно было самостоятельно искать свое место в цивилизационной картине мира.

Модели цивилизационного развития могут быть разными, как в теории, так и на практике. Данной теме посвящено много исследований. Немало писал об этом и А.А. Зиновьев, к примеру, с позиций логики систем, соотношения части и целого, в работе «Великий эволюционный перелом». Нередко во внимание принимается сравнительно упрощенная, но все же близкая к реальности цивилизационная модель, в которой стержневыми выступают западный и восточный вектора или центры развития, другими словами, анализ ведется в координатах «Восток – Запад», через противопоставление Восточной и Западной цивилизаций. Такая методология не соответствовала представлениям Зиновьева, поскольку он считал, что западная цивилизация себя фактически исчерпала, перейдя в иную социальную реальность.

Особенности белорусской идентичности¹

Для Беларуси на протяжении большей части ее истории цивилизационный выбор так или иначе касался дилеммы «Запад – Восток», поскольку объективно белорусский народ и его культура находились и продолжают находиться на границе указанных цивилизационных миров. Исторически белорусская государственность и национально-культурное самосознание народа формировались в сложной конфигурации западного и восточного цивилизационных проектов, соответствующих геополитических реалий, социально-экономических и культурно-образовательных традиций. В определенное время хронологически это выглядело следующим образом: Великое княжество Литовское – Речь Посполитая – Российская империя – СССР – постсоветский период самостоятельного развития. Во всех этих политических и государственных образованиях белорусский народ пытался

¹ Излагается уточненный и адаптированный к теме статьи контекст проблемы белорусской идентичности, рассмотренной автором в более ранней публикации [Лазаревич 2010].

сохранить самобытность, свою культуру, обрести независимость и суверенитет.

Проблема белорусской идентичности имеет две важнейшие составляющие. Первая из них – объективная, которая своими корнями уходит в глубь сложной и противоречивой истории формирования белорусского этноса, национально-культурных традиций и государственности. Четкая и соответствующая реальности экспликация этнокультурных, национально-государственных, философских, политических, идеологических, иных духовных и материальных «артефактов» этого процесса выступает основополагающим «маркером» белорусской идентичности. В качестве примера приведем эпоху первого белорусского Возрождения (XVI – начало XVII века). Среди представителей отечественной гуманистической культуры этого времени – Ф. Скорина, А. Гусовский, В. Тяпинский, С. Будный, Л. Сапега, А. Волан, М. Смотрицкий и др. В течение этого периода сформировались важнейшие ценности и идеалы, составляющие основу современного образа и национальной идентичности белорусского народа. В их числе – единство общечеловеческого и национального, ренессансно-гуманистическая концепция человека, пронизанная идеей духовной свободы, верховенства закона, представительной системы власти; культурно-религиозное согласие; толерантность как одна из исторически обусловленных черт характера белоруса; этическая доминанта философской мысли; неприятие в духовной жизни, национально-культурной политике принуждения и насилия и др. [Падокушын 2003, 93–94].

Могут ли эти исторически сложившиеся доминанты рассматриваться в качестве системообразующих признаков идентификации белорусской нации? Ответ предполагается, естественно, положительный, несмотря на то, что многие из них имеют универсальный характер и могут быть отнесены к ряду других национально-культурных эпох и общностей. В своей интегрально-смысловой определенности, в общественно-политическом и культурном преломлении, а особенно – в их оригинальной, в том числе персонафицированной заданности, такие идеалы и принципы в числе других, несомненно, выступают важнейшей основой белорусской идентичности.

Историко-философский контекст выявления и интерпретации особенностей национально-культурной идентичности, конечно, имеет свои условности и границы применимости. Многие из этих особенностей носят универсальный характер (идея свободы, верховенство закона, культурно-религиозное согласие), другие – национально-специфический (язык, ментальность), третьи – географическую природу, четвертые – исторически преходящий

смысл. Так, в отношении свойственного белорусам гуманистического принципа толерантности, уважительного отношения к иным взглядам, идеям, мировоззренческим позициям, конфессиям, культурам можно утверждать, что этот принцип, восходящий к периоду Древней Руси и сохранивший значение до наших дней, является результатом геополитического положения («десятивекowego колебания», как сформулировал И. Абдиралович) белорусов между Востоком и Западом, «результатом духовно-культурного синтеза взаимосвязи и взаимодействия этого региона с восточной и западной культурой» [Падокшын 2003, 20].

Наиболее характерные принципы и результаты философской, общественно-политической, правовой, литературно-художественной и в целом духовно-культурной деятельности, несомненно, выступают «индикаторами» национальной идентичности, составляя лишь их часть наряду с другими возможными особенностями мировоззрения и быта народа, образцами материальной культуры, социально-экономической практики, уклада жизни и т.п. В условиях современного глобализирующегося мира основания национальной-культурной идентичности существенно трансформируются, особенно те из компонентов, которые «оторваны» или по каким-то причинам дистанцированы от исторических корней. В этом смысле историко-философская и в целом интеллектуально-культурная составляющая оснований национальной идентичности является наиболее устойчивой, инвариантной по отношению к современным формам развития и экспансии массовой культуры. Таковую же устойчивость демонстрируют типы индивидуального и общественного сознания, которые обращены к истокам национальной культуры, к продуцированию, в том числе и на этой основе смыслов и результатов деятельности, имеющих исключительную оригинальность и самобытность.

Вторая составляющая проблемы белорусской идентичности – субъективная – относится к сфере индивидуального и общественного сознания и самосознания. Она определяется в значительной мере уровнем образования и воспитания, влияющих на убеждения человека. Ключевым служит поиск ответа на вопрос о том, кто мы.

По итогам ряда белорусских социологических опросов на этот счет неизменно доминирующим всегда оказывался результат, который определялся не фактором национальной принадлежности человека, а привязанностью его к той или иной территории, родной земле. Речь в данном случае идет не только и даже не столько об этнонациональных предпочтениях гражданина Беларуси, сколько об образе жизни и деятельности, материальной и духовной культуре нации, характере, чувствах, обычаях, мироо-

щущения народа, прикоснувшись к которым человеку, не только белорусской национальности, но и проживающему в Беларуси, захотелось бы назвать себя белорусом. В итоге это позволило преодолеть комплекс «тутэйшасці» (буквально – принадлежности к определенному региону, местности). Его в свое время критически оценивал классик белорусской литературы Я. Купала. По его мнению, именно такой подход мешал построению белорусской идентичности, которая должна быть связана с ценностями нации и национальной культуры. Тот факт, что через много лет принадлежность к месту рождения, к своей земле, остается по-прежнему значимым для белорусов, не является случайностью.

История белорусского народа складывалась таким образом, что практически все государственные образования, которые существовали на территории Беларуси, являлись многонациональными и поликультурными. Процесс формирования белорусской нации происходил в ситуации «между», обуславливавшей постоянную трансформацию доминирующих ценностей в результате изменений политического характера. Поэтому уникальной моделью построения собственной стабильной идентичности для белоруса и было определение себя как «человека, родившегося на этой земле».

Вместе с тем для постсоветского периода становления белорусской идентичности характерна следующая особенность: нарушение принципа «социально-культурных эстафет», общественно-политической преемственности в историко-культурном процессе и процессе национально-государственного строительства, соответствующие пробелы в образовании и воспитании компенсируются интуитивным выстраиванием типичного образа белоруса и белорусскости, соответствовать которому хотел бы среднестатистический житель страны. Это – оптимистическая тенденция, свидетельствующая об отсутствии в общественном сознании завершенного «стандарта» белорусской идентичности, но одновременно обращенная в ситуацию суверенного национально-государственного строительства, формирования самостоятельного пути развития.

Если после распада СССР главным в исследованиях идентичности был вопрос «Кто мы?», то сегодня особую актуальность приобретает вопрос о том, какими будут белорусы в новых условиях цивилизационных трансформаций. Культурно-историческая пограничность Беларуси – пребывание между двумя мирами, Западом и Востоком, – сделала ее перманентной ареной конфликтов этих двух великих движущих сил истории. И ее народ, и ее интеллектуальная элита заплатили очень дорого за это особое место в театре восточно-европейской истории. Но это место

имело и имеет все-таки свою положительную сторону, впервые философски концептуализированную выдающимся (несмотря на небольшую – в текстуальном смысле – объем им написанного) белорусским философом Игнатом Абдзираловичем. Он писал о том, что, не будучи ни в один из моментов своего существования до конца инкорпорированной ни в одну из определяющих сил европейской истории, Беларусь осталась внутренне свободной от довлеющих форм социального бытия. В этой свободе, даже при всей невероятной исторической цене ее обретения, философ сумел распознать потенциал для будущего творческого развития белорусского народа, развития, небесполезного и для всего человечества. В 1921 году И. Абдзиралович уже отчетливо видел как судьбу коммунизма в России, обреченного влиться в жестокую бескомпромиссность восточной исторической парадигмы, так и грядущую интеллектуальную стагнацию, связанную с «духовным мещанством» Запада, где бытие человека нивелируется – в интересах социальной стабильности – дисциплиной и модой [Абдзіраловіч 2007, 17].

Сегодня Беларусь включена в глобальное информационное, политическое, экономическое и культурное пространство. Можно по-разному характеризовать процессы глобализации, но существенным представляется следующий факт. Они часто ведут к тому, что З. Бауман обозначил как «глубокую неопределенность» и «мягкость мира»: «в нем всякое может случиться и все может быть сделано, но ничего не может быть сделано раз и навсегда...» [Бауман 2002, 115].

Белорусское государство и вызовы современного мира

Изучая процессы формирования белорусской государственности, трансформации социально-экономической системы и национально-культурном развитии уже в постсоветский период следует отметить, что в Беларуси эти процессы проходили более эволюционно и спокойно, нежели в ряде других постсоветских республик. В вопросах суверенизации и социальной модернизации Беларусь и белорусы не зашли настолько далеко, чтобы противопоставлять себя другим странам и народам, не искали и не ищут исторической и национально-культурной исключительности. Мы спокойно и эволюционно развиваемся, часто переживаем о распаде бывшей огромной общей страны.

Такой подход позволил результативно вести процесс государственного строительства, избежать социальных потрясений, заложить основы т.н. белорусской модели социально-экономического развития. Ее ключевые компоненты можно сформулировать следующим образом:

– сильная государственная власть как залог политической стабильности, социальной справедливости и экономической эффективности, а также гарант национальной безопасности и суверенитета;

– обеспечение равноправия и эффективного функционирования всех форм собственности, всех форм хозяйствования;

– осуществление точечной, продуманной приватизации, нацеленной на повышение эффективности производства, при сохранении государственной собственности на стратегически важные предприятия и государственной поддержки приоритетных с точки зрения усиления их позиций на мировом рынке;

– многовекторность внешнеэкономической политики, развертывание широких интеграционных процессов со странами СНГ, прежде всего с Россией. Одновременно Беларусь ориентирована на присутствие в тех регионах мира, в которых это экономически выгодно и отвечает ее национальным интересам;

– проведение сильной социальной политики, подразумевающей приоритетное инвестирование в сферу образования, здравоохранения, науки, культуры с целью постоянного роста качества жизни людей.

В результате последовательной реализации принципов социально ориентированной экономической модели удалось решить ряд таких стратегических задач, как:

– сохранение, восстановление и модернизация крупных предприятий государственного сектора, а также проведение широкомасштабной модернизации приоритетных промышленных предприятий путем прямых государственных инвестиций и субсидий;

– модернизация сельского хозяйства и обеспечение продовольственной безопасности страны;

– сохранение и развитие трудового и производственного потенциала предприятий посредством системы госзаказов, субсидирования и объединения убыточных предприятий с рентабельными;

– наращивание экспорта продукции, развитие импортозамещающих производств, повышение уровня локализации стратегически важных видов продукции;

– формирование новых высокотехнологичных отраслей и производств.

Государство не допустило разрушения своего экономического потенциала, отказалось от сценария «шоковой» терапии, выбрав путь эволюционного развития на основе своих национальных интересов. Современные приоритеты Республики Беларусь формируются исходя из сложившейся ситуации. Устойчивой базой для

дальнейшего развития является задел в области экономической модернизации, развития науки и образования, цифровизации всех сфер жизни общества. Важной задачей в этом направлении видится создание эффективной национальной информационной среды системы образования, с помощью которой станет возможным осуществлять взаимодействие всех субъектов сферы образования и формирование национальной системы электронных образовательных ресурсов.

К приоритетным направлениям развития информационной индустрии и научных исследований в сфере информационно-коммуникационных технологий относятся создание на базе ведущих белорусских университетов и НАН Беларуси производства перспективного программного обеспечения, разработка и внедрение суперкомпьютерных технологий и технологий распределенных вычислений, формирование экспортно ориентированной отрасли услуг по автоматизированному проектированию сложных изделий, технологических процессов, разработке проектно-конструкторской и технологической документации.

С учетом указанных причин и в контексте общей идеологии становления общества, основанного на знании, научно-образовательный фактор представляется доминирующим в системе дальнейшей социальной модернизации. Именно наука формирует цели и приоритеты развития, разрабатывает инструменты их достижения. Значительным потенциалом в этом отношении должна обладать и, безусловно, обладает белорусская наука. Среди наукоемких разработок только НАН Беларуси – портативный суперкомпьютер, система идентификации и прослеживаемости товаров с использованием *RFID*-меток, *IT*-технологии для медицины и системы образования, отечественный электромобиль и малый персональный электротранспорт, серия высокоэффективных лекарственных препаратов на основе собственного синтеза, ДНК-паспортизация человека, высококонкурентные беспилотные летательные аппараты, новые конкурентные сорта сельскохозяйственных растений и породы животных, вся линейка сельскохозяйственных машин. Достигнутые результаты составляют основу для реализации новой академической инициативы – создания *IT*-града. Спектр решаемых в этом направлении задач широк: от научно-исследовательской деятельности в области информационных технологий и результатов мирового уровня в интересах национальной безопасности Республики Беларусь до разработки концепций построения, архитектуры и технологии формирования электронного правительства, электронного здравоохранения, обеспечения безопасности информационных систем. Это – уже

третья технопарковая структура в НАН Беларуси, после «Белбиограда» и «Академтехнограда» [Гусаков 2021].

Наряду с достигнутыми результатами существуют, естественно, и проблемы, особенно в связи с санкциями, которые Запад ввел в отношении не только России, но и Беларуси. Сложившаяся социально-экономическая и общественно-политическая ситуация во многом объясняется пророческими идеями и оценками, которые высказал в свое время А.А. Зиновьев. В работе «Русская трагедия» он писал: «В чем заключается вина России и русского народа и перед кем, разумеется, – вина, с точки зрения судьбы русской трагедии? Она заключается в той роли, какую Россия и русский народ сыграли в истории человечества...» [Зиновьев 2000, 89].

Эта роль, как отмечал далее А.А. Зиновьев, «воспринималась и переживалась западным миром и его хозяевами во многих аспектах... Во-первых, Россия осуществила прорыв в мировом эволюционном процессе, открыв новое направление социальной эволюции, качественно отличное от западного. На этом пути Россия добилась колоссальных успехов. Она нашла решение самых фундаментальных социальных проблем, в принципе неразрешимых в рамках западного пути... Во-вторых, опыт коммунистической России стал заразительным образцом для многочисленных народов планеты... Соответственно стали сокращаться возможности Запада в отношении колонизации планеты в своих интересах. В-третьих, Советский Союз стал превращаться во вторую сверхдержаву планеты с огромным и все растущим военным потенциалом... В-четвертых, Советский Союз (Россия в первую очередь) за поразительно короткое (с исторической точки зрения) время развил колоссальный интеллектуальный и творческий потенциал, который напугал Запад не меньше, чем потенциал военный» [Зиновьев 2000, 89–91].

Все это перешло в «антирусский проект», который, по мнению А.А. Зиновьева, должен спровоцировать процессы, которые бы вынесли окончательный «смертельный приговор России и русским». Последние события свидетельствуют о том, что А.А. Зиновьев не ошибся в своих выводах.

Заключение

В контексте изложенного возникает острая задача не только консолидации, но и эффективной модернизации нашего когда-то общего постсоветского пространства. В этом направлении многое делается, к примеру, в рамках развития Союзного государства Беларуси и России: усиливается экономическая интеграция, утверджен и начинает реализовываться ряд программ в области

научно-технического, культурно-образовательного и гуманитарного сотрудничества. Нужно также укреплять и развивать отношения на базе иных платформ евразийской интеграции (ЕАЭС, СНГ и т.д.). Главное, в этих процессах стараться избежать таких контрпродуктивных идеологем, которые иногда можно услышать из уст отдельных российских экспертов-политологов, о том, что Россия якобы долго терпела этот парад суверенитетов, а сегодня настало время действовать, т.е. чуть ли не силой обеспечивать постсоветскую интеграцию. Следует понимать, что на постсоветском пространстве сложилась новая общественно-политическая и национально-государственная реальность. Национальные государства и образующие их народы ищут свой путь сохранения культуры, образа жизни, социально-экономической и политической модернизации, сформировали или продолжают формировать свое национальное самосознание, и нужно уважать их право на это. Но вполне очевидным становится то, что это право не должно быть реализовано за счет агрессивного противодействия России, а тем более – создания ей региональных и глобальных угроз. Поэтому необходимо искать новые, адекватные сложившейся ситуации модели интеграции как на постсоветском пространстве, так и в глобальном аспекте, в том числе и с учетом опыта социального анализа А.А. Зиновьева.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абдзіраловіч 2007 – *Абдзіраловіч І.* Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветагляду. – Львоў: Изд-во Парахвіі св. Кірылы Тураўскага, 2007.

Бауман 2002 – *Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002.

Гусаков 2021 – *Гусаков В.Г.* Белорусская наука на пути к новым точкам роста // Наука и инновации. 2021. № 11. С. 5–10.

Зиновьев 2000 – *Зиновьев А.А.* Глобальное сверхобщество и Россия. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.

Лазаревич 2010 – *Лазаревич А.А.* Белорусская идентичность: национальный и глобальный контекст // Республика Казахстан: опыт государственного строительства и перспективы социально-политической модернизации: Международная научно-практ. конф. 21 мая 2010 / науч. ред. А.Н. Нысанбаев. – Алматы: КИЦ ИФП, 2010. С. 72–80.

Лазаревич, Павлюкевич 2022 – *Лазаревич А.А., Павлюкевич В.И.* Выдающийся философ, логик, социолог, писатель. Он шел против течения: Александр Александрович Зиновьев (1922–2006) // Философские исследования: сб. науч. трудов. Вып. 9. – Минск: Беларуская навука, 2022. С. 419–422.

Падокшын 2003 – Падокшын С.А. Беларуская думка у кантэксце гісторыі і культуры. – Мінск: Беларуская навука, 2003.

REFERENCES

Abdziralovich I. (2007) *Eternal Way. Studies of the Belarusian Worldview*. Lviv: Publishing House of the Parish of St. Kirily Turausky (in Belarusian)..

Bauman Z. (2002) *The Individualized Society*. Moscow: Logos (Russian translation).

Gusakov V.G. (2021) Belarusian Science on the Way to New Growth Points. *Nauka i innovatsii*. No. 11, pp. 5–10 (in Russian).

Lazarevich A.A. (2010) Belarusian Identity: National and Global Context. In: Nysanbaev A.N. (Ed.) *Republic of Kazakhstan: Experience of State Building and Prospects of Socio-Political Modernization* (pp. 72–80). Almaty: KITs IFP (in Russian).

Lazarevich A.A. & Pavlyukevich V.I. (2022) Outstanding Philosopher, Logician, Sociologist, Writer. He Went against the Flow: Aleksandr Alexandrovich Zinoviev (1922–2006) In: *Philosophical Studies: Collection of Scientific Works* (Issue 9, pp. 419–422). Minsk: Belaruskaya navuka (in Belarusian).

Padokshin S.A. (2003) *Belarusian Thought in the Context of History and Culture*. Minsk: Belaruskaya navuka (in Belarusian).

Zinoviev A.A. (2000) *Global Super-Society and Russia*. Minsk: Harvest; Moscow: AST (in Russian).

Кризис демократии и проблема демократического мира

И.Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация

В статье выполнен анализ трех волн кризиса демократии в период XX – начала XXI века. В качестве причины первого кризиса демократии в начале XX века указано возникновение и развитие публичной политики, поставившей под вопрос управление большинством, обладающим конфликтогенным потенциалом. Этим была обусловлена необходимость контролировать и сдерживать власть народа и всеобщее избирательное право посредством СМИ и пропаганды для поддержания стабильности системы. Вторая волна кризиса демократии (последняя треть XX века) связана с разрушением конвенционального мира и ослаблением национального государства; ее маркерами стали нарушение равновесия между ветвями власти, доминирование экономики над политикой, преобладание равенства над свободой, проблематизация осуществления прав человека и, как следствие, невозможность реализовать на практике национальную форму демократии. Третья волна кризиса (начало XXI века) связана с трансформацией демократии в постдемократию, в которой на смену власти народа приходит власть глобального капитала, а иллюзия согласия закрепляется запретом на альтернативные точки зрения и сужения пространства вопросов, допустимых для обсуждения во имя безопасности. Кризис политики достижения мира посредством трансформации баланса сил в баланс интересов поставил под сомнение установки демократии. Постдемократии оправдывают применение силы для распространения демократии во всем мире и принимают активное участие в современных военных конфликтах, которые правомерно определить как гибридные прокси-войны. Опираясь на концепцию коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, автор статьи делает вывод о том, что для преодоления кризиса демократии необходимо как принять возможность альтернативы этой форме правления и допустить обсуждение маргинальных вопросов, так и вернуть большинство в пространство политического, в подлинную коммуникацию, делая ставку на его просвещение.

Ключевые слова: философия политики, социальная философия, постдемократия, капитализм, элиты, власть большинства, война, коммуникация.

Сидоренко Ирина Николаевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета.

iri_na2000@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7792-0102>

Для цитирования: *Сидоренко И.Н.* Кризис демократии и проблема демократического мира // *Философские науки.* 2022. Т. 65. № 3. С. 39–57. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-39-57

The Crisis of Democracy and the Problem of Democratic Peace

I.N. Sidorenko

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The author analyzes three waves of the crisis of democracy during the 20th and early 21st centuries. The first crisis of democracy in the early 20th century is caused by the emergence and development of public politics, which challenged the possibility to govern the masses having conflict potential, it balanced the power of the people and universal suffrage with the control of the media in order to maintain the stability of political system. The second wave of the crisis of democracy (the last third of the 20th century) is associated with the destruction of the conventional world and the weakening of the nation-state; and its markers were: the imbalance between the branches of government, the domination of economics over politics, the predominance of equality over freedom, the problematic implementation of human rights, and, as a consequence, the inability to put into practice the national form of democracy. The third wave of crisis (early the 21st century) is accompanied by the transformation of democracy into post-democracy, in which the power of the people is replaced by the power of global capital, and the illusion of consent is reinforced by the prohibition of alternative points of view and the narrowing of the space of issues allowed for discussion in the name of public security. The crisis of the policy to achieve peace through the transformation of the balance of powers into a balance of interests called into question the principles of democracy. On the contrary, post-democracies justify the use of force to spread democracy around the world, and they take an active part in contemporary military conflicts, which can

rightly be defined as hybrid proxy wars. Drawing on J. Habermas's concept of communicative rationality, the author concludes that to overcome the crisis of democracy it is necessary to accept the very possibility of an alternative to this form of government and allow to discuss these previously marginalized issues as well as to maintain the return of the majority to genuine communication and politics, contribute to its enlightenment.

Keywords: philosophy of politics, social philosophy, post-democracy, capitalism, elites, majority rule, war, communication.

Irina N. Sidorenko – D.Sc. in Philosophy, Professor, Department of the Philosophy of Culture, Belarusian State University.

iri_na2000@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7792-0102>

For citation: Sidorenko I.N. (2022) The Crisis of Democracy and the Problem of Democratic Peace. *Russian Journal of Philosophical Sciences=Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 3, pp. 39–57.

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-39-57

Введение

Переход от биполярного к многополярному миру в конце XX – начале XXI века затронул как геополитическую структуру мира, так и выявил кризисное состояние демократии. Это привело к разбалансировке политических сил и интересов, деградации международных отношений, разрушению конвенциональных оснований социально-политических и коммуникативных процессов, ядерной угрозе и новой мировой войне. Опыт прошедших мировых войн и интеграция населения в проект повсеместной милитаризации сполна отобразили процесс низведения субъекта до функционального звена тотальной системы, выход из которой для него невозможен.

Несмотря на существенную либерализацию мировых политических режимов, в наши дни осознание собственной свободы привело индивида лишь к большему удостоверению в своей зависимости от комплекса универсальных нормативных структур. Избавление от нынешней ценностной парадигмы в границах современного капиталистического общества стало немыслимым, что еще более подтверждается каскадом его идеологических ориентиров: надежды социалистической революции, подтвердив свою несбыточность, уступили место социал-демократии, онтологически обусловленной капитализмом. В результате положение человека современности оказалось целиком подчинено

регламентациям, которые определены его соответствием категориям отчуждения и дегуманизации – атрибутам современного общества.

Три волны кризиса демократии в период XX – начала XXI века

Кризис демократии в начале XXI века – это не одномоментное и экстраординарное явление. Если в качестве исследуемого периода выбрать XX – начало XXI века, то полагаем правомерным будет говорить о трех волнах этого кризиса: 1) начало XX века; 2) последняя треть XX века (с 1968 года); 3) начало XXI века (примерно с 2008 года).

Возникновение публичной политики в начале XX века, в которой активную и доминирующую роль стали играть политические партии и движения, а основным признаком демократии послужило общее избирательное право, инициировало первую волну кризиса демократии. Она совпала с кризисом либерализма, поставившим под вопрос идею прогресса. Основная задача, стоявшая перед политическими элитами, заключалась в том, чтобы оказывать максимальное влияние на большинство в ситуации, если это большинство допущено до избирательных урн. Для выполнения этой задачи использовались СМИ: газеты, журналы, радио, позднее – телевидение, которые стали мощным фактором воздействия.

В итоге сложилась опасная конфликтогенная ситуация, при которой в возникающей новой социально-политической реальности (Первая мировая война стала вестником и маркером этого нового мира) у людей нет согласия как по поводу образа реальности, так и относительно того, какие социально-политические практики будут успешными [Lang 2000, 272]. Вместе с тем, исходя из сути либеральной теории, становится очевидным, что конфликты угрожают свободе, независимости и в целом существованию демократического общества [Бенетон 2002, 77]. Соответственно, решить проблемы управления в этом обществе видится возможным посредством «контролируемого общественного мнения» [Липпман 2002]. Американский писатель и автор концепции общественного мнения Уолтер Липпман писал: «...безопасность рассматривается как необходимое условие функционирования демократии. Замкнутое сообщество основывается на идее минимальных волнений и беспокойств. Отсутствие демократии пред-

полагает возможность сюрпризов. Это означает, что существуют люди, которые влияют на твою жизнь, но которых ты не можешь контролировать и с которыми ты не можешь советоваться. Это также означает действие сил, нарушающих привычный ход событий, создающих новые проблемы...» [Липпман 2002, 259]. И если классическая теория демократии исходила из рациональности человека, а значит, естественного управления и веры в то, что «врожденная добрая воля и инстинктивная способность к государственной деятельности каждого человека могли претвориться в действие» [Липпман 2002, 294], то публичная политика основывалась на двух постулатах: 1) социально-политическая среда не является прозрачной, и в ней стихийное управление опасно, т.к. 2) люди не могут все знать, их знания ограничены. Соответственно, в демократии большинству должна быть отведена роль зрителя, который отдает свой голос на выборах и возвращается в свой приватный мир. Именно поэтому У. Липпман определял демократию как великую иллюзию и уподоблял ее пещере Платона. Но, если Платон видел задачу философа в том, чтобы не только выйти самому и познать благо-солнце, но и вывести остальных, то американский мыслитель полагал, что сообщества интеллектуалов и стоящие у них на службе СМИ должны поддерживать эту иллюзию, т.е. пребывание большинства в пещере для сохранения стабильности и безопасности в обществе. Так, первая волна кризиса демократии показала, что власть народа и всеобщее избирательное право должны контролироваться и сдерживаться для поддержания стабильности социально-политической системы.

Вторая волна кризиса демократии связана с разрушением конвенционального мира и ослаблением национального государства. Для общества «организованного модерна» (до 1968 года) характерна конвенционализация во всех сферах его жизнедеятельности, она выступала средством уменьшения общественной неопределенности и способствовала тому, что социальный мир был в большей степени управляемым. Например, тотализация социального надзора вела к исчезновению непрозрачных социальных пространств, а стандартизация поведения обеспечивала укрепление социальной стабильности и выступала основой солидарности. Однако в последней трети XX века искусственно удерживаемое равновесие мира посредством конвенциональности исчезло. В результате – ослабление роли партий и элиминация

большинства из политического пространства, т.е. произошла «тихая» революция элит.

В качестве основных характеристик второй волны кризиса правомерно выделить следующие. Во-первых, это – нарушение равновесия между ветвями власти. В частности, происходит укрепление исполнительной власти, сопровождающееся ослаблением, потерей авторитета парламента. Основанием политического представительства становится отождествление избирателя с личностью главы государства, политической партии, др. Коллективная воля оказалась под вопросом. Она – новая иллюзия демократии, иллюзия согласия, т.к. ни правительство, ни институт президента, ни политическая элита не способны представить волю большинства.

Во-вторых, растет доминирование экономики над политикой. Полагаем справедливым использовать термин «кризис политического» немецкого мыслителя Карла Шмитта по отношению к этому процессу в последней трети XX века [Шмитт 2000]. Государство постепенно превращается в фирму, чьи интересы ограничиваются прибылью и принятием эффективных, но тактических решений. Из-за этого неминуема потеря политического горизонта и регрессия стратегической мысли. Политик превращается в менеджера, а удел большинства – это апатия, иначе оно станет угрозой стабильности общества. Ситуация «кризиса политического» опасна еще и тем, что разбалансировка сил и интересов экономики и политики приводит к ситуации, в которой одна рука не ведает, что творит другая. Так, итальянский юрист и политический философ Луиджи Ферраджоли пишет: «Процесс такого смешения властей и интересов начинается с помощью установления господства рынка над общественной сферой, за которым соответственно следует подчинение правительственных властей огромным частным силам и интересам и установление тесных союзов между силами политики и средствами массовой информации» [Ferrajoli 2005, 56]. Итогом становится выхолащивание содержания речи политика, она начинает выполнять роль ширмы, скрывающей интересы капитала. Как следствие, возрастает роль СМИ и пропаганды. Такая коммерциализация политики приводит и к коммерциализации военной сферы, формированию рынков насилия за счет ослабления национального государства [Сидоренко 2014, 647]. Мы сталкиваемся с парадоксом демократии: свобода и равенство лишь в теории взаимосвязаны. На

практике свобода в пространстве экономических отношений не предполагает равенства, которое оборачивается стандартизацией, минимизацией социальной активности и апатичной усредненностью. Более того, свободная рыночная экономика непрозрачна, она едва ли поддается управлению. Поэтому проблема безопасности демократического общества продолжает быть актуальной: свобода грозит анархией, а значит, необходимы сдерживающие ее механизмы, в результате которых происходит смешение различий между армией и полицией, между внешними и внутренними угрозами.

В-третьих, в дилемме «равенство или свобода» получает преимущество равенство, понимаемое специфически: как равенство групп национальных, гендерных, религиозных и т.п., но не как равенство личностей. Таким образом, из политической сферы исключается личность, она утрачивает значимость своей позиции, точки зрения. Отдельный человек не интересен политической элите, т.к. один голос ничего решает в демократии массовидного большинства. В свою очередь, такое ложно понятое равенство ставит под вопрос права человека [Тэтчер 2003]. Иными словами, для их реализации необходимо еще доказать, что ты есть человек, т.е. являешься представителем той или иной группы, которую в данный момент защищают. Абстрактная формулировка прав человека практически не оставляет шансов конкретному человеку из плоти и крови. Такой регресс прав человека связан и с ослаблением национального государства.

Маргарет Тэтчер, характеризуя проблематичность Европейской хартии фундаментальных прав, отметила следующее: «Цель заключается в подчинении суверенных государств, демократических процедур принятия решений и национальных законодательств международным институтам и группам давления. А в философии, прикрывающейся зонтиком прав человека, явно угадываются традиционные левые взгляды к новым условиям» [Тэтчер 2003, 311]. Значимы в этом контексте и слова Л. Ферраджоли: «В век глобализации будущее каждой страны зависит все меньше от внутренней политики и все больше от внешних решений, принятых на внегосударственных политических форумах или глобальными экономическими силами» [Ferrajoli 2005, 58]. Следовательно, вместе с правами человека под вопрос ставится и национальная форма демократии, она оказывается невозможной. Итак, вторая волна кризиса привела к формированию молчаливого

и апатичного большинства, интерес к которому элиты проявляют лишь в период избирательной кампании.

Третья волна кризиса демократии связана с формированием «постдемократии». Термин принадлежит английскому социологу Колину Краучу. Под постдемократией он подразумевал систему, в которой, «несмотря на проведение выборов и возможность смены правительств, публичные предвыборные дебаты представляют собой тщательно срежиссированный спектакль, управляемый соперничающими командами профессионалов, которые владеют техниками убеждения, и ограниченный небольшим кругом проблем, отобранных этими командами. Масса граждан играет пассивную роль, откликаясь лишь на посылаемые им сигналы. За этим спектаклем электоральной игры разворачивается непубличная реальная политика, которая опирается на взаимодействие между избранными правительствами и элитами, представленными преимущественно деловыми кругами» [Крауч 2010, 19]. Так, постдемократия выступает «покрывалом майи» для дрейфующих к авторитаризму и даже тоталитаризму неолиберальных капиталистических обществ; это – спектакль, который разыгрывается только для того, чтобы сбить с толку внимательный взгляд, скрыть реальное положение дел; происходит сужение поля допустимых к обсуждению проблем. Для подтверждения целесообразно сослаться на мнение польского социолога Ежи Вятра, справедливо полагающего, что «крах либеральной демократии... отчасти является результатом утраты веры в стабильность и безопасность рыночной экономики, не без оснований считавшейся экономической основой либеральной демократии, что, в свою очередь, связано с мировым финансовым кризисом 2008 года. На этом фоне набирают силу популистские движения ярко выраженного националистического, а иногда и расистского характера. Растет разочарование граждан, особенно молодых поколений, что проявляется среди прочего во все более низких показателях участия в выборах. Происходит становление авторитарных режимов нового типа. Нынешняя волна “авторитарного популизма” выражает разочарование и мрачные настроения тех социальных классов, которые перестали чувствовать, что их социально-экономическое положение и культурная идентичность остаются в безопасности. Сущность нового авторитаризма заключается в том, чтобы создать максимально централизованную систему управления, в которой вся власть была бы сосредоточена в одном правящем центре»

[Вятр 2019, 79]. Постдемократия – это уже власть не народа, а власть ТНК и таких мультинациональных предприятий, как Всемирный банк, Международный валютный фонд и др.

Исходя из семантической конструкции фразы, становится понятным, что постнациональная демократия представляет собой уже не иллюзию согласия, а принуждение к согласию между политическими агентами вне учета их национальной специфики – феномена, кристаллизованного в идеологеме глобализации. В этом контексте представляется целесообразным обратиться к опыту XX века, т.е. предпосылке к тотализации подобных практик, непосредственно оспаривающих нормативные представления об архитектуре мировой политики в целом. Так, первичный прецедент массовизации, получивший сущностное воплощение в тоталитарных режимах XX века, может быть рассмотрен как попытка выражения радикального протеста в аспекте повсеместной стандартизации. Однако в этом случае важно учитывать национальную специфику каждого из вышеупомянутых государств: если в случае Советского Союза имела место экстраполяция спекулятивно марксистской доктрины, то в случае Германии лейтмотивом выступили обращение к национальному сознанию и его соответствующая политизация. Это привело к тому, что проявление противоречивых и внеморальных доктрин в форме массовых движений послужило «лакмусовой бумажкой» кризиса традиционных политических режимов. Соответственно, на этом фоне необходимость в нахождении срединного пути между фантазмами национальной гегемонии и утопическим движением ко всеобщему равенству оказалась актуализирована в демаркации зон влияния между странами как носителями определенного типа идеологии в послевоенный период. Несмотря на масштабный географический ареал просоветски настроенных стран, фактически они были лишены возможности воздействовать на последовательно диверсифицируемую капиталистическую повестку. Одной из причин чему являлась всеобщая стигматизация марксистских движений после процесса десталинизации в Советском Союзе.

Таким образом, уже в середине XX века мировая политика совершила «великий поворот» в сторону либерализма, а с ним – к декларативному снятию любых форм неравенства. В этот же период роль мирового гегемона оказалась делегирована США как стране, избежавшей прямого вовлечения в мировые конфликты, а значит, сумевшей подтвердить эффективность капиталисти-

ческой системы. В сущности, дальнейшие военизированные выступления, нацеленные на противодействие антидемократическим движениям (война во Вьетнаме, в Персидском заливе и др.), стали закономерной пролонгацией идеологии всеобщей стандартизации. Действительно, если в начале XX века мировая политическая арена представлена совокупностью самодостаточных государств, обладавших собственной политической стратегией и институциями, то впоследствии они оказались вынуждены дистанцироваться от автономных моделей развития. Как следствие, императив гомогенизации социально-политических и культурных практик ознаменовал собой оформление «постнациональных» государственных образований, в которых атрибуты обществ эпохи модерна (право, мораль, индивидуальное сознание) уступают место потребительству. Итак, правомерно констатировать, что по мере не критического принятия капиталистической аксиологии и деструкции национального самосознания любые вариации геополитического взаимодействия в современности являются постнациональными.

Постдемократия использует репрессивные механизмы воздействия и подавления, но мягче и виртуознее, нежели авторитарные и тоталитарные режимы [Бособрод 2014]. Принуждение к согласию в неолиберальных демократиях осуществляется во имя безопасности, и неявные, а подчас и открытые формы репрессивности, легитимны этим демократическим фетишем. Возрастающая агрессивность постдемократии связана с отсутствием ее четких критериев. Целесообразно отметить, что в научном сообществе нет согласия относительно универсального содержания понятия «демократия», пригодного для всех возможных социокультурных контекстов. Так, модели демократии, успешно работающие в одних культурах, могут оказаться нежизнеспособными в других. Кроме того, не вполне понятно, какие именно признаки демократии обеспечивают их миролюбивость, тем более что демократизация порой провоцирует политическую мобилизацию масс, в том числе и шовинистических. Одни исследователи объясняют мир процедурными признаками демократии, другие – акцентируют ее культурно-нормативное измерение, третьи – подчеркивают значимость демократических институтов. Демократия сама по себе не является культурной универсалией, а всегда имеет те или иные национальные особенности. С учетом этого ее признаки (избираемость, свобода слова и т.д.) не доказывают

существования универсальной модели организации политической жизни, а представляют собой продукт конкретных уникальных социальных условий. Более того, в исторических коллизиях периода XX – начала XXI века прослеживается то, что демократии, демонстрируя миролюбивость, не всегда руководствуются моральными соображениями и правовыми нормами, делая ставку на военную стратегию. Эти разногласия делают зыбкими основы теории демократического мира [Сидоренко 2017].

Проблема заключается в том, что третья волна кризиса демократии связана уже не столько с иллюзией согласия, сколько с иллюзией того, что военные действия осуществляются во благо, во имя мира и безопасности, т.к. ведутся с целью защиты или расширения демократии. Для этой иллюзии, возникшей за счет диктата единственной точки зрения, опасны дискуссии и экспертные мнения, поскольку они формируют иную реальность, а значит, допускают возможность альтернативных точек зрения, что, в свою очередь, создает риски и угрозы уже для постдемократии. У. Липпман указал: «Каждый демократ ощущает нутром, что опасные кризисы не совместимы с демократией, потому что ему известно, что, вследствие инерции масс, для принятия быстрых мер необходимо, чтобы решения принимались весьма небольшим числом людей и чтобы остальные слепо им подчинялись. Это не превратило демократов в непротивленцев, но при этом все войны, в которых участвовали демократические государства, велись ими во имя мира. Даже когда войны, по сути своей, были захватническими, то их искренне считали войнами в защиту цивилизации» [Липпман 2002, 259]. Таким образом, третья волна кризиса привела к формированию постдемократии, в которой вся власть принадлежит глобальному капиталу, а избиратели тешат себя мыслью о том, что они свободны в выборе своих комментариев и лайков, которые на самом деле управляются фабрикой согласия и цензурой, т.е. запретом на альтернативные точки зрения.

Постдемократия и проблема войны и мира

Классическую версию теории «вечного мира», оказавшей значимое влияние на становление современных подходов к определению сущности демократического мира, разработал Иммануил Кант. Свой план устранения войн и обеспечения мира между народами немецкий философ изложил в трактате «К вечному миру» [Кант 1964]. Этот проект основывается на идее о том, что

всемирная история представляет собой процесс развития человеческой свободы, и, соответственно, существует объективная закономерность перехода человечества к мирному состоянию и целесообразность создания союза народов на прочных основах. Естественное состояние людей, по мнению немецкого мыслителя, – это состояние войны. Однако прогресс человечества связан с достижением «вечного мира» между всеми государствами и народами посредством развития международной торговли и сотрудничества.

Причины войн И. Кант видел не только в человеческой природе, но и в законах общественной жизни. Отвергая вероломные средства ведения войны, мыслитель все же признавал оборонительные войны, а также войны ради основания национального государства. При этом философ писал, что совершенствование средств вооруженной борьбы, обусловленное прогрессом в технике и производстве, равно как и обострение противоречий между государствами, делают войну все более опасным и рискованным предприятием. Несомненно, война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, приведет к «вечному миру» лишь на гигантском кладбище человечества. Таким образом, угроза взаимного уничтожения создает дополнительные предпосылки для сознательного установления между государствами «вечного мира». Переход к «вечному миру», по мнению И. Канта, будет проявлением приведения жизни народов в соответствие с велением категорического императива, необходимым следствием развития их морального сознания. Механизмом перехода к «вечному миру» должно стать заключение государствами сначала предварительного, а затем окончательного договора о создании союза народов в форме федерации государств, каждое из которых сохраняет свой суверенитет [Сидоренко 2017; Кантовский проект... 2013].

Однако, как показала история, тенденции развития международных отношений порой создавали иллюзию трансформации баланса сил в баланс интересов. Но разум, подкрепленный доброй волей, вопреки надеждам И. Канта, не одержал верх над иными составляющими мировой политики. В этих условиях представители современной школы теории «демократического мира», такие как Майкл Дойл [Doyle 1983], Брюс Рассет [Russet 1993] и др., подошли с новых позиций к старой идее о том, что демократии не вступают в вооруженную конфронтацию друг с другом и разрешают имеющиеся противоречия исключительно мирным путем. Например,

М. Дойл в статье «Кант, либеральное наследие и международные дела» [Doyle 1983] предложил развернутое объяснение внутренних причин демократического мира. Опираясь на идеи И. Канта о влиянии внутреннего устройства государств на внешнюю политику, М. Дойл утверждал, что во внешней политике государства руководствуются такими же ценностями, что и во внутренней. Общность ценностей демократических государств способствует расширению и укреплению их мирного союза по мере роста числа демократий. В то же время либеральные ценности, определяющие мир между демократиями, вызывают агрессивность по отношению к автократиям, тем самым порождая угрозу войны против недемократических государств. Суть рассуждений М. Дойла заключается в следующем: поскольку автократии – это потенциальные агрессоры, которые не руководствуются либеральными ценностями, распространение либеральных ценностей вовсе не исключает угрозы войн против недемократических государств. Исходя из этого, становится очевидным, что при таких режимах степень превентивной агрессивности демократий будет в среднем схожей с отношениями между авторитарными государствами. Общая частота участия демократий в войнах должна быть ниже, поскольку демократии не воюют друг с другом. Однако в реальности снижения не происходит: если для горячих военных конфликтов это характерно, то в таких явлениях, как гибридная прокси-война, демократии принимают хоть и косвенное, но активное участие [Сидоренко 2017].

Развивая идеи М. Дойла, Б. Рассет в книге «Понимание демократического мира» [Russet 1993] попытался доказать, что даже в случае возникновения конфликта между демократиями существует много возможностей для мирного урегулирования споров. Вместе с тем он указывал на преобладающую роль общественного мнения и политических партий, способных в определенных условиях сдерживать возможные агрессивные наклонности политиков. Таким образом, сторонники теории демократического мира утверждают, что демократии могут преодолеть традиционные императивы политики силы и анархического порядка в международных отношениях. По их мнению, современные демократии способны воздерживаться от агрессии друг против друга, даже если силовое разрешение противоречий может быть в чем-то выгоднее мира. Тем не менее они сохраняют готовность к нападению на недемократические режимы, поскольку не рассматривают их

в качестве полноценных субъектов международных отношений. Этот аргумент, собственно, и служит оправданием применения силы для распространения демократии в мире. Ввиду угроз, актуальных для современного мира, таких как геноцид, этнические чистки, экологические преступления, терроризм и т.д., теория демократического мира раскрывает неэффективность сложившейся системы коллективной безопасности. В частности, традиционные интересы государств как участников международных отношений выступают препятствиями на пути предотвращения преступлений против человечности. В то же время основной источник войн в них связан с отсутствием демократии, репрессивным характером политических режимов [Сидоренко 2017].

Неубедительны и институциональные аргументы теории демократического мира. Т.н. взаимное доверие и уважение среди демократий нередко оказывается лишь видимостью, если речь идет о борьбе за власть и национальную безопасность. Особенно агрессивны в достижении военно-стратегических целей империи и великие державы. Практика показывает, что сдержки и противовесы демократических систем принятия решений далеко не всегда ограничивают милитаристские устремления лидеров [Сидоренко 2017; Российское общество... 2017].

Спецификой складывающейся новой политической постдемократической системы становится преобладание силы и экономической мощи над нравственностью и правом, что находит отражение в концепте «военизированный гуманизм», введенном в социально-гуманитарное знание американским лингвистом Н. Хомским [Хомский 2014]. «Военизированный гуманизм» представляет собой изнанку экспансии демократии, допускающей применение и угроз, и силы, как с использованием санкций международных институтов, в том числе и ООН, так и без них. Это, в свою очередь, позволяет нам предположить, что современный демократический мир основан на «гуманитарной интервенции». «Военизированный гуманизм» как результат политики военных угроз, призванных мирно производить глобальные перемены, выступает причиной размывания различий между войной и военной угрозой: мирные средства становятся тождественны непрерывной подготовке к войне.

Разумеется, можно указать на то, что демократии в большей степени стремятся к миру, чем авторитарные и тоталитарные режимы. Однако военная практика конца XX – начала XXI века

показывает, что демократии в борьбе за расширение демократических устоев ведут себя агрессивно и не испытывают проблем в развязывании военных конфликтов с «недемократическими» странами. Целесообразно обратить внимание на то, что демократия как форма ненасильственного разрешения конфликтов, без насильственного сопротивления собственному «окостенению» как суммы процедур и управленческих технологий может выродиться в свою противоположность. Именно этим объясняются слова одного из отцов-основателей США Т. Джефферсона: «Какая страна в прошлом существовала бы полтора века без восстаний? И какая страна может уберечь свои свободы; если ее правителям время от времени не напоминают, что народ сохраняет дух сопротивления? Пусть люди возьмут оружие... Что значит потеря нескольких жизней в масштабе одного-двух веков? Дерево свободы должно подпитываться кровью патриотов и тиранов. Это – его естественное удобрение» [Jefferson 1955, 356; Капустин 2010, 69–70].

Вместе с тем демократия перестала выступать основанием для выстраивания идентификационного проекта, т.к. существующие рейтинги/замеры демократичности тех или иных режимов говорят лишь о пластичности измерительной системы, а также о ее зависимости от заказчика такого измерения. Этот процесс ослабления демократии как идентификационного проекта идет параллельно с процессом трансформации войны из средства политики в политику как таковую и новое основание идентичности: если в Новое время войны во многом выступали инструментом создания и цементированья наций и национальных государств, то современные войны (конец XX – начало XXI века) конструируют идентичности (однако в ситуации кризиса идентичности неопределенным оказывается как Другой в его инаковости, так и собственный образ, что открывает безграничные возможности для конструирования образа врага). Вопрос о том, кто – друг, а кто – враг, остается открытым. Например, все участники войны с террором, как и террористы, считают себя жертвами и используют свой статус жертвы для легитимного принятия своей экспансионистской политики. Свобода в конструировании идентичности оборачивается свободой и в конструировании образа врага. Исходя из этого, можно предположить, что подозрения в терроризме дают карт-бланш на конструирование постоянно изменяющихся репрезентаций врага. Это приводит к тотальному расширению границ внутренней безопасности, игнорированию суверенитета

государства. Гибкость в определении врага дает возможность мощным державам начинать превентивные войны под предлогом самообороны, вводить чрезвычайное положение. Степень демократичности уже не является преградой для такой агрессии, а наоборот, выступает ширмой, скрывающей эту агрессию.

Заключение

Кризис демократии привел к тому, что безопасность как одна из значимых ее целей в начале XXI века поставлена под вопрос. Многие исследователи, например, С. Хантингтон [Хантингтон 2003], Л. Ферраджоли, М. Тэтчер и др., в качестве решения проблемы видели необходимость создания и реализации проекта глобальной демократии, т.е. такой, которая будет выходить за рамки границ государств, и соответственно, создание нового политического лидерства. Однако в решении этой задачи видится много неизвестных. Во-первых, непонятно, что могло бы выступить в качестве цементирующего основания для нового единства, кроме войны и диктата; во-вторых, в ситуации падения доверия к власти часто не столько насилие, сколько угроза насилия служит средством для стабилизации и повышения управляемости общества, а значит, необходимо решать вопрос о том, как вернуть доверие народа; в-третьих, в ситуации кризиса доверия по отношению к власти проблематичным является возвращение к диалогу и открытым коммуникациям в существующем пространстве диктата одной точки зрения и культуры отмены. С точки зрения немецкого философа и социолога Юргена Хабермаса, преодоление кризиса демократии будет возможным лишь при условии активизации участия гражданского общества в демократических процедурах, т.к. «разумные и честные решения могут быть достигнуты только посредством гражданского обсуждения общественных проблем» [Хабермас 2001, 392]. Правительства должны иметь возможность своевременно реагировать на требования граждан, но для этого они должны их услышать. Установка на невовлеченность масс, их политическую апатию приводит лишь к имитации внешних формальных признаков демократии, что не обеспечивает реализации демократических норм в действительности.

Проблема осуществления подлинной коммуникации или коммуникативной рациональности, к которой призывал Ю. Хабермас, заключается еще и в том, что в пространстве доминирования культуры отмены исчезает место для дискуссии и обмена аль-

тернативными мнениями, происходит отгораживание стран друг от друга: мы удивительно быстро возводим стены между собой. В результате мир балансирует на грани зыбкого равновесия и продолжает основываться на праве силы, а не на силе права. Правомерен вывод Ю. Хабермаса о том, что «спираль насилия начинается со спирали нарушенной коммуникации, что – через спираль взаимного неконтролируемого недоверия – и ведет к краху коммуникации. <...> В повседневной коммуникативной практике должны быть созданы возможности для формирования капитала доверия. Только при этом условии реальным станет действенное просвещение в СМИ, школах и семьях. Оно должно быть также привязано к предпосылкам собственной политической культуры [населения]» [Хабермас 2008, 21]. Кризис демократии, выразившийся в ее имитации в форме постдемократии, ставит под вопрос и возможность альтернативы такой формы правления. Но, чтобы увидеть иные возможности и пути преодоления кризиса, необходимо вернуться к диалогу и снять запрет на альтернативные точки зрения. Для этого следует не оглушать большинство, превращая его то в апатичную, то в невротизированную массу, а просвещать и активно вовлекать в жизнедеятельность общества.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бенетон 2002 – *Бенетон Ф.* Введение в политическую науку / пер. с фр. М.М. Федоровой. – М.: Весь мир, 2002.

Бособрод 2014 – *Бособрод П.А.* К проблеме кризиса современной демократии // Политическая экспертиза: Политэкс. 2014. Т. 10. № 3. С. 198–208.

Вятр 2019 – *Вятр Е.* Кризис либеральной демократии в XXI веке: сравнительная перспектива // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019. № 2. С. 79–84.

Кант 1964 – *Кант И.* К вечному миру // *Кант И.* Сочинения: в 6 т. Т. 6. – М.: Мысль, 1964. С. 257–347.

Кантовский проект... 2013 – Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики: материалы Междунар. семинара / под ред. А.С. Зильбера, А.Н. Саликова. – Калининград: Изд-во БФУ имени И. Канта, 2013.

Капустин 2010 – *Капустин Б.Г.* Критика политической философии: избранные эссе. – М.: Территория будущего, 2010.

Крауч 2010 – *Крауч К.* Постдемократия / пер. с англ. Н.В. Эдельмана; науч. ред. В.В. Анашвили. – М.: ИД Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010.

Липпман 2002 – *Липпман У.* Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой; ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.

Российское общество... 2017 – Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. – М.: Весь мир, 2017.

Сидоренко 2014 – *Сидоренко И.Н.* Приватизация насилия в эпоху глобализации // *Философия и ценности современной культуры: материалы Междунар. науч. конф.* – Минск: БГУ, 2014. С. 645–648.

Сидоренко 2017 – *Сидоренко И.Н.* Философия насилия: от метафоры к концепту. – Минск: БГУ, 2017.

Тэтчер 2003 – *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира / пер. с англ. В. Ионовой; ред. Е. Харитоновой. – М.: Альпина Паблишер, 2003.

Хабермас 2001 – *Хабермас Ю.* Вовлечение другого: очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001.

Хабермас 2008 – *Хабермас Ю.* Расколотый Запад / пер. с нем. О.И. Величко, Е.Л. Петренко. – М.: Весь мир, 2008.

Хантингтон 2003 – *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003.

Хомский 2014 – *Хомский Н.* Системы власти: беседы о глобальных демократических восстаниях и новых вызовах американской империи / пер. с англ. В. Глушакова. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014.

Шмитт 2000 – *Шмитт К.* Политическая теология: сборник / пер. с нем. А.П. Филиппова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.

Doyle 1983 – *Doyle M.* Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs. Part I // *Philosophy and Public Affairs.* 1983. Vol. 12. No. 3. P. 205–235.

Jefferson 1955 – *Jefferson T.* Letter to William Srevens Smith, November 13, 1787 // *The Papers of Thomas Jefferson.* Vol. 12 / ed. by J.P. Boyd. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1955. P. 355–357

Lang 2000 – *Lang K.* Public Opinion // *Encyclopedia of Sociology* / ed. by E.F. Borgatta, R.J.V. Montgomery. Vol. 3. – New York: MacMillan, 2000. P. 270–294.

Russet 1993 – *Russet B.* Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.

Ferrajoli 2005 – *Ferrajoli L.* The Crisis of Democracy in the Era of Globalization // *Law and Justice in a Global Society.* – Granada: Editorial Universidad de Granada, 2005. P. 53–59.

REFERENCES

Bénéton P. (2002) *Introduction to Politics.* Moscow: Ves' mir (Russian translation).

Bosobrod P.A. (2014) On the Problem of the Crisis of Contemporary World. *Politeks.* Vol. 10, no. 3, pp. 198–208 (in Russian).

Chomsky N. (2014) *Power Systems: Conversations on Global Democratic Uprisings and the New Challenges to U.S. Empire.* Moscow: KoLibri. Azbuka-Attikus (Russian translation).

Crouch C. (2010) *Post-Democracy*. Moscow: State University – Higher School of Economics Publishing House (Russian translation).

Doyle M. (1983) Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs. Part I. *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 12, no. 3, pp. 205–235.

Ferrajoli L. (2005) The Crisis of Democracy in the Era of Globalization. In: *Law and Justice in a Global Society* (pp. 53–59). Granada: Editorial Universidad de Granada.

Gorshkov M.K. & Petukhov V.V. (Eds.) (2017) *Russian Society and the Challenges of the Times*. Moscow: Ves' mir (in Russian).

Habermas J. (2001) *The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory*. Saint Peterburg: Nauka (Russian translation).

Habermas J. (2008) *The Divided West*. Moscow: Ves' mir (Russian translation).

Huntington S. (2003) *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Moscow: ROSSPEN (Russian translation).

Jefferson T. (1955) Letter to William Srevens Smith, November 13, 1787. In: Boyd J.P. (Ed.) *The Papers of Thomas Jefferson* (Vol. 12, pp. 355–357). Princeton, NJ: Princeton University Press.

Kant I. (1964) On the Perpetual Peace. In: Kant I. *Works in 6 Vols.* (Vol. 6, pp. P. 355–357). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Kapustin B.G. (2010) *Critique of Political Philosophy: Selected Essays*. – Moscow: Territoriya budushchego (in Russian).

Lang K. (2000) Public Opinion. In: Borgatta E.F. & Montgomery R.J.V. (Eds.) *Encyclopedia of Sociology* (Vol. 3, pp. 270-294). New York: MacMillan.

Lippmann W. (2002) Public Opinion. Moscow: Institute of the Foundation “Obshchestvennoe mnenie” (Russian translation).

Russett B. (1993) *Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Schmitt C. (2000) *Political Theology*. Moscow: KANON-Press-Ts (Russian translation).

Sidorenko I.N. (2014) Privatization of Violence in the Age of Globalization. In: Zelenkov A.I., Legchilin A.A., & Novikov V.T. (Eds.) *Philosophy and Values of Contemporary Culture* (pp. 646–649). Minsk: Belarusian State University (in Russian).

Sidorenko I.N. (2017) *The Philosophy of Violence: From Metaphor to Concept*. Minsk: Belarusian State University (in Russian).

Thatcher M. (2003) *Statecraft: Strategies for a Changing World*. Moscow: Alpina Publisher (Russian translation).

Vyatr E. (2019) The Crisis of Liberal Democracy in the 21st Century: Comparative Perspective. *The Journal of Belarusian State University. Sociology*. No. 2, pp. 79–84 (Russian translation).

Zilber A.S. & Salikov A.N. (Eds.) (2013) *Kant Project of Perpetual Peace in the Context of Contemporary Politics*. Kaliningrad: I. Kant Baltic Federal University Publishing House (in Russian).

О правилах в современном праксисе

И.Я. Мацевич-Духан

Белорусская государственная академия искусств, Минск, Беларусь

Аннотация

В статье анализируются различные социально-философские подходы к категориальной фиксации правил в современном праксисе. Конкретизируются статус и роль понятия правила в практической философии. Сопоставляются преимущества использования неоаристотелевского, неокантианского и социально-критического подходов к выделению валидных форм правил праксиса. Раскрываются взаимообусловленность и преемственность данных подходов к интерпретации сущности практического правила в социальной философии. Рассматривается возрождение аристотелевского определения праксиса в работах Э. Штайн и А. Макинтайра. Обосновывается актуальность использования неокантианского подхода к прояснению природы практического правила в современной социальной теории на примере работ Р. Йегги, Е. фон Редекер и Дж. Батлер. Прослеживается в их рамках продуктивное взаимодействие неоаристотелевского и неокантианского подходов к определению правил праксиса. Особое внимание уделяется философии Г. Лотце и Э. Ласка, реализующей практический поворот от аристотелевского свершения поступка как такового к кантианскому суждению о ценности той или иной формы его воплощения. Проблематизируется доминирование в современной социальной теории аксиологического подхода к праксису посредством неоаристотелевской трактовки, не допускающей его отчуждения от сущности добродетельного действия. Рассматриваются характерные для позднего модерна формы реализации практического правила в творческой деятельности. Обосновывается необходимость обращения теории практик к неокантианской и неоаристотелевской традициям с целью выявления валидных форм выражения и сохранения нормативно-ценностной природы правил в современном обществе. Таким образом может быть частично преодолен прагматический релятивизм теории практик, дискурсивно размывающей традиционный сущностный смысл правила праксиса в его ситуативно обусловленном интересубъективном истолковании. С учетом комплексности и нелинейности развития социальной действительности, а также многообразия подходов к ее осмыслению показана актуальность определения контекстуально

возможных и универсально необходимых форм правил праксиса, поддающихся научному оправданию в качестве ценностно значимых.

Ключевые слова: социальная философия, социальная практика, практическое правило, форма правила, нормативность, ценность, творческая деятельность.

Мацевич-Духан Ирина Янушевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусской государственной академии искусств.

iryana.matsevich@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5263-2371>

Для цитирования: *Мацевич-Духан И.Я. О правилах в современном праксисе // Философские науки. 2022. Т. 65. № 3. С. 58–76.*

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-58-76

On Rules in Contemporary Praxis

I.Ja. Matsevich-Dukhan

Belarusian State Academy of Arts, Minsk, Belarus

Abstract

The article exposes the analysis of different socio-philosophical approaches to the fixation of a rule in contemporary praxis. It clarifies the status and role of the rule as a notion in practical philosophy. The author compares the advantages of neo-Aristotelian, neo-Kantian and socio-critical approaches to the revelation of valid forms of praxis rules. In the framework of social philosophy, the article demonstrates the interdependency and succession of these approaches to the interpretation of the essence of the practical rule. The renaissance of the Aristotelean definition of praxis is considered in the works by E. Stein and A. MacIntyre. The relevance of the neo-Kantian approach to the revelation of the nature of practical rule in contemporary social theory is justified on the basis of works by R. Jaeggi, E. von Redeker and J. Butler. The author traces the productive interaction between the neo-Aristotelean and the neo-Kantian approaches to defining praxis rules. Special attention is paid to the philosophy of H. Lotze and E. Lask, where is accomplished the practical turn from the Aristotelean accomplished deed itself to the Kantian judgement about a value of this or that form fulfillment. The dominance of the axiological approach to praxis in contemporary social theory is problematised by means of the neo-Aristotelean interpretation, which prevents its alienation from the essence of the virtue action. The late modern characteristic forms of the practical rule fulfillment in creative activity are considered. There is justified the necessity of turning the theory

of practices to the neo-Kantian and the neo-Aristotelean traditions in order to reveal valid forms of expressing and preserving the value-normative nature of rules in contemporary society. That can partially overcome the pragmatic relativism of the theory of practices, which neglects the traditional sense of the praxis rule in its situational intersubjective interpretation. Taking into account complexity and non-linear development of social reality, as well as of the variety of approaches to its reflection, there is explicated the relevance of the determination of contextually possible and universally necessary forms of praxis rules, which are justifiable as value meaningful.

Keywords: social philosophy, praxis, social practice, practical rule, rule form, normativity, value, creative activity.

Iryna Ja. Matsevich-Dukhan – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of the Humanities, Belarusian State Academy of Arts.

iryna.matsevich@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5263-2371>

For citation: Matsevich-Dukhan I.Ja. (2022) On Rules in Contemporary Praxis. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 3, pp. 58–76. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-58-76

Введение

В каждую историческую эпоху происходит переосмысление природы правил социального сосуществования. Если попытаться выработать универсальное определение правила, то едва ли можно его использовать в современном мире без учета всевозрастающего числа исключений.

Особенно ярко проблема социальной природы правил проявилась в 2020–2022 годы в ситуации, связанной с пандемией коронавируса COVID-19, вплетенной в череду политических конфликтов и экономических кризисов последних лет. В это время становится очевидным тот факт, что правила могут стремительно мутировать, искусственно создаваться, замещаться, игнорироваться, оспариваться, оставаясь при этом правилами, вновь утверждаемыми и принимаемыми с учетом обстоятельств дела. Однако реакция индивидов на данные изменения правил, быстро и интенсивно проявляющиеся в ограниченном пространстве и времени, оказывается неоднозначной во всех слоях населения: от принятия и одобрения до сопротивления и осуждения нововведений. В этом контексте возникает вопрос о сохранении самой возможности следования неким (не)явно установленным правилам со-

циальной практики в XXI веке в соответствии с их формальным определением. Если предполагать их изменчивость, что значит действовать по правилам постоянно «мутирующего» праксиса в современном мире?

Практика с точки зрения практики не собирается, распадается, поскольку ей нужна теория с ее правилами, подводящими особенное под общее, для всестороннего созерцания последних основоположений. Человек, совершающий ошибку, неизбежно создает историю с позиции «мета», чтобы ее осознать, понять и вписать в череду других ошибок. Эти истории помогают принять неорганизованное, неупорядоченное, не всегда поддающееся систематизации и классификации сущее в качестве некоего фрагмента опыта. Согласно теории социальных практик существует контекст правил, который создает воспроизводимые последовательности действий, структурированных рутинной повторения. При этом сущность практики в качестве специфического феномена может быть определена в той мере, в какой регулярность и своеобразие повторяемости поддается описанию и объяснению с помощью правила.

В то же время возникает вопрос о том, почему практики обычно реконструируются вдоль неких складывающихся в поле нормативности траекторий под названием правил, несмотря на их условность. Этот вопрос обретает новый смысл при обостряющемся ощущении человека, что ему удастся достичь желаемого результата часто не столько благодаря, сколько вопреки правилам, в процессе бесконечного прояснения самой возможности их верного применения.

Например, сложно представить социальный институт, в котором правила техники безопасности соблюдались бы в полной мере с учетом пошаговых предписаний их реализации. Скорее, наблюдается повсеместно присутствующая искренняя приверженность подобному кодексу безопасности и направленность каждого действия на реализацию с наименьшим отклонением от установленной нормы. И так происходит с любым правилом повседневной деятельности: если строго следовать инструкциям пользования приборами, их едва ли возможно освоить; если строго соблюдать правила дорожного движения, можно заметить существование неких интуитивно улавливаемых траекторий движения, игнорирование которых может создать проблему для большинства; если учить язык по учебнику грамматики, никогда

не начнешь говорить; если вчитываться во все пункты юридических договоров, осознаешь невозможность их реализации.

Стремление соблюдать правила повседневной деятельности воспроизводится во многом благодаря сохранению некоего доверия в рамках публичного поля социального договора. Но наличие этого доверия предполагает понимание процедуры его реализации в терминах «общих мест» или поддающегося рациональному истолкованию здравого смысла. Даже наука не может применять свои строгие правила, согласно Аристотелю, без веры в их существование, т.е. без веры в первичные и очевидные принципы организации силлогизма. Допущение существования некоей веры в правила требует прояснения ее предмета. Хотя сложно зафиксировать правила, которые на практике функционировали бы строго согласно теоретическому определению своей сущности, необходимо выявить саму специфику современного феномена правила (если таковая существует), предварительно рассмотрев неоплатонический, неокантианский и социально-критический подходы к его определению, в русле которых практическая философия продолжает развиваться и сегодня.

Правила праксиса в классической философии

Понятие праксиса в классической философии всегда прочитывалось как обозначение правильного образа жизни, реализующегося в регулярно воспроизводимой череде достойных похвалы поступков. Праксис немислим без соблюдения ряда правил, которые хотя и приобретают все более актуальные формулировки, но по сути своей никогда не изменяют своего сущностного содержания. На них зиждется преемственность поколений в строительстве полиса. Аристотель утверждал, что состояние, которое предполагает присутствие «правильного правила» (*ὀρθός λόγος*), есть добродетель, сопряженная с истинным разумом практической [Аристотель 2020, 171]. Правильное практическое правило выступает в качестве общего принципа практического разума, который демонстрирует согласие с добродетелями. Правильность действия подтверждается согласованием с фронесисом («разумное приобретенное свойство души, осуществляющее людское благо» [Аристотель 2020, 158] и не поддающееся забвению). Но «практичность не может быть научной» [Аристотель 2020, 163], т.к. связана с восприятием, которое схватывает целостность объекта исходя из имеющегося опыта и выносит суждение лишь о правильности

действия, не совпадающей с истинностью вне мудрости. Добрый совет предполагает правильность суждения, которая определяется безотносительным «стремлением к благу» [Аристотель 2020, 164]. При этом, в отличие от ремесла-искусства, праксис не подчиняется строго установленному набору правил. Аристотель формулирует, скорее, наиболее универсальные принципы реализации добродетельных поступков, которые конституируют праксис. Но способ истолкования и применения данных принципов в каждом случае не может быть предписан. В этом плане практическая философия Аристотеля раскрывает не столько сами правила праксиса, сколько универсальные принципы их конституирования и реализации, из которых при верном их истолковании можно вывести правила, не сводя первые к последним.

Подобная трактовка праксиса, в котором правила выводятся из первопринципов, приобретает новое прочтение в средневековой философии. В этом контексте праксис и правило сливаются воедино. В частности, Дж. Агамбен пишет: «Или, возможно, следует говорить, что движение идет в обоих направлениях и что – в непрерывном напряжении стремясь к порогу неразличимости – правило становится жизнью в той же мере, в какой жизнь становится правилом» [Агамбен 2020, 102]. Если предполагать проникновение сакрального правила в суть жизни, то современный человек может столкнуться с чередой вопросов, на которые социальной теории еще предстоит найти ответ. Агамбен продолжает: «Но в таком случае, что это вообще за тексты – правила, – если они как будто бы перформативно реализуют жизнь, которую должны были регулировать? И что такое жизнь, которую невозможно отличить от правила?» [Агамбен 2020, 103].

Ярким примером средневекового подхода к организации повседневного праксиса служит трактат «Практик» монаха Евагрия Понтийского [Evagrius Ponticus 1987], в котором раскрывается учение о созерцательно-интеллектуальной монашеской жизни и роли умной молитвы в ней. Будучи оригенистом, он разъясняет монашеское дело на языке Платона, где путь к спасению во многом зависит от преодоления телесных потребностей с помощью духовного усилия, созерцания и молитвы.

Хотя он и использует понятие *πρακτικῆ* [Evagrius Ponticus 1987], которым Аристотель обозначал «практический образ жизни» как совокупность действий на протяжении длительного периода, поддающегося обобщению с помощью предиката «практического»,

но у Евагрия Понтийского *практика* – это следование правилам-принципам, позволяющим вести аскетический (добродетельный) образ жизни и избегать страстей. Контролируемый и строго регулируемый монашеским уставом прaxis противопоставляется природе. *Практиковать* – это значит преуспевать в контемпляции, сокращая незнание и число страстей, выявляя своих демонов и справляясь с ними посредством умной молитвы.

Если у Аристотеля в противоположность созерцательному и низменному образу жизни практическая (деятельная) жизнь рассматривается как политическая, т.е. подлинно добродетельная жизнь в полисе-государстве, то у Евагрия Понтийского созерцательная жизнь монаха, сосредоточенная на умной молитве, завещанной Апостолом Павлом, предполагает уход из общественно-политической жизни, уединение. Постоянное и неисчерпаемое общение разума с Богом избавляет от страстей и дарует гармонию с внешним и внутренним миром.

Такой жанр литературы как «практик» был распространен в эпоху Средневековья не только среди монахов, но и среди страждущих избавления от страдания и спасения через веру. Структурируемая правильными действиями вера спасает от плена страстей.

Возвращаясь к Аристотелю, не стоит забывать о том, что его наука невозможна не только без строгих правил, но и без *веры* в их существование. Вера в первичные принципы организации силлогизма обеспечивает выводимость из очевидных посылок заключения. При этом задача практического ума – не останавливаться на рассудительной деятельности и двигаться в сторону мудрости, которую Аристотель сравнивает со знающим и понимающим божественным разумом, воплощающим свои умения в действительности поступков.

В русле критики аристотелизма правила для руководства ума Р. Декарта [Декарт 1950а] представляют собой совокупность положений, раскрывающих универсальные принципы продуктивной познавательной деятельности человека, реализуемые во всех сферах его жизни. Они применимы и к исследованию природы страстей. Р. Декарт демонстрирует в работе «Страсти души» геометрию чувств и соответствующее практическое руководство по ее использованию с целью утверждения всеобщего блага и преодоления беспорядка в жизни человека. Главный принцип заключается в способности контролировать свои страсти и бо-

роться с вредными, а в случае, если они одолевают, – хотя бы приостанавливать искаженное суждение и сопутствующее действие. Декарт пишет: «Когда страсть связана с делом, не требующим немедленного выполнения, то следует воздержаться от того, чтобы принять тотчас же решение, а заняться другими вопросами до тех пор, пока время и досуг не помогут успокоиться волнению крови» [Декарт 1950б, 699].

Н. Элиас полагает, что увлеченность новоевропейских авторов исследованием правил поведения в светском обществе во многом обусловлена необходимостью утверждения порядка правящей элиты, который поддавался бы управлению и мог бы быть воспроизводимым и предсказуемым в своем развитии. Система правил представляла собой сложный для понимания большинства код, реализация которого гарантировала возможность принятия лишь избранного меньшинства в строго ограниченном нормами поведения социальном пространстве [Elias 2017].

С течением времени сфера правильного праксиса превращается в сферу суждений о принципах реализации добродетельного действия и критериях его оценки. Немецкая классическая философия существенным образом изменила восприятие европейского праксиса и во многом обусловила современную его трактовку [Мацевич-Духан 2021]. Согласно И. Канту, *практическое правило* производится разумом, предписывающим поступок как средство достижения цели [Kant 2003]. Собственно праксис появляется лишь в том случае, если разум определяет принципы, структурирующие деятельность, оформляющие ее в нечто, поддающееся оценке. Кроме субъективных правил как максим, существуют практические законы – объективные всеобщие практические правила, выводимые из безусловного категорического императива.

Французская революция способствовала установлению жесткой регламентации поведения, которая отныне распространялась на все слои населения и сферы жизни. Правила постепенно отделяются от добродетельной природы праксиса и выводятся из воспроизводимого принципа самого деяния. Их всевозрастающая артикуляция и легитимация со стороны государства приводила к частичному замещению приватного пространства общественно-политическим. Декларация ноября 1795 года Временной комиссии республиканского надзора, учрежденной в освобожденном Лионе, провозглашала: «Чтобы считаться истинным республиканцем,

каждый гражданин должен совершить в себе революцию, подобную той, что изменила лицо Франции...» [Хант 2018, 23]. Жизнь по правилам и вопреки им приобретает новый политический смысл, который предполагает подчинение норме, выводимой уже не столько из праксиса, сколько из определенной политической оценки его последствий. Ссылаясь на речь Робеспьера от 5 февраля 1794 года «О принципах политической морали», Комитет общественного спасения заявлял: «В системе французской революции то, что является безнравственным и неблагоразумным, то, что является развращающим, – все это контрреволюционно» [Хант 2018, 22].

Неокантианский и неоаристотелевский подходы к правилам праксиса в современной социальной теории

Неокантианский подход, первоначально заявивший о себе в работах Г. Лотце [Lotze 1884], предполагал, что одна из центральных задач практической философии заключается в выявлении предельно абстрактных правил жизненного благоразумия, которые помогали бы индивиду осваивать различные формы блага. Абсолютное достоинство человека обосновывается исходя из этических максим. Исследуя практические аксиомы, посредством которых действие становится в меньшей степени зависимым от конкретных обстоятельств дела, Г. Лотце рассматривает, каким должно быть универсальное действие человека в рамках таких форм жизни, при которых достигается наибольшее по качеству и количеству благо в согласии с выявленными принципами действия. Проектируя их на частные примеры, он демонстрирует *правила вынесения суждения о ценности* различных модусов действия, производящих тонкое удовлетворение нравственного духа от их безусловной апробации [Мацевич-Духан 2021].

Во многом под влиянием Г. Лотце неокантианец Э. Ласк [Lask 1907] развивает практическую философию, вписывая ее в рамки своего оригинального учения о ценностях. Рассматривая правило праксиса как *социальный тип ценности (sozialer Werttypus)*, Э. Ласк стремится прояснить его связь с эмпирической действительностью. Общественная значимость практического правила отсылает к некоему трансцендентальному месту, которое делает его валидным. Однако способ применения правила обусловлен его истолкованием в мире культуры. Хотя философия и фокусирует внимание преимущественно на «поиске трансцен-

дентального места» (*die Aufsuchung des transzendentalen Ortes*), объединяющего различные ценностные взгляды, но не может игнорировать необходимость конкретизации формул правил относительно эмпирической действительности.

Всевозрастающая степень варьирования форм правил и необходимость их согласования, объяснения доминантных направлений их эволюции приводит Н. Элиаса в русле философии неокантианства к раскрытию закономерностей их развития в теории социальной фигурации [Elias 2017]. Рассматривая многообразие моделей сплетения правил, он выявляет доминантные взаимозависимые фигуры индивида и общества в различных исторических эпохах и социально-культурных контекстах. Их комплексная динамика порождает процесс фигурации правил поведения.

Следуя за Г. Лотце, Н. Элиас уделяет особое внимание чувствительности человека, выделяя характерные для каждой эпохи правила ее регулирования и выражения в публичном пространстве. Если картезианские правила пытались совладать с человеческой страстью и подчинить ее разуму, Н. Элиас превращает их в инструмент развития чувствительного ума, не сводимого к проницательности рассудка.

В этом контексте возникает потребность выявить специфику переживаний, формирующих социальные практики, способные объединять индивидов в сообщества. Немецкий философ Э. Штайн исследует, на основе какого практического опыта индивидуальное дает возможность произрасти общинному. Начиная с анализа индивидуального сознания как мира для себя, хотя и с учетом внешних факторов, Э. Штайн пыталась прояснить, каким образом реализуется переход от индивидуального к общинному сопереживанию, соучастию и сопричастности общему чувству. Однако нельзя не отметить, что ряд оригинальных решений данной проблемы Э. Штайн формулирует в диалоге с практической философией Аристотеля, И. Канта и Э. Ласка.

Подобно Аристотелю [Аристотель 2012], Э. Штайн находит каждого индивида направленным в сторону конца (*τέλος*) сообщества [Stein 2010]. Цель в построении сообщества становится целью развития индивида. Возникновение общих чувств обусловлено существованием объектов, которые индивиды признают в качестве ценностей. Индивидуальное сознание вовлекается в сеть физических и социальных объектов, заставляющих реагировать на них посредством оценочных суждений. Данные объекты,

с одной стороны, зависят от признания их существования, с другой – заставляют реагировать, высказывая суждение о них. Объект-ценность, принуждающая различных индивидов отвечать на ее призыв, заявляет свое право на каждого из тех, кто ответил на первоначальный вызов. Можно по-разному реагировать на ценности, но их реальность остается объективно существующей и выражается в горизонте суждений о ней [Мацевич-Духан 2020].

В диалоге ценностей и индивидов формируется специфический опыт сообщества, разделяемый откликнувшимися на призыв воспринимаемых ценностей. Многообразие их типов создает определенную форму общества, которую Э. Штайн сравнивает со сложным произведением искусства, чье развитие подчиняется, скорее, эмпирическим правилам и закономерностям, нежели строгим естественнонаучным законам [Stein 2010]. Их постижение предполагает наличие особого рода интуитивного сознания, эмпатии и духовной настроенности на исследуемый объект.

Испытавшая существенное влияние философии Э. Штайн [MacIntyre 2007] теория добродетели А. Макинтайра [Макинтайр 2000] базируется на аристотелевском и томистском прочтении природы сообщества. Выявляя причины распада моральных оснований жизни современного общества, он возвращается к истокам либерального индивидуализма и плюрализма концепций добродетели. Для обретения устойчивых оснований добродетельной жизни А. Макинтайр обращается к теории морали Аристотеля. Одна из причин сегодняшнего кризиса в развитии моральной теории заключается в эрозии социально-экономической и политической среды, в которой должны проявляться добродетели. Такой средой в эпоху Древней Греции был полис, выступавший прежде всего как политическое сообщество, жизнь которого «наполнена не тем или иным благом, а благом как таковым» [Макинтайр 2000, 213]. Любая привязанность обусловлена общей приверженностью благу. Хотя в древнегреческом полисе и присутствовало многообразие ценностей, но все они были иерархически организованы в определенного рода единство добродетелей свободных граждан, участвующих в политической жизни общины. Основанием достижения согласия в политических спорах является понимание и принятие в практике отношений между членами сообщества справедливости в качестве первой из всех добродетелей. У каждой практики существуют свои внутренние блага. Но присутствует и

общая цель человеческой практики как таковой, которая направляет граждан в сторону нарративного единства добродетелей и сохранения общественной солидарности [Мацевич-Духан 2020].

Современная социальная теория, чтобы справиться с изменчивостью правил праксиса, пытается заместить их альтернативными объяснительными конструктами. Например, П. Бурдьё использует понятие схемы практики, в теории Э. Гидденса правило поглощается понятием структуриации, М. Фуко рассматривает правило как проявление дисциплинарного пространства, Ю. Хабермас определяет его как временный продукт рационализации рынка аргументов, А. Хоннет вводит принцип признания, Р. Йегги и Е. фон Редекер замещают его предельно абстрактной идеей нормативности различных форм жизни. Этот ряд можно дополнять множеством примеров. Но остается непроясненным вопрос о том, какой именно из принципов оказывается наиболее действительным и последним первопринципом правильной жизни в современном обществе, детерминирующим характер доминантной формы правила.

Рассмотрим один из репрезентативных ответов на данный вопрос *социально-критической теории*. Правила, с точки зрения немецкого философа Р. Йегги, неизменно остаются специфическим атрибутом социальной практики, т.к. последняя регулируется и конституируется, определяется и предписывается с их помощью. В то же время правила выражают лишь один из возможных модусов нормативности. Каждое правило имеет собственный нормативный вес и степень давления на индивида.

В рамках критической теории форм жизни Р. Йегги интересуют не столько правила, сколько то, что им предшествует, и то, что их сопровождает, если мы забываем правила или не можем выразить их, но продолжаем действовать по инерции так, словно руководствуемся ими. В современном мире оказывается проще выделить «нормативную принадлежность» [Jaeggi 2018] определенной форме жизни, которая предполагает освоение отличительных для нее правил и образцов поведения, не требуя их экспликации до их реализации. Необходимость артикуляции правил возникает в ситуации оправдания валидности формы жизни как одной из возможных наряду с другими. Неспособность ее вычленивать из череды подобных и обосновать ее право на существование приводит к ее постепенному нивелированию

и дальнейшему смещению с другими формами жизни. Категория правила в социально-критической теории Р. Йегги сводится к просвечиванию пространственно-временной специфики материи и структуры практики. Вместе с тем немецкий философ не проясняет онтологическую и аксиологическую природу правила в современном праксисе. Скорее, ее интересует, какие отношения и практики конституируют форму жизни, которая могла бы выступать в качестве критерия «успешности» образа жизни как отдельного индивида, так и сообщества в целом.

Если Г. Лотце замещает вопрос о правилах праксиса проблемой выбора между ценностями различных форм жизни, то Р. Йегги истолковывает вопрос о правилах социальной практики в категориях правильной формы жизни. Подобно тому, как вещь в философии Э. Ласка отсылает к ценности, действие в социальной теории Р. Йегги отсылает к определенной форме жизни с ее нормативными рамками. Однако в ситуации множественности ценностей и способов их выявления неизбежно возникает проблема определения протоценности, фундирующей социальную практику. Понятие протоценности у Э. Штайн и Р. Йегги маркирует точку пересечения различных социально-исторических интересов, оставаясь символическим обозначением трансцендентального места в философии Э. Ласка.

Каждая форма жизни в своем притязании на валидность является предметом оценки. При этом каждая из них претендует на универсальную валидность, выходящую за нормативные рамки конкретного сообщества. Р. Йегги отказывается от аристотелевского фокусирования на вопросе о хорошей или правильной жизни гражданина полиса, предполагая, что сегодня человек все чаще находится в поиске не столько правильной, сколько успешной формы жизни, где моральные императивы и запреты могут быть противопоставлены суждению вкуса. В каждой из форм существуют свои порядки реализации ценностного суждения, которые определяют, какие именно вещи могут выступать в качестве ценностей. Таким образом, Р. Йегги реконструирует вопрос об этически правильном праксисе в терминах неокантианской теории ценностей, не сводимой к философии морали. Она замещает вопрос о правилах ценностно-нормативными ориентациями в рамках той или иной формы жизни, которые требуют учета горизонта социального опыта в целом.

О правилах праксиса в современной творческой и революционной деятельности

Немецкий философ Е. фон Редекер, ученица Р. Йегги, формулирует важный для социально-критической теории вопрос о том, когда и каким образом повторяемое действие, согласно четко фиксируемым правилам, превращается в революционный акт [Redecker 2018]. Постановка данного вопроса неразрывно связана с природой творческого акта и его перерождением в праксис.

Хотя социальные практики воспроизводят правила, но они одновременно их формируют. Человек осознает в процессе практики, правильно ли он что-то делает, корректируя ход действий. На пути к некоему идеалу блага личность постоянно совершенствует свое действие, отклоняясь от уже освоенных правил. И в этом смысле подлинная социальная практика всегда имеет творческий характер, который одновременно ломает и устанавливает правила.

Современные творческие практики подвергаются все большей схематизации посредством инструкций, руководств, тренингов и мастер-классов. Аристотелевский *пойэсис* как *технэ* всегда предполагал следование правилам и производство благодаря им воспроизводимого по образцу продукта. Однако сегодняшний феномен творчества претендует на статус, скорее, аристотелевского *праксиса* как общественно значимого *действия ради самого действия*. Хотя в последнем содержится и нормативная составляющая, но она определяется в категориях добродетели, а не продуктивной пользы. Социальные практики, в том числе творческие, не бывают изолированными друг от друга. Всегда существует контекст, запрещающий или поощряющий. Их контекстуально обусловленная многосторонность определяет характер нормативности в самом процессе повторяемости, просвечивающем структуру временных переменных. Не всякая последовательность действий конституирует праксис, но только такая, которая способна одновременно схватить и артикулировать правило собственного повторения как простирающейся в пространстве и времени цепи возобновлений. Повторение согласно правилу просвечивает структуру практик, которая поддается интерпретации.

Сущность правила практического действия может быть выражена в асерторическом высказывании, в суждении в модусе реального утверждения. Но его реализация происходит в модусе условно-сослагательной нормативности. Разрыв между инсти-

туционально зафиксированными определениями правил и тем, что реализуется на практике, – две реальности, не являющиеся слепками друг друга, они не совпадают при накладывании друг на друга их проекций.

В пространстве, где институциональные правила не всегда работают в соответствии со своим определением, они в то же время могут продолжать действовать как ориентиры. Функции правил в современном праксисе изменяются: они рассматриваются уже не столько как запрещающие, предписывающие или разрешающие, а скорее, как направляющие в сторону тех или иных общественных ценностей. В совокупности эти *ценностные ориентации* формируют определенный стиль жизни как онтологический узел, в котором актуализируются валидные правила с общественной точки зрения. В случае отклонения от него свершается творческий акт, который может превратиться в нарушение, приобретающее черты революционной деятельности, направленной на изменение имеющихся правил сосуществования в социальном мире. Парадоксальным образом именно роскошь правильной жизни в форме ее избыточности породила революционную реакцию неимущих против жизни по ранее установленным правилам. Следуя за мыслью В. Зомбарта, отметим, что некогда «роскошь, которая сама, как мы видели, была законным плодом незаконной любви, привела к рождению капитализма» [Зомбарт 2008, 236]. Согласно позиции немецкого философа, развитие индустрии роскоши, содействующее всевозрастающему потреблению ее предметов, имеет революционизирующую силу. «Победа самки» [Зомбарт 2008, 133], проявляющаяся в ее повсеместном господстве, превращает мир в ее «будуар». Через него открывается дверь в спокойную жизнь ремесленника с его традиционным укладом жизни. Индустрия роскоши, мирно шествуя мимо его дома, соблазняет своими безделушками и лишает покоя ввиду кажущейся ее доступности. И в этом аспекте никто не может сравниться в чрезмерности очарованного праведника-простолоудина, пытающегося вырваться из своего маленького уютного мира.

Прежде считали, что практика революционируется, т.к. не вписывается в имеющиеся правила ее организации и интерпретации. В ситуации пандемии коронавируса можно было наблюдать, что практика становится все более революционной, когда она пытается предельно педантично следовать строго установленным правилам. Кристаллизация правильности нередко приводит

к бесконечному регрессу в ее определении, реализующемуся в редукции публичного поля, в котором допустимо выносить какое-либо ценностное суждение о валидности форм выражения и реализации зафиксированных правил праксиса.

Что тем не менее является в условиях коллективного сосуществования и сопереживания подлинно свободным творческим действием, не разрушающим установленный порядок праксиса? Сохраняется ли возможность его реализации в ситуации общественного давления в отношении необходимости принятия определенной гражданской позиции при его осуществлении? Немецкий философ Э. Штайн, бесстрашно воплотив его в собственной судьбе, подчеркивает, что свобода творческого действия личности всегда предполагает возможность как принятия установленного правила, так и отклонения от него, если индивид не только переживает свое Я, но и чувствует себя ответственным за свершаемое, и в этом смысле господином собственного опыта [Stein 2010].

В этой ответственности за Другого проявляется социальность подлинно свободного действия творческой личности в современном мире. Даже в распространенной сегодня теории перформативного действия как средства оправдания права на присутствие в публичном пространстве, демонстрацию в нем своей гражданской позиции традиционные социальные узы и обязательства не изживают себя, напротив, требуют утверждения свободного действия как проявления «конституированности социальным миром и в этом мире» [Батлер 2018, 107]. Смысл свободной жизни по правилам и вопреки им – в этой зависимости от других, «переплетенности» других жизней с моей, «которую невозможно свести к национальной принадлежности или коммунитарному членству» [Батлер 2018, 107]. Этическое воззвание, призыв, воздействие, понуждение, требование, навязывание, преследование, обязательство в отношении Другого делают индивида ранимым и уязвимым перед притязанием Другого. Восприимчивость к другому человеку как условие ранимости способствует ответу с его стороны и нахождению общих мест для определения универсальных правил реализации диалога.

Заключение

Среди многообразия понятий, применимых к структурированию праксиса, правило на протяжении всей истории философии неизменно остается его неотъемлемым атрибутом. Несмотря на

растущее число форм выражения и реализации правила, в современном мире оно все еще способно ограничивать произвол действия в той мере, в какой последнее противоречит реализации интересов большинства граждан. Правило в различных валидных и общественно оправданных формах воплощения позволяет выстроить воспроизводимую траекторию движения сложного социального механизма в направлении установленной ценностно значимой цели со всеми имеющимися остановками на его пути в интересах тех, кто в нем и с его помощью передвигается. Однако этот механизм работает, пока сохраняется социальное доверие, объединяющее попутчиков в стремлении достичь определенного пункта назначения. Его регулярное воспроизведение превращает данный опыт в постепенно и все более отчетливо структурируемый праксис коллективного воспоминания о содеянном по правилам и вопреки им. Неоаристотелевский, неокантианский и социально-критический подходы к осмыслению природы правила в современном праксисе помогают выявить традиционные формы его выражения и реализации в публичном пространстве, способствуя его универсальному истолкованию в качестве ценностно значимого регулятива общественной жизни.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Агамбен 2020 – *Агамбен Дж.* Высочайшая бедность. Монашеские правила и форма жизни / пер. с ит. и лат. С. Ермакова. – М.: Изд-во Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2020.

Аристотель 2012 – *Аристотель.* Политика / пер. с древнегреч. С.А. Жебелева, М.Л. Гаспарова. – М.: АСТ: Астрель, 2012.

Аристотель 2020 – *Аристотель.* Этика / пер. с древнегреч. Э. Радлова, Т. Миллера. – М.: АСТ, 2020.

Батлер 2018 – *Батлер Дж.* Заметки к перформативной теории собраний / пер. Д. Кралечкина. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

Декарт 1950а – *Декарт Р.* Правила для руководства ума // *Декарт Р.* Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1950. С. 77–170.

Декарт 1950б – *Декарт Р.* Страсти души // *Декарт Р.* Избранные произведения. – М.: Политиздат, 1950. С. 593–710.

Зомбарт 2008 – *Зомбарт В.* Роскошь и капитализм / пер. с нем. Д.В. Кузницына // *Зомбарт В.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. – СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 7–238.

Макинтайр 2000 – *Макинтайр А.М.* После добродетели: исследование теории морали / пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

Мацевич-Духан 2020 – *Мацевич-Духан И.Я.* Проблема Gemeinschaft в социальной теории // *Философские исследования.* 2020. № 7. С. 126–136.

Мацевич-Духан 2021 – *Мацевич-Духан И.Я.* Праксис и практика: способы различения // *Философские науки.* 2021. Т. 64. № 3. С. 50–79.

Хант 2018 – *Хант Л.* Французская революция и частная жизнь // *История частной жизни.* Т. 4. От Великой французской революции до I Мировой войны / пер. с фр. О. Панайотти. – М.: Новой литературное обозрение, 2018. С. 19–51.

Elias 2017 – *Elias N.* Über den Prozeß der Zivilisation: Soziogenetische und psycho-genetische Untersuchungen. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2017.

Evagrius Ponticus 1987 – *Evagrius Ponticus.* Praktikos and on Prayer / transl. by S. Tugwell. – Oxford: Faculty of Theology, 1987.

Jaeggi 2018 – *Jaeggi R.* Critique of Forms of Life / transl. by C. Cronin. – Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018.

Kant 2003 – *Kant I.* Kritik der praktischen Vernunft. – Hamburg: Felix Meiner, 2003.

Lask 1907 – *Lask E.* Rechtsphilosophie // *Die Philosophie im Beginn des 20. Jahrhunderts.* – Heidelberg: C. Winter, 1907. S. 269–320.

Lotze 1884 – *Lotze H.* Grundzüge der praktischen Philosophie. – Leipzig: Verlag von C. Birzel, 1884.

MacIntyre 2007 – *MacIntyre A.C.* Edith Stein: A Philosophical Prologue, 1913–1922. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2007.

Redecker 2018 – *Redecker E. von.* Praxis und Revolution. – Frankfurt: Campus, 2018.

Stein 2010 – *Stein E.* Beiträge zur philosophischen Begründung der Psychologie und der Geisteswissenschaften. – Freiburg: Herder, 2010.

REFERENCES

Agamben G. (2020) *The Highest Poverty: Monastic Rules and Form-of-Life.* Moscow: Gaidar Institute Press; Saint Petersburg: Faculty of Liberal Arts and Sciences, Saint Petersburg State University (Russian translation).

Aristotle. (2012) *Politics* (Zhebelev S.A. & Gasparov M.L., Trs.). Moscow: AST (Russian translation).

Aristotle. (2020) *Ethics* (Radlova E. & Miller T., Trs.). Moscow: AST (Russian translation).

Butler J. (2018) *Notes toward a Performative Theory of Assembly.* Moscow: Ad Marginem Press (Russian translation).

Descartes R. (1950a) Rules for the Direction of the Mind. In: Descartes R. *Selected Works* (pp. 77–170). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Descartes R. (1950b) The Passions of the Soul. In: Descartes R. *Selected Works* (pp. 593–710). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Elias N. (2017) *Über den Prozeß der Zivilisation: Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp (in German).

Evagrius Ponticus (1987). *Praktikos and On Prayer* (S. Tugwell, Tr.). Oxford: Faculty of Theology.

Hunt L. (2018) The French revolution and private life. In: *A History of Private Life* (Vol. 3, pp. 19–51). M.: Novoye literaturnoe obozrenie. (Russian translation).

Jaeggi R. (2018) *Critique of Forms of Life* (C. Cronin, Tr.). Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press.

Kant I. (2003) *Kritik der praktischen Vernunft*. Hamburg: Felix Meiner (in German).

Lask E. (1907) Rechtsphilosophie. In: *Die Philosophie im Beginn des 20. Jahrhunderts* (pp. 269–320). Heidelberg: C. Winter, 1907 (in German).

Lotze H. (1884) *Grundzüge der praktischen Philosophie*. Leipzig: Verlag von C. Birzel (in German).

MacIntyre A.C. (2000) *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Moscow: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga (Russian translation).

MacIntyre A.C. (2007) *Edith Stein: A Philosophical Prologue, 1913–1922*. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2007.

Matsevich-Dukhan I.Ja. (2020) The problem of Gemeinschaft in social theory. *Filosofskie issledovaniya*. No. 7, pp. 126–136 (in Russian).

Matsevich-Dukhan I.J. (2021) Praxis and Practice: Ways of Distinguishing. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 3, pp. 50–79 (in Russian).

Sombart W. (2008) Luxury and Capitalism. In: Sombart W. *Collected works in 3 Vols.* (Vol. 3, 7–238). Saint Petersburg: Vladimir Dal' (Russian translation).

Stein E. (2010) *Beiträge zur philosophischen Begründung der Psychologie und der Geisteswissenschaften*. Freiburg: Herder (in German).

von Redecker E. (2018) *Praxis und Revolution*. Frankfurt: Campus (in German).

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-77-89
Оригинальная исследовательская статья
Original research paper

Телесные границы социального: сознание и «Я» между биологией и культурой

В.Б. Еворовский

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь*

Аннотация

На основании выдвигаемой гипотезы о том, что самость является последним форпостом социальности внутри человека, сознание и «Я» рассматриваются как комплексные духовно-материальные феномены. Они включают в себя как минимум три основных компонента: нейробиологическую активность, интимно-личную среду и социальный контекст. Автором анализируется внутренняя материалистическая перспектива, следствием которой является сведение самости и сознания к заурядным нейронным процессам головного мозга. При таком ракурсе рассмотрения главным для нейронной деятельности становится поддержание гомеостаза сначала внутри мозга, а далее – организма в целом. На основании последних достижений нейронауки и построений нейрофилософии продемонстрирована невозможность существенной акцентуации продуцирования «Я» на фоне базовой мозговой активности. Введен концепт протосознания, в контексте которого показана возможность уже у простейших использования сложных алгоритмов обработки информации, коррекции ошибок поведения для обеспечения эффективного существования в предназначенном для них жизненном мире. Результат становится очевидным: интегративное поведение, когда тот или иной его элемент является не просто одиночной реакцией на раздражитель, но формируется как результат выполнения некоего алгоритма (пока неясной структуры и происхождения), данные и команды для которого поступают из нескольких источников. Обращено внимание на необходимость наличия даже для обычного поведения встроенной пространственно-временной матрицы, которая будет типологически схожа с кантовскими формами априорного восприятия. Предлагается рассматривать рациональность и связанную с ней самость как некую надстройку над внесознательным взаимодействием с реальностью, сложившимся у наших биоло-

гических предшественников. Однако, согласно выводам, и рациональность, и самость неминуемо предполагают возврат к социальности, без которой ни первое, ни второе невысказано.

Ключевые слова: философия сознания, самость, нейрофилософия, протосознание, кантовский мозг, экономика жизнедеятельности.

Еворовский Валерий Борисович – кандидат философских наук, доцент, заведующий отделом истории философии Института философии Национальной академии наук Беларуси.

valewr@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5326-5980>

Для цитирования: *Еворовский А.Ю.* Телесные границы социального: сознание и «Я» между биологией и культурой // *Философские науки.* 2022. Т. 65. № 3. С. 77–89.

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-77-89

Bodily Boundaries of Sociality: Consciousness and the Self between Biology and Culture

V.B. Yevarouski

Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Abstract

Based on the hypothesis that the selfhood is the last outpost of sociality within a person, consciousness and the self are considered as complex spiritual and material phenomena, they include at least three main components: neurobiological activity, intimate personal environment and social context. The author analyzes an internal materialistic perspective, which infers the reduction of self and consciousness to ordinary neural processes of the brain. With this perspective, the main thing for neural activity is to maintain homeostasis, first, within the brain itself, and then within the organism as a whole. Based on the latest achievements of neuroscience and the constructions of neurophilosophy, the impossibility of a significant accentuation of the production of the self against the background of the default activity of brain activity is demonstrated. The concept of protoconsciousness is introduced. In its context, it is shown that even the simplest ones can use complex algorithms for processing information, correcting behavioral errors to ensure effective existence in the life world intended for them. As a result – there is an integrative behavior, when one or another of its elements is not just a single reaction to a stimulus but formed as a result of the execution of a certain algorithm (of yet not clear structure and origin), data and commands for which come from

several sources. Attention is drawn to the fact that even for a quite simple behavior there is need for some built-in spatio-temporal matrix which will be typologically similar to Kant's forms of perception. From the standpoint of a materialistic perspective, it is proposed to consider rationality and the self, which is associated with it, as a kind of superstructure over the outconscious interaction with reality that our biological predecessors developed. However, both rationality and the self inevitably presuppose a return to sociality, without which neither the first nor the second can be conceived.

Keywords: philosophy of mind, self, neurophilosophy, proto-consciousness, Kantian brain, economics of vital activity.

Valery B. Yevarouski – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of the History of Philosophy, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus.

valewr@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5326-5980>

For citation: Yevarouski V.B. (2022) Bodily Boundaries of Sociality: Consciousness and the Self between Biology and Culture. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 65, no. 3, pp. 77–89. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-77-89

Введение

Философия, подобно другим наукам, рано или поздно упирается в ряд высказываний, которым приписывается очевидность. Для целей этого текста приведем несколько из них. Человек – это высшая ступень эволюции. А, следовательно, сознание, разум, мышление являются для нас главной ценностью и, по сути, будут доминирующими в структуре психической и нервной деятельности. Поэтому (явно или нет) мы с неким превосходством смотрим на других представителей живого мира, будто сожалея, что последние не имеют ни сознания, ни разума. Между тем к этому очевидному, давно и многократно проговоренному, можно отнестись не как к аксиоме, но как к некой гипотезе, которая нуждается в доказательстве. Как следствие, возникает вопрос: с каких новых исходных позиций мы будем рассматривать суть «Я» и тесно связанного с ним сознания?

Внутреннее, личностное и социальное в сознании

Минимальное определение сознания [Block 2009; Block, Flanagan, Güzeldere 1997], от которого мы на протяжении настоящей статьи будем постоянно отталкиваться, – его способность удваивать мир.

И это свойство видится, действительно, слишком человеческим, которое не обязательно будет представляться как неизменный атрибут любого разумного восприятия мира. Сознание состоит из многих слоев. Некоторые его функции уже с позиций нашей повседневной жизни могут показаться излишними. Так, обсуждается концепция блуждающего ума [Christoff et al. 2016; Gilbert et al. 2007], который, подобно мозгу, в целом имеет «систему по умолчанию, которая всегда работает» [Andrews-Hanna et al. 2010]. Почему это происходит, мы можем только догадываться. Никто не сбрасывает со счетов и внутренний процесс мышления, когда сознание стремится быть всегда готовым к возможным внешним вызовам [Gilbert et al. 2007]. К активности сознания по умолчанию подходят и с позиций некой внутренней диагностики, т.е. самопроверки готовности разума к новым действиям.

Сознание в узком смысле этого слова, которое определяет нас именно как человека, с необходимостью удваивает мир, противопоставляя внешней реальности как системе объектов некий связанный набор внутренних образов, которые мы иногда называем феноменами. Однако эта вторая идеальная реальность имеет внутри себя два рода принципиально разных компонентов. Их можно дифференцировать по следующему простому критерию. Если историю одного рода компонентов мы можем рассказать, другие являются нам непосредственно. Например, мы смотрим через окно на улицу, и в нашей голове рисуется привычный пейзаж. Вместе с тем мы можем попытаться рассказать историю возникновения некоего фрагмента этого текста, который написан до того, как мы посмотрели в окно. Непосредственная данность постоянно создает иллюзию, будто такого рода феномены являются точной копией определенного фрагмента реальности, который таинственным и иногда не обсуждаемым способом попадает в нашу голову. Для человека впитанные фрагменты реальности (как физической, так и социальной) образуют набор знания или своеобразную явную часть сознания. Однако последняя неминуемо обосновывается на сознании неявном. Неявное, которое точнее можно определить как внесознательное [Yevarouski 2020], имеет сложную структуру, и она полностью никогда не может быть эксплицирована. Напротив, сознательное сознание может быть расчленено на разделяемое с другими и нечто личное. Последнее может включать в себя контролируемое нашей самостью и неподвластное ей (бессознательное).

Последние границы социальности

Прежде всего повторим приведенный нами ранее тезис: «Для нас сознание, разум, мышление являются главной ценностью». Очевидно, что в этой фразе «мы» выступает своеобразной вежливой формой местоимения «я». Последнее, действительно, не только неотделимо ни от мышления, ни от сознания, но и является своеобразной их производной. Более того, если рассматривать философскую традицию, то внутри человека именно наше «Я» служит последней точкой ее интереса и коренной категорией для всех дальнейших умозрительных операций, тут же выходящих из недр нашего организма в интерперсональную область. Однако наше «Я» успешно рассматривается и из нейробиологической перспективы [Damasio 2010]. Мозг как человеческий орган при множестве своих функций выполняет (с точки зрения всех его процессов, возможно, заурядную) операцию продуцирования самости, суть которой фактически определяет смысл всего человеческого существования.

Теперь снова переформулируем задачу. Если, с точки зрения нашего личного «Я», почти абсолютная ценность сознания и мышления безусловна, а, с позиций внешнего (а значит, социального мира), мы, как полноценные игроки, без приписывания нам достаточного интеллектуального уровня не существуем, *приоритетность процесса продуцирования «Я» и присутствующего ему сознания как нейробиологического феномена все же нуждается в доказательстве*. Последнее пока не получено [Bayne, Seth, Massimini 2020; Friston 2018]. Две перспективы, которые условно можно назвать феноменологической и материалистической, будто сталкиваются друг с другом в некоем условном сражении. В последнем, исходя из полученных сегодня знаний, трудно выявить победителя. Ни подтвердить, ни опровергнуть утверждение о том, что сознание есть высшая ценность не только для нашего Я, но и внутреннего мира в целом, современная наука не может, но посеять сомнения в этом «самом очевидном» все же можно попытаться.

Начала протосознания

Человеческий мозг – самый загадочный орган – имеет сложную многоуровневую структуру, чья функциональность разгадана примерно лишь на пять процентов. Однако типологически то, что мы знаем о мозге, подобно процессам, происходящим в

системах управления существ, гораздо примитивнее, чем мы. Например, неожиданным объектом для сравнения стал круглый червь *Caenorhabditis elegans* [Emmons 2012], чья нервная система содержит только 400 нейронов. Несмотря на вызывающую простоту, нейроны нематоды вырабатывают вполне «человеческие» нейротрансмиттеры (окситоцин и вазопрессин). Как и у представителей *Homo sapiens*, они регулируют сексуальное поведение и гомеостатическое поддержание водного баланса соответственно [Garrison et al. 2012]. Очевидно, что приведенные выше образцы репрезентируют именно интегративное поведение, выполнение определенного алгоритма [Mandelblat-Cerf et al. 2017], который нуждается в обработке данных, получаемых из нескольких относительно независимых источников. Высшая нервная деятельность и человеческое сознание оказываются лишь надстройкой в нашем головном мозге над древними структурами, прошедшими миллиарды лет эволюции [Yevarouski 2018].

На основании этого заинтересовавшего нас факта попытаемся построить модель протосознания. Рассмотрим для простоты рассуждения, а также для своеобразной чистоты мысленного эксперимента «мозг» уже упоминавшегося нами червя *Caenorhabditis elegans* с его 400 нейронами. Будучи осторожными, взяли это слово в кавычки потому, что анатомически это – некий аналог мозга, его отдаленный прототип. Тем не менее данный червь все же функционирует в отведенном ему фрагменте реальности, которую мы можем назвать его жизненной средой. С точки зрения внешнего наблюдателя, его действия можно разделить на правильные и неправильные, более или менее эффективные.

Даже небольшое продвижение в тайны досознательного восприятия мира показывает, что на этом уровне не только наше сознание, но и его далекие по эволюции аналоги выполняют сложные операции по работе с реальностью. Попытки повторить непосредственно данное, то, что мы воспринимаем как максимально простое, из чего затем пытаемся конструировать сложное, требуют для себя написания замысловатых алгоритмов. Наиболее характерный пример – наше зрение. Успехи в информационных технологиях также неминуемо подстегивают интерес к тому, как это происходит в его естественных формах. Например, появляется соблазн помыслить о неких априорных доопытных формах [Palmer, Lynch 2010], которые вполне укладываются в концепт мозга кантовского типа (*Kantian brain*) [Fazelpour, Thompson 2015].

Наличие в нашем сознании (в том числе в неосознаваемой его области) эталонных образцов, под которые подгоняется получаемая извне информация, пока рассматривается лишь как гипотеза. Тем не менее наличие неких «подсказок» в нашем внутреннем опыте является необходимым для любой из моделей, пытающейся, например, повторить процесс получения и распознавания зрительных образов [Magt 2010]. Если мы признаем, что внешний мир не дан нам непосредственно и что наши органы зрения действуют не по принципу фотографического аппарата или видеокамеры, а производят многоуровневую обработку информации, значит, каким-то образом должны быть заданы правила такой обработки. Существуют ли они в виде образцов, математических или иных алгоритмов? Этот вопрос, конечно, можно признать важным и даже критическим для построения любых моделей, но с точки зрения философского рассмотрения все же он вторичен.

Самость с точки зрения «экономики» нейронных процессов

Хотя нет возможности с достаточной корректностью применять к неразумным существам такие предикаты, как цель и миссия, и выделять при их осуществлении главное и второстепенное, все же существует вариант использовать более мягкую схему и говорить о своеобразной экономике жизни [Bickel, Green, Vuchinich 1995; MacKillor 2016]. Каждый наш жизненный процесс, в том числе и, безусловно, мыслительная деятельность, требует определенных затрат энергии. Метаболизм любого живого существа не осуществляется без внешних ресурсов и определенных затрат времени, средств организма для их переработки. Таким образом, жизнеобеспечение каждого процесса в организме наделяют атрибутом его стоимости. Эффективное распределение этих усилий можно рассматривать как залог успешного существования отдельного организма [Salamone et al. 2009].

Предлагаемая модель, которая основывается на идеях поведенческой экономики в таком контексте, тоже не безупречна с точки зрения опасности очеловечивания сугубо естественных процессов. Однако такой подход дает все же больше возможностей для рассуждений о субординированности жизненных проявлений, чем простое оперирование набором причинно-следственных категорий. Любой живой организм не может потребить больше, чем он получил, т.е. наши калории и иные полезные вещества обладают определенной ценностью, которой нужно распорядиться

осмотрительно. Конечно, структурное усложнение живых организмов делает процесс «оптимизации расходов» не настолько прямолинейным. Но мы можем принять целесообразность распределения ресурсов внутри организма как удобную гипотезу, т.е. потребляемая энергия должна быть пропорциональна полезности, которую клетки того или иного типа вносят в успешность существования организма в целом.

В случае человека деятельность мозга в целом – очень дорогой процесс с точки зрения потребления жизненных веществ. Так, человеческий мозг при весе около двух процентов от общей массы тела потребляет приблизительно 20 процентов вырабатываемой организмом энергии, включая 50 процентов глюкозы [Raichle 2010; Tomasi, Wang, Volkow 2013]. Базовое состояние [Morcom, Fletcher 2007; Tomasi, Wang, Volkow 2013] – это то, к чему после производства некой «внешней» работы мозг всегда возвращается [Northoff 2018a, Northoff 2018b]. Появляется возможность выделять отклонения от некоего среднего ритма, в том числе и в области метаболизма, тем самым моделируя интересующие нас процессы. Это дает возможность при рассмотрении нейробиологических изменений и их последствий (безусловно, включая сознание и нашу самость) сосредоточиться не на активности головного мозга в целом, а именно на изменениях в нейронных системах, происходящих во время действий. Таким образом, получаем фиксированную точку, относительно которой, в частности, могли быть рассмотрены познавательные и психологические феномены, как некое возмущение базовой активности [Pepperell 2018].

Эта базовая активность во многом является гипотетической конструкцией [Greicius et al. 2003; Snyder, Raichle 2012], основанной на простом факте: метаболизм тканей мозга на протяжении всех процессов жизнедеятельности остается приблизительно постоянным [Camandola, Mattson 2017]. Вместе с тем, каким образом эта энергия распределяется внутри мозга, остается неизвестным. Мозг никогда не спит [Attwell, Laughlin 2001], и общее потребление питательных веществ не слишком зависит от того, бодрствуем ли мы или находимся в покое. Более того, наблюдаются и парадоксальные ситуации. Выполнение сложных задач, требующих напряжения ума и повышенного внимания, может, наоборот, снижать потребление энергии нашим мозгом. В любом случае провести закономерности между нашей разумной активностью как людей и работой мозга как биологического

объекта пока не удастся [Pepperell 2018]. Если принимать как некую осевую линию базовую активность мозга, энергия, которая тратится на его основную работу, настолько незначительна, что практически теряется в безусловных и с достаточной точностью необъясняемых энергозатратах.

Заключение

Мозг является управляющей системой для организма. Чрезвычайная сложность структуры головного мозга очевидна. По этому параметру он иногда сравнивается со Вселенной. Сложность выражается как в количестве элементов, так и в существующих между ними связях. Основным в данной статье оказался один из вечных философских вопросов. Если мозг управляет нашим телом, формирует сознание, обеспечивает взаимодействие с внешним миром, то кто им управляет, в том числе определяя, что в организме и внутри нашего мозга в целом каких ресурсов заслуживает?

Когда-то мы бы сказали, что это – душа. Нечто бесплотное и «энергонезависимое» от нашего тела. В сегодняшних условиях подобная гипотеза, конечно, выглядела бы устарелой. Но в любом случае сформированное на принципах эгоцентризма мышление интуитивно требует исходной позиции, из которой все начинается. Очень хочется вообразить эту главную точку, имеющую доступ к пульту управления, включающую или выключающую базовые цепи, добавляющую питание и внимание чему-то, одновременно обделяющую другое.

Как антипод, был рассмотрен тезис о том, что и сознание, и наше «Я» есть не заглавные, а некие очередные и даже рутинные процессы, незначительные возмущения базовой активности головного мозга. Мы уже не увидим выдающего себя главного и стыдливо прячущегося второстепенного. Важнейшей заботой мозга становится именно поддержание внутреннего состояния, энергетического гомеостаза, который можно отождествить с сохранением работоспособности. Мы, таким образом, смогли построить своего рода модель поддержания стабильности, при которой ни один из процессов не может быть рассмотрен как преобладающий, а некой самостоятельной ценностью является оптимизация системы организма в целом.

Между тем, если принять грандиозную сложность мозга, то эта структура (тем более выполняющая очевидные функции по управлению живым организмом, а значит, способная быть относительно автономной) будет стремиться и к оптимизации самой

себя. Сложно судить о том, верна ли эта схема, не говоря уже о том, насколько предполагаемая гармония может эффективно поддерживаться. Каждая жизнь, имеющая свои особые начало и завершение, может предлагать на этот вопрос отличные ответы. Наш человеческий опыт дает наглядное тому подтверждение. Пусть с точки зрения распределения энергии «производство сознания» не самый затратный процесс, но наша разумная деятельность часто оказывается критичной для организма в целом. Мы уже как сознательные существа, обладающие эго, в состоянии убить себя, навредить здоровью своего тела или, напротив, спасти, подкорректировав с точки зрения полученного знания биологические программы своего организма.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Andrews-Hanna et al. 2010 – *Andrews-Hanna J.R., Reidler J.S., Huang C., Buckner R.L.* Evidence for the Default Network's Role in Spontaneous Cognition // *Journal of Neurophysiology*. 2010. Vol. 104. No. 1. P. 322–335.

Attwell, Laughlin 2001 – *Attwell D., Laughlin S.B.* An Energy Budget for Signaling in the Grey Matter of the Brain // *Journal of Cerebral Blood Flow and Metabolism*. 2001. Vol. 21. No. 10. P. 1133–1145.

Bayne, Seth, Massimini 2020 – *Bayne T., Seth A.K., Massimini M.* Are There Islands of Awareness? // *Trends in Neurosciences*. 2020. Vol. 43. No. 1. P. 6–16.

Bickel, Green, Vuchinich 1995 – *Bickel W.K., Green L., Vuchinich R.E.* Behavioral Economics // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 1995. Vol. 64. No. 3. P. 257–262.

Block 2009 – *Block N.J.* Comparing the Major Theories of Consciousness // *The Cognitive Neurosciences* / ed. by M.S. Gazzaniga. – Cambridge, MA: MIT Press, 2009. P. 1111–1122.

Block, Flanagan, Güzeldere 1997 – *Block N.J., Flanagan O.J., Güzeldere G.* The Nature of Consciousness: Philosophical Debates. – Cambridge, MA: MIT Press, 1997.

Camandola, Mattson 2017 – *Camandola S., Mattson M.P.* Brain Metabolism in Health, Aging, and Neurodegeneration // *The EMBO Journal*. 2017. Vol. 36. No. 11. P. 1474–1492.

Christoff et al. 2016 – *Christoff K., Irving Z.C., Fox K.C.R., Spreng R.N., Andrews-Hanna J.R.* Mind-Wandering as Spontaneous Thought: A Dynamic Framework // *Nature Reviews Neuroscience*. 2016. Vol. 17. No. 11. P. 718–731.

Damasio 2010 – *Damasio A.R.* Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain. – New York: Pantheon Books, 2010.

Emmons 2012 – *Emmons S.W.* Neuroscience. The Mood of a Worm // *Science*. 2012. Vol. 338. No. 6106. P. 475–476.

Fazelpour, Thompson 2015 – *Fazelpour S., Thompson E.* The Kantian Brain: Brain Dynamics from a Neurophenomenological Perspective // *Current Opinion in Neurobiology*. 2015. Vol. 31. P. 223–229.

Friston 2018 – *Friston K.* Am I Self-Conscious? (Or Does Self-Organization Entail Self-Consciousness?) // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. P. 579–589.

Garrison et al. 2012 – *Garrison J.L., Macosko E.Z., Bernstein S., Pokala N., Albrecht D.R., Bargmann C.I.* Oxytocin/Vasopressin-Related Peptides Have an Ancient Role in Reproductive Behavior // *Science*. 2012. Vol. 338. No. 6106. P. 540–543.

Gilbert et al. 2007 – *Gilbert S.J., Dumontheil I., Simons J.S., Frith C.D., Burgess P.W.* Comment on “Wandering Minds: The Default Network and Stimulus-Independent Thought” // *Science*. 2007. Vol. 317. No. 5834. P. 43.

Greicius et al. 2003 – *Greicius M.D., Krasnow B., Reiss A.L., Menon V.* Functional Connectivity in the Resting Brain: A Network Analysis of the Default Mode Hypothesis // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2003. Vol. 100. No. 1. P. 253–258.

MacKillop 2016 – *MacKillop J.* The Behavioral Economics and Neuroeconomics of Alcohol Use Disorders // *Alcoholism, Clinical and Experimental Research*. 2016. Vol. 40. No. 4. P. 672–685.

Mandelblat-Cerf et al. 2017 – *Mandelblat-Cerf Y., Kim A., Burgess C. R., Subramanian S., Tannous B.A., Lowell B.B., Andermann M.L.* Bidirectional Anticipation of Future Osmotic Challenges by Vasopressin Neurons // *Neuron*. 2017. Vol. 93. No. 1. P. 57–65.

Marr 2010 – *Marr D.* Vision: A Computational Investigation into the Human Representation and Processing of Visual Information. – Cambridge, MA: MIT Press, 2010

Morcom, Fletcher 2007 – *Morcom A.M., Fletcher P.C.* Does the Brain Have a Baseline? Why We should Be Resisting a Rest // *NeuroImage*. 2007. Vol. 37. No. 4. P. 1073–1082.

Northoff 2018a – *Northoff G.* The Brain’s Spontaneous Activity and Its Psychopathological Symptoms – “Spatiotemporal Binding and Integration” // *Progress in Neuro-Psychopharmacology & Biological Psychiatry*. 2018. Vol. 80. Part B. P. 81–90.

Northoff 2018b – *Northoff G.* The Spontaneous Brain: From the Mind-Body to the World-Brain Problem. – Cambridge, MA: MIT Press, 2018.

Palmer, Lynch 2010 – *Palmer L., Lynch G.* Neuroscience. A Kantian View of Space // *Science*. 2010. Vol. 328. No. 5985. P. 1487–1488.

Pepperell 2018 – *Pepperell R.* Consciousness as a Physical Process Caused by the Organization of Energy in the Brain // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. P. 1–11.

Raichle 2010 – *Raichle M.E.* The Brain’s Dark Energy // *Scientific American*. 2010. Vol. 302. No. 3. P. 44–49.

Salamone et al. 2009 – *Salamone J.D., Correa M., Farrar A.M., Nunes E.J., Pardo M.* Dopamine, Behavioral Economics, and Effort // *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. 2009. Vol. 3. P. 13.

Snyder, Raichle 2012 – *Snyder A.Z., Raichle M.E.* A Brief History of the Resting State: The Washington University Perspective // *NeuroImage*. 2012. Vol. 62. No. 2. P. 902–910.

Tomasi, Wang, Volkow 2013 – Tomasi D., Wang G.J., Volkow N.D. Energetic Cost of Brain Functional Connectivity // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2013. Vol. 110. No. 33. P. 13642–13647.

Yevarouski 2018 – Yevarouski V. Hijacking Sorrow, Joy, Pleasure and Reward: A Philosophical Interpretive Framework for the Theory of Alcohol Addiction // Sociology. Thought and Action. 2018. Vol. 41. No. 2. P. 100–136.

Yevarouski 2020 – Yevarouski V. Consciousness: Between Biology and Culture // “Philosophical Studies” Yearbook. 2020. Vol. 7. P. 260–274.

REFERENCES

Andrews-Hanna J.R., Reidler J.S., Huang C., & Buckner R.L. (2010) Evidence for the Default Network’s Role in Spontaneous Cognition. *Journal of Neurophysiology*. Vol. 104, no. 1, pp. 322–335.

Attwell D. & Laughlin S.B. (2001) An Energy Budget for Signaling in the Grey Matter of the Brain. *Journal of Cerebral Blood Flow and Metabolism*. Vol. 21, no. 10, pp. 1133–1145.

Bayne T., Seth A.K., & Massimini M. (2020) Are There Islands of Awareness? *Trends in Neurosciences*. Vol. 43, no. 1, pp. 6–16.

Bickel W.K., Green L., & Vuchinich R.E. (1995) Behavioral Economics. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. Vol. 64, no. 3, pp. 257–262.

Block N.J. (2009) Comparing the Major Theories of Consciousness. In: Gazzaniga M.S. (Ed.) *The Cognitive Neurosciences* (pp. 1111–1122). Cambridge, MA: MIT Press.

Block N.J., Flanagan O.J., & Güzeldere G. (1997) *The Nature of Consciousness: Philosophical Debates*. Cambridge, MA: MIT Press.

Camandola S. & Mattson M.P. (2017) Brain Metabolism in Health, Aging, and Neurodegeneration. *The EMBO Journal*. Vol. 36, no. 11, pp. 1474–1492.

Christoff K., Irving Z.C., Fox K.C.R., Spreng R.N., & Andrews-Hanna J.R. (2016) Mind-Wandering as Spontaneous Thought: A Dynamic Framework. *Nature Reviews Neuroscience*. Vol. 17, no. 11, pp. 718–731.

Damasio A.R. (2010) *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. New York: Pantheon Books.

Emmons S.W. (2012) Neuroscience. The Mood of a Worm. *Science*. Vol. 338, no. 6106, pp. 475–476.

Fazelpour S. & Thompson E. (2015) The Kantian Brain: Brain Dynamics from a Neurophenomenological Perspective. *Current Opinion in Neurobiology*. Vol. 31, pp. 223–229.

Friston K. (2018) Am I Self-Conscious? (Or Does Self-Organization Entail Self-Consciousness?) *Frontiers in Psychology*. Vol. 9, pp. 579–589.

Garrison J.L., Macosko E.Z., Bernstein S., Pokala N., Albrecht D.R., & Bargmann C.I. (2012) Oxytocin/Vasopressin-Related Peptides Have an Ancient Role in Reproductive Behavior. *Science*. Vol. 338, no. 6106, pp. 540–543.

Gilbert S.J., Dumontheil I., Simons J.S., Frith C.D., & Burgess P.W. (2007) Comment on “Wandering Minds: The Default Network and Stimulus-Independent Thought”. *Science*. Vol. 317, no. 5834, p. 43.

Greicius M.D., Krasnow B., Reiss A.L., & Menon V. (2003) Functional Connectivity in the Resting Brain: A Network Analysis of the Default Mode Hypothesis. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 100, no. 1, p. 253–258.

MacKillop J. (2016) The Behavioral Economics and Neuroeconomics of Alcohol Use Disorders. *Alcoholism, Clinical and Experimental Research*. Vol. 40, no. 4, pp. 672–685.

Mandelblat-Cerf Y., Kim A., Burgess C.R., Subramanian S., Tannous B.A., Lowell B.B., & Andermann M.L. (2017) Bidirectional Anticipation of Future Osmotic Challenges by Vasopressin Neurons. *Neuron*. Vol. 93, no. 1, pp. 57–65.

Marr D. (2010) *Vision: A Computational Investigation into the Human Representation and Processing of Visual Information*. Cambridge, MA: MIT Press.

Morcom A.M. & Fletcher P.C. (2007) Does the Brain Have a Baseline? Why We should Be Resisting a Rest. *NeuroImage*. Vol. 37, no. 4, pp. 1073–1082.

Northoff G. (2018a) The Brain’s Spontaneous Activity and Its Psychopathological Symptoms – “Spatiotemporal Binding and Integration”. *Progress in Neuro-Psychopharmacology & Biological Psychiatry*. Vol. 80, part B, pp. 81–90.

Northoff G. (2018b) *The Spontaneous Brain: From the Mind-Body to the World-Brain Problem*. Cambridge, MA: MIT Press.

Palmer L. & Lynch G. (2010) Neuroscience. A Kantian View of Space. *Science*. Vol. 328, no. 5985, pp. 1487–1488.

Pepperell R. (2018) Consciousness as a Physical Process Caused by the Organization of Energy in the Brain. *Frontiers in Psychology*. Vol. 9, pp. 1–11.

Raichle M.E. (2010) The Brain’s Dark Energy. *Scientific American*. Vol. 302, no. 3, pp. 44–49.

Salamone J.D., Correa M., Farrar A.M., Nunes E.J., & Pardo M. (2009) Dopamine, Behavioral Economics, and Effort. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. Vol. 3, p. 13.

Snyder A.Z. & Raichle M.E. (2012) A Brief History of the Resting State: The Washington University Perspective. *NeuroImage*. Vol. 62, no. 2, pp. 902–910.

Tomasi D., Wang G.J., & Volkow N.D. (2013) Energetic Cost of Brain Functional Connectivity. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 110, no. 33, pp. 13642–13647.

Yevarouski V. (2018) Hijacking Sorrow, Joy, Pleasure and Reward: A Philosophical Interpretive Framework for the Theory of Alcohol Addiction. *Sociology, Thought and Action*. Vol. 41, no. 2, pp. 100–136.

Yevarouski V. (2020) Consciousness: Between Biology and Culture. *“Philosophical Studies” Yearbook*. Vol. 7, pp. 260–274.

Биосемиотические подходы в исследовании культуры: общее и специфическое

С.Г. Доронина

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь*

Аннотация

В статье анализируются новые концептуальные подходы в исследовании культуры, языка, коммуникативных процессов в рамках междисциплинарного синтеза, акцентирующие внимание на значимости роли природной среды и живых систем в культурном семиозисе. Автором определяются основные направления, проблемы, специфика и перспективы использования биосемиотических подходов в исследовании культуры, обосновывается их актуальность в изучении знаковых систем, выявляются локальные контексты функционирования процесса семиозиса, имеющие отношение к мотивированным интересам живых организмов, их взаимодействиям с окружающей средой. Эксплицируются биологические корни знакообразования и смысла, главные механизмы их формирования, акцентируется внимание на сходствах, а не различиях в проявлениях человеческой культуры и природного мира. Выявляются основные препятствия и ограничения, связанные с развитием биосемиотических направлений изучения культуры, их ключевые функции, имеющие отношение к области междисциплинарных исследований и осмыслению проблем семиозиса в общем философско-методологическом ключе. Предлагаемый в статье ракурс рассмотрения позволяет говорить о возможности использования биосемиотики в качестве междисциплинарной основы, объединяющей естественные и социально-гуманитарные науки, ее интегративной, объяснительной и этической функциях, новых перспективах применения биологии и семиотики в изучении культурных и социальных процессов. Результаты исследования могут иметь значение для развития современных когнитивных наук и неклассической эпистемологии, ориентированных на изучение различных форм познания, поиск «экологических» методов изучения знаковых систем культуры, создание новых гибридных методов и моделей исследования семиотических систем, решение ряда эпистемологических и метафизических вопросов, требующих философского осмысления.

Ключевые слова: биосемиотика, культура, знаки, живые системы, семиозис, междисциплинарные исследования, когнитивные исследования.

Доронина Светлана Геннадиевна – научный сотрудник отдела философии информационных и когнитивных процессов Института философии Национальной академии наук Беларуси.

svetadoris@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0536-7587>

Для цитирования: Доронина С.Г. Биосемиотические подходы в исследовании культуры: общее и специфическое // Философские науки. 2022. Т. 65. № 3. С. 90–111. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-90-111

Biosemiotic Approaches in Cultural Studies: General and Specific

S.G. Doronina

*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus.*

Abstract

The article explicates new conceptual approaches to the study of culture, language, semantic, and communicative processes, focusing on the importance of the role of the natural environment and various living systems in cultural semiosis. The author substantiates the relevance of the main biosemiotic approaches in the study of sign systems of culture and the problems of semiosis, and also determines their specificity, main problems and prospects for use. The author explicates the biological roots of sign formation and meaning, establishes the main mechanisms for their formation, draws attention to similarities, rather than differences, in the manifestations of culture and the natural world, reveals the local contexts of the functioning of the process of semiosis, which are related to the interests of living organisms, their interactions with the environment. The article considers the possibility of using biosemiotics as an interdisciplinary basis that unites the natural and human sciences in the field of studying semiotic processes, identifies the main obstacles to the development of this direction. The perspective of the research proposed in the article allows us to talk about new prospects for the use of biosemiotic approaches in the study of culture and society, taking into account the influence of the natural environment and living systems on the process of sign formation. It also makes it possible to establish the integrative and explanatory functions of biosemiotic positions associated with the unification of the biological and sociocultural aspects of

semiosis. The results of the study may be important for the development of modern cognitive sciences and non-classical epistemology, focused on the study of various forms of cognition, for the search for ecological methods and approaches to the study of sign systems of culture, for the creation of new hybrid methods and models for the study of semiotic systems, for the solution of a number of epistemological and metaphysical issues that require philosophical reflection.

Keywords: biosemiotics, culture, signs, living systems, semiosis, interdisciplinary research, cognitive studies.

Svetlana G. Doronina – Research Fellow, Department of Philosophy of Information and Cognitive Processes, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus.

svetadoris@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0536-7587>

For citation: Doronina S.G. (2022) Biosemiotic Approaches in Cultural Studies: General and Specific. *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 3, pp. 90–111.

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-90-111

Введение

Биосемиотика представляет собой междисциплинарное направление исследования, работающее на стыке таких дисциплин, как биология, антропология, философия, лингвистика и др., и изучающее способы формирования знаков, их функционирования и обработки в живых системах. Современные биосемиотические подходы предлагают новые концептуальные средства и методы исследования культурного семиозиса, вербальных и невербальных коммуникативных процессов, конфигураций различного семантического «ландшафта». В целом биосемиотическая стратегия сосредоточена не на исследовании объективных универсальных законов функционирования знаковых систем, а на изучении их локальных контекстов и явлений, соответствующих мотивированным интересам живых организмов, их взаимодействиям с окружающей средой, а в случае человека – и культурным традициям.

Такая специфика ставит биосемиотику в центр внимания современных междисциплинарных исследований и открывает широкие возможности, имеющие отношение к поиску основания, объединяющего естественные и гуманитарные

науки¹, к осмыслению проблем семиозиса и культуры в общем философско-методологическом ключе, обоснованию и выявлению биологических корней знакообразования в культуре.

Данная область исследования имеет большое значение для развития современной когнитивной науки и неклассической эпистемологии, ориентированных на исследование человеческих форм познания, выявление функциональных схем изменения живых систем, их моделей организации, способов порождения смыслов, с учетом изменения окружающей среды и взаимодействия с ней.

Основные положения и общие проблемы

Термин «биосемиотика» был введен в научный дискурс в 1962 году специалистом по нейроанатомии, психиатром Ф. Ротшильдом и распространен лингвистом Т. Себеком после того, как он открыл для себя работы биолога Якоба фон Иксюля. В этот период семиотика находилась под сильным влиянием как структурализма в лингвистике, так и аналогичного движения в теоретической биологии, а биосемиотика послужила основанием их взаимодействия.

Можно выделить два основных этапа развития биосемиотики как самостоятельной дисциплины. Первый этап приходится на 1960–2000 годы. В этот период биосемиотика получила статус академической дисциплины. Второй этап, охватывающий период с 2000 года и до наших дней, характеризуется академической деятельностью, расширением проблемного поля биосемиотики, развитием ее прикладных аспектов, созданием профессиональных школ и направлений (биогерменевтики, биолингвистики, биофилологии и др.) [Чебанов 2019].

Сегодня, с одной стороны, биосемиотику можно определить как современную область исследования, предлагающую новые способы концептуального осмысления проблем, связанных с изучением культурного семиозиса, сознания, языка, коммуникативных процессов, особенностей человеческого восприятия. С другой – она рассматривается в качестве альтернативного иссле-

¹ В гуманитарных науках эта тенденция возникла в 1960-х годах с появлением работы Ю. Лотмана «Вселенная разума. Семиотика и культурология» и была продолжена в работах по биосемиотике Т. Себека и П. Кобли, пытающихся преодолеть эпистемологический разрыв между науками о природе и культуре (см.: [Lotman 1990; Sebeok 1996, 89–115; Copley 2016, 1–16]).

довательского направления, выходящего за рамки традиционных представлений о культуре как сфере исключительно человеческой духовно-материальной, знаковой деятельности² и предлагающего благоприятный для изучения культуры и более «дружественный» к природе подход [Deacon 2012, 541]. Биосемиотика выходит за рамки сугубо биологического описания живых систем и позволяет рассматривать «жизнь» и «семиозис» как дополняющие и неразделимые друг от друга понятия; смысл, процесс знакообразования, интерпретации и коммуникации – как имманентно присущие всем живым организмам феномены.

Одни исследователи считают биосемиотику сугубо научным направлением исследования, в основе которого лежит следующее фундаментальное предположение, – базирующиеся на семиозисе жизнь и культура развиваются согласно общим биологическим законам природы [Hoffmeyer 2010]. Несколько другую точку зрения предлагают ученые, относящие биосемиотику к дискурсивному сообществу, разрабатывающему альтернативные способы изучения знаковых систем, или к ветви философии природы, уделяющей особое внимание проблемам семиотики и биологии. Согласно последней точке зрения, жизнь и знаки, процесс познания и интерпретации тесно взаимосвязаны. Поэтому биология и семиотика дополняют друг друга и принадлежат к одной онтологической области исследования [Wheeler 2016].

Несмотря на тот факт, что для большинства последователей этого направления «жизнь» и «семиозис» являются комплементарными понятиями, многие специалисты не дают терминологических уточнений относительно определения понятия «сущность жизни». Они также не конкретизируют признаки и критерии, согласно которым происходит дифференциация неодушевленной материи и живых организмов. Большинство объяснений сводится к определению зависимости функционального поведения и специфических черт организмов от окружающей среды [Kirschenmann 2009]. В подтверждение этим предположениям приведем цитату итальянского ученого М. Барбьери, который заканчивает одно из своих заявлений следующим высказыванием: «...в чрезмерно упро-

² Т. Себеок пишет: «Человеческое тело представляет собой неразрывно сложный текст, закодированный и определенный целостным воздействием природы и воспитания (или этим крохотным фрагментом природы, который некоторые антропологи грандиозно классифицируют как культуру)» [Sebeok 1986, 60].

щенном утверждении “жизнь – это семиозис” находится глубокая правда» [Barbieri 2008a, 51]. Быть живым – значит быть семиотически активным. Более провокационная формулировка этого положения в исполнении другого исследователя связана с отождествлением ума и жизни (*living is cognition*) [Thompson 2004, 385]. Следуя этим идеям, некоторые авторы полагают, что процесс порождения знаков не только является фактом жизни, но и фактором, позволяющим ей возникнуть из неодушевленной материи. Например, Дж. Хоффмейер в книге «Знаки смысла во Вселенной» [Hoffmeyer 1996], где он кратко изложил свои положения, утверждал, что основной единицей жизни является знак, а не молекула.

Несмотря на то, что эти базовые постулаты разрабатываются и формулируются исследователями различными способами, сегодня можно говорить как минимум о двух главных принципах, принимаемых большинством ученых указанного направления. Во-первых, это – идея Т. Себеока, свидетельствующая о том, что жизнь и семиозис сосуществуют. Это позволяет отличать биосемиотику как от пансемиотики или физиосемиотики, согласно которым семиозис существует и в неодушевленной материи, так и от направлений, утверждающих, что семиозис возможен только у животных и людей. Во-вторых, утверждения, свидетельствующие о том, что знаки и значения являются естественными/природными образованиями и их наличие позволяет отличать одушевленное от безжизненного [Sebeok 1984]. Эти два постулата признаны необходимыми и достаточными для обоснования биосемиотики как науки, исследующей семиотическое измерение биологической жизни.

Существуют общие исследовательские проблемы, связанные с созданием биосемиотической парадигмы, которые преимущественно сводятся к необходимости приведения доводов в пользу наличия в природе или по крайней мере в живых системах базовых лингвистических динамических систем. Кроме того, ведутся горячие дискуссии на тему происхождения смысла, его идентификации и интерпретации, четкой дифференциации семиотических и несемиотических сфер [Barbieri 2007; Kull 2011]; существуют дилеммы, имеющие отношение к определению референтов знаков в биологической среде и агентов, производящих и интерпретирующих их и др. [Barbieri 2008b].

Формирование единой основы, объединяющей знания различных дисциплин, представляет еще одно затруднение на пути формирования биосемиотической парадигмы. Большинство исследователей в качестве такого фундамента предлагают использовать идеи семиотики Ч.С. Пирса, позволяющие осмыслить процессы, происходящие в человеческом сознании, теле, разуме и окружающей среде, в качестве единой системы [Brier 2008, 40–41]. Основным аргумент в защиту использования базовых положений семиотики Ч.С. Пирса сводится к тому, что его подход включает в исследование не только созданные человеком намеренные и непреднамеренные знаки (например, телесные жесты), но и модели природных объектов, что дает возможность преодолеть проблеме традиционной «дуалистической эпистемологии», имеющей отношение к разделению разума и материи. Некоторые авторы, опираясь на идеи этого философа, предлагают свои варианты приложения его концептуальных построений в объяснении биосемиотической эволюции. Например, согласно В. Уиллеру, человеческое знание является не только системным, но и рекурсивным: оно включает в себя все предшествующие ему эволюционные и культурные слои [Wheeler 2008b].

Определение нижней семиотической «пороговой зоны» [Hoffmeyer 2011; Deacon 2011], выявление причин и механизмов возникновения знаковых систем и языка в культуре также являются серьезными проблемами биосемиотики (например, Т. Дикон в своей книге «Символические виды: коэволюция языка и мозга»³ вводит нейронные механизмы объяснения формирования семиозиса). Несмотря на плодотворное развитие биосемиотики в последние десятилетия, между представителями этого направления до сих пор нет согласия относительно определения «нижнего семиотического порога» (см., например: [Short 2007; Nöth 2000]). Эти разногласия возникают из-за различных взглядов на минимальные признаки семиозиса и определение его пороговых значений (*threshold zone*), проливающих свет на зарождение культурного процесса образования знаковых систем и происхождение языка.

Любое сообщество живых организмов развивается в соответствии с семиотическими процессами и построением собственных

³ Более подробнее об этом см.: [Deacon T. W. 1997].

умвельтов (от нем. *Umwelt* – «окружающий мир»)⁴. Семиозис является результатом жизнедеятельности и развития организмов, их адаптации к окружающей среде. Именно живые организмы создают знаковые системы, которые впоследствии образуют уникальные «семиотические ниши». Согласно ряду исследований, происхождение языка тесно связано с осознанием человеком собственного умвельта, развитием у людей абстрактного мышления. Язык позволяет «превратить» функциональный круг существования в «жизненный мир» [Deely 2001, 162], а появление у человека особого «темпорального умвельта» [Tulving 2002, 311–325] дает ему возможность различать прошлое, настоящее и будущее, что коррелирует с появлением новых типов памяти у людей, необходимых для построения структуры повествования.

Символическая деятельность людей (впрочем, как у животных и растений) определяется их функциональным кругом существования, однако включает в себя более сложные формы знаков, символов и кодов, порождающих культурные артефакты, нарративы, идеологии, и связанные с ними абстрактные понятия и термины. Согласно биосемиотическому подходу, культурный семиозис мог возникнуть только благодаря появлению и функционированию примитивных форм знакообразования: люди обладают одновременно растительным, животным и культурным семиозисом, границы между которыми («семиотические пороги») не представляют жесткой непроницаемой зоны [Kull 2009, 22–24]. Расширение семиотических способностей и возникновение новых уровней семиозиса обусловлены также параллельным развитием навыков, связанных с активным взаимодействием организмов с окружающей средой и их свободной преобразующей деятельностью. Как отмечал С. Бриер, жизнь основана не только на физико-химических и информационных процессах, но и на развитии семиотических возможностей («семиотическая свобода»), порождающих «игру знаков», в том числе в человеческом языке и в культуре [Brier 2008, 55–56]. Можно утверждать, что человеческая культура вписана в общую семиосферу существования с другими

⁴ Понятие «умвельт» (функциональный круг существования) введено биологом Якобом фон Икскульем и развито Томасом Себеоком. Этим понятием принято обозначать биологические основания коммуникации во всех формах живых систем, включая человека. Умвельты живых организмов отличаются, поскольку имеют отношение к его специфическому восприятию и действию, адаптации к окружающей среде, способу поведения, формам производства и интерпретации знаков.

живыми системами и возникает одновременно со способностью организмов создавать более сложные знаковые системы, модели поведения и дифференцированные связи взаимоотношений.

Биосемиотические подходы в исследовании культуры

Если ограничить рассмотрение направлений биосемиотики теми, которые ориентированы на экспликацию биологических корней происхождения и развития культурного семиозиса, то в этом случае результаты работ Т. Себеока представляют наибольший интерес⁵.

Глобальная биосемиотика Т. Себеока характеризуется максимальным расширением компетенций и синтезом таких наук, как биология и социальные науки, этология и лингвистика, психология, геронтология и др. В рамках его теории биосемиотику можно представить как метанауку, воспринимающую все знаки живых систем в качестве области собственного исследования [Kull 2009]. Согласно утверждениям ученого, любой семиозис предполагает наличие производителей и интерпретаторов знаков, что приводит к следующему заключению: существует аксиоматическая идентичность семиосферы, простирающейся настолько далеко, насколько возможно влияние семиотических процессов в мире, и биосферы⁶. Появление же языка, позволяющего структурировать человеческое восприятие в соответствии с собственными функциональными особенностями существования⁷, становится возможным благодаря возникновению «синтаксических знаков»,

⁵ Биосемиотику и теорию систем моделирования Т. Себеока, во многом основанных на идеях Ч.С. Пирса, Ч. Морриса и Р. Якобсона, можно отнести к числу внесших наибольший вклад в институционализацию данного направления исследования.

⁶ Примечателен тот факт, что Ю. Лотман, в свою очередь, вывел понятие «семиосфера» из биологического источника – «биосферы» В. Вернадского, а первоначальный смысл обоих понятий подчеркивал значимость общего пространства (сферы), состоящего из находящихся в процессе постоянного обмена информацией (коммуникации) живых организмов и среды обитания.

⁷ Переосмысление идей Якоба фон Иксюля о «функциональных кругах существования» позволяет автору создать теорию, подходящую для рассмотрения феноменологических аспектов жизни, связанных с природой. Т. Себеок плодотворно объединил идеи Я. фон Иксюля и Ч.С. Пирса в одну эволюционную теорию. Теории Х. фон Ферстера, У. Матураны и Ф. Варела также оказали значительное влияние на развитие школы биосемиотики.

являющихся уникальной характеристикой именно человеческой культуры [Sebeok 1996, 109]. Культура, язык, искусство служат способами саморефлексии вида, представляют истории различных сообществ и результат адаптации к новой реальности и среде. Й. Хоффмейер пишет: «Сохранение и переосмысление культурного наследия также позволяет формировать произведения и повествования в настоящем, как и наши тела, несущие биологическое наследие» [Hoffmeyer 2010, 31–33].

Созданная в рамках исследовательской биосемиотической программы концепция культуры описывает ее происхождение и развитие как биосемиозис живых организмов, представляющих дискурсивные самоконститулируемые биологические системы. Каждая система имеет собственные коммуникативные знаковые структуры, созданные организмами, лишь частично связанными со своим окружением и находящимися в процессе постоянного производства знаков и интерпретации собственного внутреннего опыта⁸, образуя тем самым семиосферы.

Эти положения позволяют выявить биологическую основу культуры, языковых игр, коммуникации и других процессов. Такое кажущееся «понижение» статуса культурной и смысловой человеческой деятельности, по мнению ряда ученых, следует понимать не в уничижительном значении, а как расширение и восстановление потерянных связей с природой и биологическими «предками» [Descola 2012]. Знаки возникают в воплощенных биологических «формах жизни», а интериоризированный телесный опыт выражается в знаковых системах и социально-культурных отношениях⁹. Человек представляет живую систему, которая, благодаря наличию появившихся в результате эволюции языковых структур, способна создавать взаимные связи между различными уровнями собственного и коллективного существования (психическим, социально-коммуникативным, деятельностным и др.). Язык имеет глубокую внутреннюю связь с «экологией» культуры, которая является коллективным способом выживания социальной системы, построенной на внутренней семиотической связи между живыми существами, природой и сознанием [Brier 2008, 58–59]. В случае людей, которых Т. Дикон охарактеризовал как «символический вид», объекты и знаки имеют отношение не только

⁸ Более подробнее об этом см.: [Hoffmeyer 2009].

⁹ Здесь прослеживается феноменологическое понимание знаков (см., например: [Brier 2001]).

к реальной среде, но и к воображаемым, гипотетическим сущностям, организующим уровни семиотической иллюзии, что существенно отличает людей от других биологических видов¹⁰ [Percy 1975, 19–20].

Лингвистические и психологические исследования французского философа М. Мерло-Понти¹¹ также могут быть полезны с точки зрения определения междисциплинарной основы исследований, тесно связанных с биосемиотикой. Согласно философу, люди представляют воплощенных субъектов, наделенных способностью связывать знаки друг с другом. В результате появляются «искусственные» миры (тексты, деньги, политические движения, научные исследования и др.), построенные на непрерывном семиозисе. Помимо этого, процесс порождения и функционирования знаковых систем включает в себя повседневную практическую деятельность людей, связанную с преобразованием физического мира (речевые акты, интерпретация, создание и использование абстрактных моделей и др.) и открывающую новые «уровни семиотической свободы» [Gare 2019, 80].

Биосемиотический подход в изучении культуры отражен и в полномасштабной работе П. Кобли [Cobley 2016]. Ее основные положения можно представить следующими тезисами: биосемиотика является своеобразным ключом к пониманию культуры, проектом, в котором наиболее полно реализуются принципы семиотики и биологии; человеческий вид не уникален в мире природы – люди представляют собой подверженных ограничениям биологических субъектов, эволюция которых приводит к определенным культурным результатам. Последнее утверждение – это основной аргумент в пользу развития биосемиотики,

¹⁰ В полном соответствии с представлением Э. Кассирера о *Homo symbolicus* человек живет в мире обладающих смыслами символов социальной и культурной реальности, которые производит, преумножает и интерпретирует он сам.

¹¹ Некоторые философские положения М. Мерло-Понти предвосхитили идеи биосемиотики: например, изложенные Дж. Хоффмейером в книге «Биосемиотика: исследование знаков жизни и жизни знаков». Особый интерес вызывают работы о «памяти видов», накопленной в человеческих языках и культурных артефактах, изложенных в феноменологической концепции М. Мерло-Понти, описывающей человеческий мир как мир индивидуумов, несущих в собственных телах историю вида. Философ осуществил и анализ работ Якоба фон Икскуля и Николаса Тинбергена, что позволило ему продемонстрировать зарождение протокультуры в животном царстве.

поскольку она не просто экстраполирует культурные знания на природные процессы, а предлагает различные методы изучения способов освоения и познания живыми организмами окружающей реальности.

Чтобы выявить отношения между биологическими и социокультурными уровнями семиозиса, ряд ученых предлагают в рамках биосемиотической концепции собственные подходы. Например, получившая в последние годы распространение киберсемиотика С. Бриера пытается ответить на некоторые поставленные выше вопросы, актуализируя концепцию «воплощенного познания» Дж. Лакофа и М. Джонсона. С точки зрения Бриера, первые эмоции, исходящие из инстинктов, позднее становятся сознательными чувствами, а базовая функция воплощенной мотивации преобразуется в метафорическое, а затем и в абстрактное мышление [Brier 1999]. Не объясняя причин возникновения жизни и разума на Земле, такой подход предлагает некий компромисс: системы знаний развиваются из нашего биопсихологического и социолингвистического сознания («тела в уме»), представляющего основу семантического аспекта языка и позволяющего людям осуществлять коммуникацию и саморегуляцию. Биосемиотика утверждает, что человек является не целостным субъектом, а структурой (концепция семиотического «я») [Sebeok 2001], состоящей из взаимодействующих между собой уровней организации, каждый из которых имеет семиотическую компетенцию и память. Согласно данной теории, взаимосвязь между социально-психологическими, биологическими и др. системами людей, процесс объединения психологического или феноменологического «я» с языком имеют также семиотическое объяснение [Hoffmeyer 1996, 83–88, 113–120].

Представления об интерактивной многоуровневой природе человеческого субъекта позволяют биосемиотике использовать свой подход в вопросах критического анализа социальных и образовательных проблем [Stables 2005]. Некоторые наработки биосемиотики используются в теориях принятия решений [Artmann 2008], что дает возможность найти новые методы описания поведения человека, построить модели, объясняющие механизмы формирования и усвоения знания, способы обработки информации. Существует также подход, говорящий в пользу существования параллелей между семиозисом и коммуникацией в живых системах и в человеческой культуре,

что предполагает возможность использования биосемиотических методов в описании культурных артефактов. Например, в рамках герменевтической биосемиотики А. Маркош в работе «Читатели книги жизни: концептуализация эволюционной биологии развития», основываясь на философии М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера, предлагает посмотреть на все живые системы как построенные на процессе интерпретационной деятельности. Он подчеркивает, что творческий взгляд на историю человечества, которая имеет процессуальный характер, может быть распространен на все живые системы, поскольку они также являются субъектами и агентами преобразующей и интерпретационной деятельности. Идеи Ч. Дарвина о случайности жизни и М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера об интерпретативной деятельности используются автором для обоснования следующих тезисов: все живые системы осуществляют интерпретацию, благодаря которой в природе и культуре возникают новшества; необходим возврат к основным концепциям гуманитарных наук, поскольку изучать историю любых форм жизни надо таким же образом, как и «повествование» человеческих дел [Markoš 2002]. Исследования упомянутого ранее ученого С. Бриера в значительной степени также ориентированы на построение трансдисциплинарной основы, объединяющей научные теории о природе и феноменолого-герменевтические подходы. Герменевтическая биосемиотика настаивает на необходимости синтеза семиотики и биологии, выходе последней за рамки сугубо естественнонаучного знания, т.к. между биологическими и культурными знаками нет непроницаемых границ [Barbieri 2009, 236].

Такие гибридные модели исследования культуры указывают не только на прикладные аспекты биосемиотики, но и свидетельствуют о наличии определенного эпистемологического сдвига, позволяющего по-иному посмотреть на связь природы и культуры. Так, В. Уиллер в книге «Постскрипtum о биосемиотике: чтение за пределами слов – и экокритицизм» [Wheeler 2008a] акцентирует внимание на разработке синтетических исследовательских моделей, которые могли бы объединить в одну структуру письменный текст и природную среду. Другой ученый Э. Стейблс пытается связать культуру с окружающей средой путем введения понятия «пейзаж как текст», подразумевая под этим то, что «смерть автора» в современной теории литературы дает возможность открыть понимание текста как природного явления. Такой подход дает новое по-

нимание отношений между текстом и миром (и/или читателем, исследователем), основанных на семиозисе: природа может быть интерпретирована как обладающая семиотическим потенциалом среда; деятельность исследователя – как продолжение естественного знакового процесса, создание текста и произведения; интерпретация и анализ представляют следующий уровень знаковой системы ряда семиотических серий [Stables 1997]. Помимо утверждений, свидетельствующих в пользу того, что природу и ее элементы можно воспринимать как взаимосвязанный текст, существуют подходы, позволяющие аналогично воспринимать культурные произведения, повествующие о природе [Abram 1997; Maran 2007; Siewers 2009].

В изложенных выше подходах можно выделить общие специфические характеристики: во-первых, они подчеркивают значимость роли природной среды и различных живых систем в семиозисе, а человеческую культуру рассматривают в качестве открытого для взаимодействия с ними пространства значений; во-вторых, культура и природа рассматриваются как единый неразрывный комплекс, связанный знаковыми отношениями; биосемиотический подход к интерпретации и пониманию литературных произведений характеризуется как «экологический», поскольку он осуществляет попытки расширить контекст понимания текста и предлагает рассматривать его в качестве знаковой системы, встроенной в более широкую сеть взаимодействия природной и культурной сред.

Еще одна попытка преодолеть дуализм природы и культуры с помощью теорий биосемиотики осуществляется в работе Н. Лайонса [Lyons 2019]. Центральное утверждение этого автора по аналогии с рассуждениями Б. Латура, стремящегося преодолеть бинарную оппозицию «природа – культура», состоит в том, что, с его точки зрения, природа является культурной, а последняя, в свою очередь, – естественной. Данный автор основывается на идеях биосемиоза, обнаруженных им в трудах Дж. Пуансо, Фомы Аквинского и Николая Кузанского, и рассматривает материальную культуру как необходимое условие существования жизни человека, системы знания и смыслов.

Наводящие на размышление работы С. Петрилли, М. Кропина и К. Марэ [Petrilli 2003; Cronin 2017] позволили выявить еще одну особенность биосемиотических подходов и их связь с процессом перевода. С точки зрения этих авторов, существует

необходимость воссоединения социально-культурных и природных миров, поскольку все способы перевода связаны с обменом информацией и знаками между живыми организмами и неодушевленными системами, а перевод представляет собой «негэнтропический¹² семиотический процесс» [Marais 2019, 120]. Такие подходы не только открывают широкие возможности для диалога между переводческими исследованиями и биосемиотикой, но и порождают ряд дополнительных вопросов, имеющих отношение к методологическим и эпистемологическим проблемам взаимодействия этих областей знания.

Подводя итог, можно заключить, что биосемиотика позволяет нивелировать традиционную точку зрения, указывающую на уникальность человеческой культуры и ее семиотической деятельности и осуществляет попытки исследовать коммуникативные и знаковые отношения между культурной деятельностью человека и природой, выявить присутствие «следов» телесного человеческого восприятия и сложной биологической организации в культурных репрезентациях, обнаружить сходства между культурными и природными системами путем использования биосемиотических моделей в междисциплинарных исследованиях культуры.

Заключение

В последнее время биосемиотика стала необходимой частью современных междисциплинарных исследований, в рамках которых возможно использовать не только понятийно-концептуальный аппарат общей семиотики и биологии, но и ряда других дисциплин, имеющих отношение к изучению знаковых систем. В целом биосемиотика делает акцент на необходимости формирования междисциплинарной основы гуманитарных и естественнонаучных исследований, ориентированных на изучение сходств, а не различий в проявлениях человеческой культуры и природного мира. Эти заключения имеют важные последствия, которые можно отразить в следующих функциях и проблемах биосемиотики.

¹² Под негэнтропией в биологии понимают извлечение живыми организмами из окружающей среды новой информации, что повышает определенность их поведения, уровень организованности и развития. Кроме того, такой процесс оказывает организующее и преобразующее влияние на среду (см.: [Шмальгаузен 1968, 219–220]).

Интегративная функция биосемиотики проявляется в учете трех строго взаимосвязанных между собой аспектов: описательно-объяснительный – позволяет выделять, описывать и изучать знаковые системы; методологический – предполагает ориентацию на поиск новых гибридных методов исследования семиотических систем; этический – сопряжен с практическими ориентирами человеческой жизни, связанных с объединением биологических и социокультурных аспектов семиозиса, «экологизацией» культуры.

Объяснительная функция биосемиотических теорий проявляется в том, что они пытаются следовать более фундаментальному пониманию семиотических процессов и предлагают модели, описывающие то, что традиционно находится за границами лингвистических исследований. Благодаря тому, что биосемиотика охватывает множество отдельных областей знания (биологию, семиотику, психологию, антропологию, философию и т.д.), а также ряд исследовательских программ в области когнитивных наук, она может предложить новые интересные фундаментальные подходы к изучению культуры и общества.

Основные препятствия развития биосемиотики связаны со следующими распространенными убеждениями: биосемиотика ошибочно воспринимается одновременно и как представляющая альтернативу теоретической биологии дисциплина, и как философская точка зрения, не способная выполнять прогностическую функцию и основываться на собственных эмпирических данных. Ограничения современной биосемиотики преимущественно связаны с проблемами неправомерной биологизации гуманитарных наук; вопросами, имеющими отношение к разработке моделей семиозиса, позволяющих различать типы знаков в живых системах и анализировать различные семиотические явления; трудностями определения и описания различных уровней семиозиса; невозможностью установления точных границ дифференциации культурных и природных сред, живых и неодушевленных систем; определением минимальных пороговых значений семиозиса и др.

В целом можно утверждать, что биосемиотическая теория изменяет не только взгляд на природу, культуру и реальность, но и на науку и процессы познания, что порождает ряд эпистемологических и метафизических вопросов, требующих дальнейшего философского осмысления.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Чебанов 2019 – *Чебанов С.В.* На пути к семиотически осознаваемой биологии: биосемиотика замещает синтетическую теорию эволюции // Метод. 2019. № 9. С. 151–173.

Шмальгаузен 1968 – *Шмальгаузен И.И.* Факторы эволюции (теория стабилизирующего отбора). – М.: Наука, 1968. С. 219–220.

Abram 1997 – *Abram D.* The Spell of the Sensuous. Perception and Language in a More-than-Human World. – New York: Vintage book, 1997.

Artmann 2008 – *Artmann S.* Organic Problem Solving. Biology, Decision Theory, and the Physical Symbol System Hypothesis // The American Journal of Semiotics. 2008. Vol. 24. No. 1/3. P. 95–105.

Barbieri 2007 – *Barbieri M.* Is the Cell a Semiotic System? // Introduction to Biosemiotics / ed. by M. Barbieri. – Dordrecht: Springer, 2007. P. 179–208.

Barbieri 2008a – *Barbieri M.* The Code Model of Semiosis the First Steps Toward a Scientific Biosemiotics // The American Journal of Semiotics. 2008. Vol. 24. No. 1/3. P. 23–37.

Barbieri 2008b – *Barbieri M.* Life is Semiosis: The Biosemiotic View of Nature // Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy. 2008. Vol. 4. No. 1–2. P. 29–51.

Barbieri 2009 – *Barbieri M.* A Short History of Biosemiotics // Biosemiotics. 2009. Vol. 2. No. 2. P. 221–245.

Brier 1999 – *Brier S.* Biosemiotics and the Foundation of Cybersemiotics. Reconceptualizing the Insights of Ethology, Second Order Cybernetics and Peirce's Semiotics in Biosemiotics to Create a Non-Cartesian Information Science // Semiotica. 1999. Vol. 127. No. 1/4. P. 169–198.

Brier 2001 – *Brier S.* Ecossemiotics and Cybersemiotics // Sign System Studies. 2001. Vol. 29. No. 1. P. 107–120.

Brier 2008 – *Brier S.* The Paradigm of Peircean Biosemiotics // Sign. 2008. Vol. 2. P. 20–81.

Cobley 2016 – *Cobley P.* Cultural Implications of Biosemiotics. – Dordrecht: Springer, 2016.

Cronin 2017 – *Cronin M.* Eco-Translation: Translation and Ecology in the Age of the Anthropocene. – New York: Routledge, 2017.

Deacon 1997 – *Deacon T.W.* The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain. – New York: W.W. Norton, 1997.

Deacon 2012 – *Deacon T.W.* Incomplete Nature: How Mind Emerged from Matter – New York: Norton & Co, 2012.

Deely 2001 – *Deely J.* Four Ages of Understanding. The First Postmodern Survey of Philosophy from Ancient Times to the Turn of the Twenty-First Century. – Toronto: University of Toronto Press, 2001.

Descola 2012 – *Descola P.* Beyond Nature and Culture // Journal of Ethnographic Theory. 2012. Vol. 2. No. 1. P. 447–471.

Gare 2019 – *Gare A.* Biosemiosis and Causation: Defending Biosemiotics Through Rosen's Theoretical Biology; or, Integrating Biosemiotics and Anticipatory Systems // *Theory Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*. 2019. Vol. 15. No. 1. P. 31–90.

Hoffmeyer 1996 – *Hoffmeyer J.* Signs of Meaning in the Universe. – Bloomington: Indiana University Press, 1996.

Hoffmeyer 2009 – *Hoffmeyer J.* Biosemiotics: An Examination into the Signs of Life and the Life of Signs. – Sraton: University of Scranton Press, 2009.

Hoffmeyer 2010 – *Hoffmeyer J.* Semiotics of Nature // *The Routledge Companion to Semiotics* / ed. by P. Cobley. – London: Routledge, 2010. P. 29–42.

Hoffmeyer 2011 – *Hoffmeyer J.* Biology is Immature Biosemiotics // *Towards a Semiotic Biology: Life is the Action of Signs* / ed. by C. Emmeche, K. Kull. – London: Imperial College Press, 2011. P. 43–65.

Kirschenmann 2009 – *Kirschenmann P.P.* Reality and Construction, Linguistic or Otherwise: The Case of Biological Functional Explanations // *Language and World*. 32nd International Wittgenstein Symposium / ed. by V.A. Munz. – Kirchberg: Ontos, 2009. P. 205–207.

Kull 2009 – *Kull K.* Vegetative, Animal, and Cultural Semiosis: The Semiotic Threshold Zones // *Cognitive Semiotics*. 2009. Vol. 4. P. 8–27.

Kull 2011 – *Kull K.* Why Biosemiotics? An Introduction to Our View on the Biology of Life Itself // *Towards a Semiotic Biology* / ed. by C. Emmeche. – London: Imperial College Press, 2011. P. 1–21.

Lotman 1990 – *Lotman J.* Universe of Mind: A Semiotic Theory of Culture. – London: I.B. Tauris, 1990.

Lyons 2019 – *Lyons N.* Signs in the Dust: A theory of Natural Culture and Cultural Nature. – Oxford: University Press, 2019.

Marais 2019 – *Marais K.* A (Bio)semiotic Theory of Translation: The Emergence of Social-cultural Reality. – New York: Routledge, 2019.

Maran 2007 – *Maran T.* Towards an Integrated Methodology of Ecossemiotics: the Concept of Nature-text // *Sign Systems Studies*. 2007. Vol. 35. No. 1/2. P. 269–294;

Markoš 2002 – *Markoš A.* Readers of the Book of Life: Conceptualizing Developmental Evolutionary Biology. – Oxford: Oxford University Press, 2002.

Nöth 2000 – *Nöth W.* Umberto Eco's Semiotic Threshold // *Sign Systems Studies*. 2000. Vol. 28. P. 49–60.

Percy 1975 – *Percy W.* The Message in the Bottle: How Queer Man is, How Queer Language is, and What One Has to Do With the Other. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 1975.

Petrilli 2003 – *Petrilli S.* Translation. Translation. – Amsterdam: Rodopi, 2003.

Sebeok 1984 – *Sebeok T.A.* Communication, Language and Speech: Evolutionary Considerations // *Semiotic Theory and Practice: Proceedings of the Third International Congress of the IASS Palermo*. Vol. 2. P. 1089–1091. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1984.

Sebeok 1986 – *Sebeok T.A.* I Think I Am a Verb: More Contributions to the Doctrine of Signs. – New York: Plenum Press, 1986.

Sebeok 1996 – *Sebeok T.A.* Signs, Bridges, Origins // *Origins of Language* / ed. by J. Trabant. – Budapest: Collegium Budapest, 1996. P. 89–115.

Sebeok 2001 – *Sebeok T.A.* Tell Me, Where is Fancy Bred? The Biosemiotic Self // *Global Semiotics* / ed. by T.A. Sebeok. – Bloomington: Indiana University Press, 2001. P. 120–127.

Siewers 2009 – *Siewers A.K.* Strange Beauty. Ecocritical Approaches to Early Medieval Landscape. – New York: Palgrave Macmillan, 2009.

Short 2007 – *Short T.L.* Peirce's Theory of Signs. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Stables 1997 – *Stables A.* The Landscape and the “Death of the Author” // *Canadian Journal of Environmental Education*. 1997. Vol. 2. No. 1. P. 104–113.

Stables 2005 – *Stables A.* Living and Learning as Semiotic Engagement. A New Theory of Education. – Lewiston: The Edwin Mellen Press, 2005.

Thompson 2004 – *Thompson E.* Life and Mind: from Autopoiesis to neurophenomenology. A Tribute to Francisco Varela // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2004. Vol. 3. No. 4. P. 381–398.

Tulving 2002 – *Tulving E.* Chronesthesia: Conscious Awareness of Subjective Time // *Principles of Frontal Lobe Function* / ed. by D.T. Stuss. – Oxford University Press, 2002. P. 311–325.

Wheeler 2008a – *Wheeler W.* Postscript on Biosemiotics: Reading Beyond Words – and Ecocriticism // *New Formations*. 2008. Vol. 64. No. 1. P. 137–154.

Wheeler 2008b – *Wheeler W.* “Do not Block the Path of Inquiry!” Peircean Abduction, the Tacit Dimension, and Biosemiotic Creativity in Nature and Culture // *The American Journal of Semiotics*. 2008. Vol. 24. No. 1/3. P. 171–187.

Wheeler 2016. – *Wheeler W.* Book Review *Expecting the Earth: Life, Culture, Biosemiotics*. – London: Lawrence and Wishart, 2016.

REFERENCES

Abram D. (1997) *The Spell of the Sensuous. Perception and Language in a More-than-Human World*. New York: Vintage Book.

Artmann S. (2008) Organic Problem Solving. Biology, Decision Theory, and the Physical Symbol System Hypothesis. *The American Journal of Semiotics*. Vol. 24, no. 1/3, pp. 95–105.

Barbieri M. (2007) Is the Cell a Semiotic System? In: Barbieri M. *Introduction to Biosemiotics* (pp. 179–208). Dordrecht: Springer.

Barbieri M. (2008) The Code Model of Semiosis the First Steps Toward a Scientific Biosemiotics. *The American Journal of Semiotics*. Vol. 24, no. 1/3, pp. 23–37.

Barbieri M. (2008) Life is Semiosis: The Biosemiotic View of Nature. *Cosmos and History: the Journal of Natural and Social Philosophy*. Vol. 4, no. 1–2, pp. 29–51.

Barbieri M. (2009) A Short History of Biosemiotics. *Biosemiotics*. Vol. 2, no. 2, pp. 221–245.

Brier S. (2009) Biosemiotics and the Foundation of Cybersemiotics. Reconceptualizing the Insights of Ethology, Second Order Cybernetics and Peirce's Semiotics in Biosemiotics to Create a Non-Cartesian Information Science. *Semiotica*. Vol. 127, no. 1/4, pp. 169–198.

Brier S. (2001) Ecosemiotics and Cybersemiotics. *Sign System Studies*. Vol. 29, no. 1, pp. 107–120.

Brier S. (2008) The Paradigm of Peircean Biosemiotics. *Sign*. Vol. 2, pp. 20–81.

Chebanov S.V. (2019) Towards a Semiotically Conscious Biology: Biosemiotics Replaces Synthetic Theory of Evolution. *Method*. No. 9, pp. 151–173 (in Russian).

Cobley P. (2016) *Cultural Implications of Biosemiotics*. Dordrecht: Springer.

Cronin M. (2017) *Eco-Translation: Translation and Ecology in the Age of the Anthropocene*. New York: Routledge.

Deacon T.W. (1997) *The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain*. New York: W.W. Norton.

Deacon T.W. (2012) *Incomplete Nature: How Mind Emerged from Matter*. New York: Norton & Co.

Deely J. (2001) *Four Ages of Understanding. The First Postmodern Survey of Philosophy from Ancient Times to the Turn of the Twenty-First Century*. Toronto: University of Toronto Press.

Descola P. (2012) Beyond Nature and Culture. *Journal of Ethnographic Theory*. Vol. 2, no. 1, pp. 447–471.

Gare A. (2019) Biosemiosis and Causation: Defending Biosemiotics Through Rosen's Theoretical Biology; or, Integrating Biosemiotics and Anticipatory Systems. *Theory, Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*. Vol. 15, no. 1, pp. 31–90.

Hoffmeyer J. (1996) *Signs of Meaning in the Universe*. Bloomington: Indiana University Press.

Hoffmeyer J. (2009) *Biosemiotics: An Examination into the Signs of Life and the Life of Signs*. Scranton: University of Scranton Press.

Hoffmeyer J. (2010) Semiotics of Nature. In: Cobley P. (Ed.) *The Routledge Companion to Semiotics* (pp. 29–42). London: Routledge, 2010.

Hoffmeyer J. (2011) Biology is Immature Biosemiotics. In: Emmeche C. & Kull K. (Eds.) *Towards a Semiotic Biology: Life is the Action of Signs* (pp. 43–65). London: Imperial College Press.

Kirschenmann P.P. (2009) Reality and Construction, Linguistic or Otherwise: The Case of Biological Functional Explanations. In: Munz V.A. (Ed.) *Language and World. 32nd International Wittgenstein Symposium* (pp. 205–207). Kirchberg: Ontos.

Kull K. (2009) Vegetative, Animal, and Cultural Semiosis: The Semiotic Threshold Zones. *Cognitive Semiotics*. Vol. 4, pp. 8–27.

Kull K. (2011) Why Biosemiotics? An Introduction to Our View on the Biology of Life Itself. In: Emmeche C. (Ed.) *Towards a Semiotic Biology* (pp. 1–21). London: Imperial College Press, 2011.

Lotman J. (1990) *Universe of Mind: a Semiotic Theory of Culture*. London: I.B. Tauris.

Lyons N. (2019) *Signs in the Dust: A theory of Natural Culture and Cultural Nature*. Oxford: University Press.

Marais K. (2019) *A (Bio)semiotic Theory of Translation: The Emergence of Social-cultural Reality*. New York: Routledge.

Maran T. (2007) Towards an Integrated Methodology of Ecosemiotics: the Concept of Nature-text. *Sign Systems Studies*. Vol. 35, no. 1/2, pp. 269–294.

Markoš A. (2002) *Readers of the Book of Life: Conceptualizing Developmental Evolutionary Biology*. Oxford: Oxford University Press.

Nöth W. (2000) Umberto Eco's Semiotic Threshold. *Sign Systems Studies*. Vol. 28. pp. 49–60.

Percy W. (1975) *The Message in the Bottle: How Queer Man is, How Queer Language is, and What One Has to Do With the Other*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

Petrilli S. (2003) *Translation. Translation*. Amsterdam: Rodopi.

Schmalhausen I.I. (1968) *Factors of Evolution (Theory of Stabilizing Selection)* (pp. 219–220). Moscow: Nauka (in Russian).

Sebeok T.A. (1984) *Communication, Language and Speech: Evolutionary Considerations*. In: Herzfeld M. & Melazzo L. (Eds.) *Semiotic Theory and Practice: Proceedings of the Third International Congress of the IASS Palermo* (Vol. 2, pp. 1089–1091). Berlin: Mouton de Gruyter.

Sebeok T.A. (1986) *I Think I Am a Verb: More Contributions to the Doctrine of Signs*. New York: Plenum Press.

Sebeok T.A. (1996) Signs, Bridges, Origins. In: Trabant J. (Ed.) *Origins of Language* (pp. 89–115). Budapest: Collegium Budapest.

Sebeok T.A. (2001) Tell Me, Where is Fancy Bred? The Biosemiotic Self. In: Sebeok T.A. *Global Semiotics* (pp. 120–127). Bloomington: Indiana University Press.

Siewers A.K. (2009) *Strange Beauty. Ecocritical Approaches to Early Medieval Landscape*. New York: Palgrave Macmillan.

Short T.L. (2007) *Peirce's Theory of Signs*. Cambridge: Cambridge University Press.

Stables A. (1997) The Landscape and the "Death of the Author". *Canadian Journal of Environmental Education*. Vol. 2, no. 1, pp. 104–113.

Stables A. (2005) *Living and Learning as Semiotic Engagement. A New Theory of Education*. Lewiston: The Edwin Mellen Press.

Thompson E. (2004) Life and Mind: from Autopoiesis to neurophenomenology. A Tribute to Francisco Varela. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. Vol. 3, no. 4, pp. 381–398.

Tulving E. (2002) Chronesthesia: Conscious Awareness of Subjective Time. In: Stuss D.T. (Ed.) *Principles of Frontal Lobe Function* (pp. 311–325). Oxford University Press.

Wheeler W. (2008) Postscript on Biosemiotics: Reading Beyond Words – and Ecocriticism. *New Formations*. Vol. 64, no. 1, pp. 137–154.

Wheeler W. (2008) "Do not Block the Path of Inquiry!" Peircean Abduction, the Tacit Dimension, and Biosemiotic Creativity in Nature and Culture. *The American Journal of Semiotics*. Vol. 24, no. 1/3, pp. 171–187.

Wheeler W. (2016) *Book Review Expecting the Earth: Life, Culture, Biosemiotics*. London: Lawrence and Wishart.

Билингвизм в социально-политической проекции: язык как способ бытия нации

М.А. Можейко

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
Минск, Беларусь*

Аннотация

В статье феномен билингвизма анализируется в социально-политической проекции: в сопряжении с такими явлениями, как языковая ситуация, языковая политика, языковые права. Определяется понятие языковой ситуации, и в этом контексте выявляются особенности вариантов дифференциации двуязычной ситуации, в частности горизонтальный и вертикальный билингвизм, сбалансированный и несбалансированный. Показаны специфика языковой политики в условиях билингвизма, основные аспекты ее возможной проблематизации. Диглоссия анализируется как фактор языкового развития, выявляются особенности алгоритм разворачивания билингвизма в диглоссной ситуации. Рассматриваются возможные статусы национальных языков в диглоссном контексте, и доказывается фундированность этих статусов со стороны баланса политических сил. Моделируются перспективы развития национальных языков в диглоссных контекстах. На основании этого феномен диглоссии определяется как деструктивный в отношении языковой эволюции. Раскрывается сущность такого феномена, как экзоглоссность, демонстрируется ее негативное влияние на языковой процесс и анализируются механизмы этого влияния (в первую очередь посредством организации системы образования). Феномен двуязычия погружается в контекст процесса формирования национальной идентичности, исследуется проблематизация последней в условиях диглоссии, особенно экзоглоссности. Рассматривается такой феномен социально-политической жизни, как языковой вопрос, определяются условия его актуализации и моменты обострения на разных исторических этапах. Оцениваются перспективы развития национальных языков в условиях глобализации: моделируется возможность формирования диглоссной ситуации при перспективе доминирования «глобального английского» в отношении национальных языков. Делается о способах преодоления языковых конфликтов и дисбаланса.

Ключевые слова: социальная философия, языковая политика, социолект, диглоссия, экзоглоссность, языковой вопрос, национальная идентичность.

Можейко Марина Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета культуры и искусств.

marina-mojeiko@yandex.by

<https://orcid.org/0000-0003-2715-6200>

Для цитирования: *Можейко М.А.* Билингвизм в социально-политической проекции: язык как способ бытия нации // *Философские науки.* 2022. Т. 65. № 3. С. 112–137. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-112-137

Bilingualism in Social and Political Perspective: Language as a Way of the National Being

М.А. Можейко

Belarusian State University of Culture and Art, Minsk, Belarus

Abstract

The article examines bilingualism from the social and political perspective, discussing such phenomena as the language situation, language policy, language rights. The author defines the concept of a language situation and reveals the features of various types of a bilingual situation: horizontal and vertical bilingualism, balanced and unbalanced bilingualism. The article analyzes the language policy under the conditions of bilingualism and specifies the main points of its possible problematization. Diglossia is analyzed as a factor of language development; special attention is paid to the evolvement of bilingualism in a diglossic situation. The article considers the possible statuses of national languages in a diglossic context and their statuses from the perspective of the balance of political forces. The author models the prospects for the development of national languages in diglossic contexts and analyzes destructive relation of diglossia to language evolution. The article reveals the phenomenon of exoglossia, its demonstrates its negative impact on the language process, the mechanisms of its influence through the education system. The phenomenon of bilingualism is related to the process of the formation of national identity, of the development of various models of diglossia and especially exoglossia. The article discusses language issues arising in the social and political life, determines the conditions of its actualization and aggravation on various historical stages. The author assesses prospects for the development of national languages in the context of globalization, in particular the possibility of the formation of

the diglossic situation of the dominance of “global English” over national languages. The article concludes with the ways to overcome language conflicts and imbalances.

Keywords: social philosophy, language policy, sociolect, diglossia, exoglossity, language issue, national identity.

Marina A. Mojeiko – D.Sc. in Philosophy, Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Belarusian State University of Culture and Arts.

marina-mojeiko@yandex.by

<https://orcid.org/0000-0003-2715-6200>

For citation: Mojeiko M.A (2022) Bilingualism in Social and Political Perspective: Language as a Way of the National Being. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 65, no. 3, pp. 112–137. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-112-137

Введение

Билингвизм – феномен полифункциональный и многоаспектный, а потому может быть рассмотрен с различных точек зрения: и в аспекте функционирования мышления и протекания познавательных процессов (когнитивный подход), и как феномен культуры (культурологический подход), и в контексте социальных процессов, т.е. в сопряжении с политическими и правовыми аспектами общественной жизни (социально-политический подход). Однако, если когнитивные и культурные характеристики двуязычия во многом универсальны, то социально-политические зависят от сложившейся ситуации и языковой политики в том или ином социуме.

Языковая политика как система теоретико-идеологических принципов и практических шагов государственно-политической системы по решению языковых проблем в обществе связана с масштабными языковыми процессами (проблемами кодификации национального языка, его функционированием в разных социальных слоях, проблемами двуязычия и полиязычия, разрешением языковых конфликтов и т.п.), реализуется как составная часть национальной политики и исследуется в рамках макросоциолингвистики [Busch 2013; Patten 2001].

Трактуя языковую политику как лингвист, Л.-Ж. Руссо понимает под ней «любые решения, принимаемые государством или любым другим имеющим на это право социальным органом,

направленные на использование одного или нескольких языков на данной территории, реальной или виртуальной, и регламентирование его или их употребления» [Руссо 2007, 97]. Однако роль языковой политики в системе социума более масштабна, поскольку она «завязана» не только на политические реалии, но и на экономические процессы, религиозные установки и многое др.

Разумеется, любой язык как таковой идеологичен по своей глубинной природе. Неслучайно М. Фуко отмечает «важность знания о том, в каких формах и по каким каналам, скользая вдоль каких дискурсов, власть добирается до самых тонких и самых индивидуальных поведений, какие пути позволяют ей достичь редких или едва уловимых форм желания, каким образом ей удается пронизывать и контролировать» [Фуко 1996, 72]. Но при этом не следует забывать о том, что именно политическая сфера служит пространством, в котором только и могут быть реализованы языковые права, может осуществляться языковая политика (подобно тому, как свобода, в отличие от воли, может быть реализована, по мысли Х. Арндт, именно и только в рамках политической сферы [Арндт 2017]).

Наряду с этим может быть выделен и иной, встречный, вектор. Как отмечает Дж. Марин-Аррес, в любом случае «говорящий/пишущий стремится контролировать ход самой реальности или влиять на него», и для этого у него существует множество языковых инструментов: «оценочное позиционирование <...>, деонтичность, направленность и выражение желательности, интенциональность, нормативность и т.п.» [Marín-Arrese 2015, 105].

Языковая политика в условиях билингвизма: специфика и проблемы

В ситуации двуязычия проявляются две тенденции, основанные на разворачивании того, что исследователи называют «*потребностью идентичности*» и «*потребностью взаимопонимания*» [Алпатов 2013а]. Обе естественны и имеют право на существование, но баланс между ними далеко не всегда достигается легко.

Каждый прецедент билингвизма неповторим, и многое зависит от истории его формирования. Так что в мировом масштабе далеко не всё и не везде бесппроблемно: не в любом государственно-национальном контексте. Особенно проблемным оказывается вопрос о языке национальных меньшинств и эмигрантов, в частности об организации их системы образования. Например,

в проведенном в США фундаментальном исследовании показаны ситуации, в которых для латиноамериканских эмигрантов «двуязычное образование скорее тормозит, чем ускоряет движение латиноамериканских детей в англоязычный мир, и способствует больше сегрегации, чем интеграции. Двуязычие закрывает двери. Оно питает самогеттоизацию, а геттоизация питает расовый антагонизм», в этом плане одноязычное (англоязычное) образование детей эмигрантов рассматривается как благо, поскольку «открывает двери в большой мир» [Cummins 2003, 60–61]. Можно, однако, возразить: если под единственным языком имеется в виду английский (а так и читается), то в ситуации эмигранта достичь такого монолингвизма невозможно. Родной язык уже есть, и он уже не английский, в то время как владение двумя языками и расширяет возможности адаптации, и позволяет сохранить культурную идентичность.

В анализе билингвизма как социолингвистического явления важным представляется понятие *языковой ситуации*. По Ч.А. Фергюсону, этот термин фиксирует общую конфигурацию использования языка в данное время и в данном месте, включает в себя сведения о том, сколько языков и какие языки используются в данном ареале, сколько людей на них говорят и при каких обстоятельствах их практикуют [Фергюсон 1989, 122–127].

Как же может моделироваться билингвальная языковая ситуация в масштабах сообщества, в первую очередь страны, тем более что существенную роль играет фактор государственного языка? В рамках языковой ситуации двуязычия можно выделить, по определению Х. Бирдсмор, *горизонтальный билингвизм*, задающий ситуацию, при которой оба языка имеют «равный статус в официальной, культурной и семейной жизни», и *билингвизм вертикальный*, в рамках которого один из языков доминирует [Beardsmore 1986, 5]. Х. Бирдсмор предлагает описывать подобные ситуации также в терминах симметрии и асимметрии: асимметричным считается тип билингвизма, в рамках которого складываются неравноправные отношения между практикуемыми в обществе языками [Beardsmore 1986, 42].

В рамках дихотомии «*сбалансированный – несбалансированный билингвизм*» под несбалансированной понимается такая ситуация, «при которой языки-компоненты являются функционально неравнозначными и распределены по различным сферам общения и социальным группам таким образом, что один из языков несет

большую, а другой (другие) – меньшую функциональную нагрузку» (например, в Испании – испанский, каталанский, галисийский, баскский языки) [Словарь... 2006, 151].

Разумеется, билингвизм обостряет языковой вопрос, предъявляя к языковой политике особые требования. Это связано с тем, что в своем функционировании он выходит далеко за пределы сугубо языковой сферы, будучи тесно связанным с такими феноменами, как права человека, гражданство, образование и др.

Тем самым социальная роль языковой политики выходит далеко за рамки регуляции языкового процесса, выступая значимым фактором как внутренней политики, так и международных отношений.

Диглоссия как фактор языкового развития

В условиях несбалансированного двуязычия может формироваться феномен диглоссии. Дж. Эдвардс определяет ее как особый тип билингвизма, при котором оба языка образуют единую социально-коммуникативную систему и находятся в отношениях функциональной дополнительности, имея при этом не совпадающие сферы применения и разный статус [Edwards 2006, 20–21]. По Э. Хадсону, для диглоссии характерна функциональная иерархия языков, каждый из которых практикуется в различных сферах [Hudson 1999, 109]. Так, К. Бакер и В.Е. Райт отмечают, что языковое сообщество может «использовать язык меньшинства для общения внутри семьи, при отправлении религиозного культа и в общественной деятельности этого меньшинства», в то время как язык большинства будет практиковаться «на работе, в образовании и в СМИ» [Baker, Wright 2017, 42–47].

Яркий вариант диглоссии проявляется в языковом пространстве арабоязычных обществ: как отмечает Н.Б. Мечковская, «единый литературный язык арабов, восходящий к классическому арабскому языку VII века, имеет только письменную форму выражения. Это язык Корана, книжно-письменной культуры, науки, публицистики, официально-деловой документации, высшего и отчасти среднего образования», в то время как «в повседневном общении, в неофициальных программах радио и телевидения, в начальной школе используются многочисленные и далеко разошедшиеся диалекты арабского языка – алжирский, египетский, иракский, йеменский» [Мечковская 1996, 108].

В ситуации диглоссного билингвизма каждый из двух языков обретает статус либо *H*-языка (*high language*), либо *L*-языка (*low language*). *H*-язык используется в т.н. высоких, небытовых сферах книжно-письменной культуры (официальных документах, вербальных видах искусства, религии, науке, системе образования), а *L*-язык – в т.н. низких, бытовых сферах номинации и коммуникации, в *низких* жанрах художественной культуры и т.п. [Фергюсон 1989, 122–127].

Так, в зороастризме Ирана церковные церемонии проводятся по языковому критерию различно: молитвы читаются на сакральном языке Авесты, в то время как проповедь проводится на языке современных зороастрийцев (гавруни) или на персидском [Додыхудоева, Иванов 2014, 438]. Таким образом, язык Авесты функционирует как *высокий*, в то время как гавруни – как обиходно-бытовой: «на нем говорят в домашней обстановке и ведут коммерческие переговоры и расчеты» [Додыхудоева, Иванов 2014, 438–439].

При этом вертикальный языковой континуум может оформиться не только в ситуации билингвизма, но и в рамках национального языка (в том случае, если его различные подсистемы не совпадают по своему статусу в культуре) [Крысин 2004]. Так, в допетровской России церковнославянский язык в статусе *H*-языка – в отношении к разговорному русскому как *L*-языку [Шапир 1989].

Подобная ситуация наблюдалась в традиционной Японии: такой вариант языка, как *бунго*, противопоставлялся языку *кого* и считался единственным правильным и даже единственно *настоящим* языком в противоположность простонародным диалектам. И хотя без специального обучения *бунго* никому не был понятен, именно на нем вплоть до XIX в создавались художественные и даже научные произведения [Алпатов 2002].

Причем дивергенция в подобных случаях может заходить чрезвычайно далеко – вплоть до необходимости перевода: так, в XVI веке в белорусской культуре был создан рукописный словарь для переводов – «Лексіс з талкаваннем славенскіх моў проста» [Старабеларускія лексіконы... 1992].

Фактически и церковнославянский, и язык Авесты могут быть оценены как аналог *H*-языков, а обиходно-русский (до середины XVIII века) и гавруни – как *L*-языки. Но в каждом из упомянутых случаев это языки одной национальной общности, потому ситуация артикулируется совершенно иначе, нежели в случае,

когда в качестве *H*- и *L*-языков фигурируют разные национальные языки, один из которых, и именно претендующий на статус *H*-языка, для большинства населения – неродной. Потому пусть устаревший, пусть во многом непонятный, но воспринимаемый как *свой* – это одно, а *не свой*, но пытающийся вытеснить родной язык из высокого обихода, – совсем, совсем иное.

И как бы ни выдвигались на передний план при трактовке диглоссии культурные критерии (*H*-язык как язык религии, искусства и т.п.), на деле в доминирующем *H*-статусе оказывается язык, носители которого доминируют в политическом отношении. Как формулирует М. Билли, «достижение национальной гегемонии прекрасно иллюстрируется триумфом официальных национальных языков и подавлением соперников, которым часто сопровождалось создание государственности» [Билли 2005, 75]. Эксперты полагают, что «народ (этнос, этническая группа), который в конкретный исторический период не смог самостоятельно отстоять свою независимость, “обречен” на двуязычие/полиязычие. Знание языка метрополии становится жизненно необходимым для “покоренных” народов» [Бахтикиреева 2014, 241]¹.

Такая ситуация не может не обретать эмоциональную размерность: еще в конце XIX века О. Беагель, описывая подобное положение дел, использовал точный термин *язык других* [Behaghel 1928, 182]. Р. Диксон, спустя сто лет описывая языковые обстоятельства колониальной системы Британской империи, использует еще более острый термин: местные языки используются «среди своих»; английский – «с чужими» [Dixon 1991, 236].

Диглоссия *изначально неравноправна*, причем это неравноправие постоянно усугубляется и в итоге *H*-язык начинает тотально доминировать [Edwards 2006; Edwards 2012]. И, разумеется, в любом прецеденте языкового доминирования исчезновение угрожает именно *языкам политически зависимых групп* [Хауген 1972, 61–80].

¹ Дифференциация языковых статусов может иметь и недиглоссные формы. Например, Венгерский парламент до 1840 г.о. использовал латынь, т.е. участие граждан в политической жизни требовало знания этого языка, и аббат Грегуар в 1794 году высказывал опасения, не создает ли это условия для правления элитарного меньшинства [Хобсбаум 2005, 164]. Такая опасность, безусловно, имела место, но латынь – мертвый язык, поэтому ее использование дает преимущества *освоившим* этот язык, а не изначально родившимся в качестве его носителей. Так что это не диглоссия в ее классическом варианте.

Феномен экзоглосности: тотальность неродного языка

В случае полиэтничных обществ диглосная ситуация обретает еще одно измерение, т.е. возникает феномен экзоглосности: *H*-язык, не будучи родным для большинства населения, принимает характер надэтнического языка и начинает использоваться универсально.

Очевидно, что диглоссия формируется только при вертикальном и асимметричном варианте билингвизма, а за культурными маркерами престижности (*высокие* сферы бытования языка) всегда стоят детерминанты социально-политического характера: статус каждого из языков целенаправленно определяется и поддерживается языковой политикой. И обретение языком того или иного социального статуса – процесс, детерминируемый внеязыковыми факторами, «на основании которых один из двух языков может определяться как “доминирующий”» [Вайнрайх 2000, 136]. По оценке Э. Хаугена, именно и только «политические и социальные факторы» приводят «к господствующему положению одного языка по отношению к другому» [Хауген 1972, 64]. Например, для социального продвижения может требоваться не только овладение *H*-языком, но и «явного игнорирования другого языка, который для данного лица может быть родным» [Вайнрайх 2000, 135].

В полиэтничных (и, соответственно, многоязычных) контекстах ситуация усугубляется, т.к. в этих условиях диглоссия, по оценке Ч.А. Фергюсона, может перерасти в экзоглосность, которая характеризуется тем, что *H*-язык, не являясь родным для носителей национальных языков, функционирующих в *L*-статусе, становится надэтническим [Ferguson 1976]. *H*-язык тотально доминирует, усугубляя вертикальный языковой континуум, – в отличие от стихийно возникающих наддиалоговых языков, ситуативно применяемых в цивилизационных контактах. Последние не порождают экзоглосности (и вообще не имеют интенции доминирования), т.к. оформляются вне вертикального языкового континуума, т.е. за ними не стоит политически доминирующая этническая группа [Можейко 2020].

Доминирование *H*-языка проявляет себя не только посредством его тотальности функционирования в *высоких* сферах, но также и открыто аксиологически – в эксплицитных оценках. Так, классик кенийской литературы Нгуги ва Тионг’о следующим образом описывает постулируемое отношение к английскому языку в Кении периода колонизации: «английский язык был больше, не-

жели язык» (*language*), – «это был Язык» (*the language*), и «все остальные должны были склониться перед ним в почтении» [Ngũgĩ wa Thiong’o 1986, 11].

Престижность экзогlossного *H*-языка обуславливается возможностями социального продвижения, которые открываются при его использовании, и, в свою очередь, выступает очевидным катализатором его распространения.

Как отмечает Э. Балибар, «эгалитарная принадлежность к языковому сообществу... сразу же создает разделения, дифференцирующие нормы, по большей части совпадающие с классовыми различиями» [Балибар 2004 123].

Г.К. Баркер, определяя социальные функции языков в контексте диглоссии, описывает ситуацию в Таксоне (штат Аризона), в рамках которой выходцы из Латинской Америки для того, «чтобы улучшить свои отношения с “Anglos” <...>, могут даже отрицать, что знают испанский» [Barker 1951; Barker 1950].

Р. Диксон, анализируя ситуации *расщепления языка и утраты языкового равновесия* [Dixon 2008, 58–72], выделяет комплекс факторов, влияющих на исчезновение локальных (региональных) языков. Во-первых, это давление извне (в терминологии Р. Диксона, *настойчивость белых*²). Во-вторых, расщепление языка изнутри (*выбор аборигенов*). В-третьих, естественные трансформации «ситуации меньшинства в обществе европейского типа» (если «аборигенные языки» применялись в традиционных видах деятельности – типа охоты, – то с объективной модернизацией деятельности «все меньше времени отводится охоте и общению со своими, и соответственно аборигенные языки используются все реже»). И, наконец, в-четвертых, «давление средств массовой информации», т.е. практически тотальное доминирование англоязычного сектора культурной среды [Dixon 1991, 236].

Принципиально важным критерием демаркации *H*-языков и *L*-языков выступает организация системы образования. Именно она служит инструментом формирования экзогlossности: *H*-язык тотально фундирует собой образовательную среду, в то время как национальные *L*-языки остаются за пределами образовательных процедур.

² Р. Диксон использует такое выражение контекстно, имея в виду ассимиляционную политику Британской империи, но в целом это явление, разумеется, не расовое.

По точному определению Нгуги ва Тионг'о, испытавшего на себе политику колониальной языковой ассимиляции, «физическое насилие на полях сражений продолжается посредством психологического насилия в школьных классах» [Ngũgĩ wa Thiong'o 1986, 9].

Образование практически создает социальные маркеры, определяющие статус человека в обществе: «формально эгалитарная принадлежность к языковому сообществу <...> опосредована институтом школы», и «чем больший вес имеет <...> школьное образование, тем в большей степени различия во владении языком (языком литературным, языком культуры, технологическим языком) функционируют <...> как кастовые различия, предписывая индивидам различное “социальное предназначение”» [Балибар 2004, 123].

Язык является важнейшим средством формирования этнонациональной идентичности, которое может как реализовывать себя объективно (в ходе естественно-исторического процесса формирования нации), так и применяться в качестве инструмента сознательно: и если этническое сообщество «представляется закрытым в принципе», то «языковое сообщество открыто» [Балибар 2004, 122], в силу этого в рамках образовательной системы язык не просто «прививается всеобщим школьным образованием», он, собственно, и «является основной задачей этого образования» [Балибар 2004, 116].

Например, в XIX веке был наложен официальный запрет на использование валлийского и шотландского языков в британских школах [Kiernan 1993]; аргентинское правительство препятствовало использованию в школах Патагонии валлийского языка [White 1991]; согласно Конституции 1982 года, в Турции было запрещено использование в официальном общении языков национальных меньшинств [Могилевич 2012, 47]; точно так же «права человека и гражданина не распространялись на право бретонцев и окситанцев использовать свой собственный язык во французских школах: по закону, вместо окситанского надлежало использовать северофранцузский» [Биллинг 2005, 75].

Школа в этом контексте является одним из мощных и жестких инструментов развития диглоссии: с одной стороны, учителя принуждают говорить на *H*-языке, с другой – соученики дразнят за использование *L*-языка.

Нгуги ва Тионг'о, носитель языка кикую, приводит в книге «Декolonизация разума: политика языка в африканской ли-

тературе» свои детские воспоминания о том, что языком его официального образования был английский: «Когда я пошел в школу, колониальную школу <...> язык моего образования не был более языком моей культуры», – внутренняя «гармония была разбита»; «знание английского становилось мерой интеллекта и способностей» [Ngũgĩ wa Thiong’o 1986, 11–12]. Более того, как вспоминает Нгуги ва Тионг’о, в школе действовал жесткий запрет на разговоры на родном языке (нарушитель подвергался телесному наказанию) – «одним из самых унижительных событий было быть пойманным за разговором на кикуйю» [Ngũgĩ wa Thiong’o 1986, 11].

Нельзя не упомянуть и ситуации не аксиологического, но прямого и откровенного физического насилия в организации системы образования в условиях экзоглосности. Так, Р. Диксон пишет о практикуемой многими миссиями и государственными структурами ассимиляционистской политике, когда детей отрывали от родителей и помещали в интернаты, где разрешалось говорить только по-английски [Dixon 1991; Dixon 2008]. Подобная практика имела место и в СССР. Как отмечают Н.Б. Вахтин и Е.В. Головкин, «в конце 1950–начале 1960-х гг. во всем мире (Южная Америка, Австралия, США, Канада, Крайний Север России) наблюдалась одна и та же картина: местные власти в принудительном порядке забирали детей из семей в школы-интернаты, часто вопреки желанию родителей, – а в этих школах учились вместе дети разных национальностей, и единственным языком, общим у детей и между детьми и учителями, был государственный язык (соответственно испанский, английский или русский). В австралийской научной и публицистической литературе используется термин украденное поколение для обозначения детей, прошедших через насильственные школы-интернаты. То же происходило и на Аляске: описание “увоза детей” и их положения в аляскинских интернатах очень напоминает то, что происходило в СССР примерно в то же время» [Вахтин, Головкин 2004, 120–121].

Нельзя также не отметить, что помимо двух указанных сторон – *учителей* (за которыми стоит государственная система) и *учеников* (поставленные в условия, когда жизненный успех зависит от освоения экзоглосного *Н-языка*) – существует еще и третья, а именно *родители*: памятуя свои школьные годы, они стремятся оградить от такого печального опыта своих детей, считая целесообразным говорить с ними на языке пусть и чужом, но имею-

щем более высокий престиж и более выигрышные социальные перспективы.

Р. Дарнелл описывает типичную в этой ситуации установку американской группы индейцев *кри* говорить дома только по-английски, чтобы дети выросли англоязычными и не подвергались в школе насмешкам от учителей и сверстников, что, разумеется, приводит к постепенному сворачиванию функционирования языка *кри* [Darnell 1971, 168].

В этом плане Н. Денисон говорит о *самоубийстве* языка, ибо подлинной причиной его смерти является *исчезновение не правил, но говорящих* [Denison 1977, 13–22], тем самым культура как бы сама принимает решение отказаться от родного языка, т.е. имеет место не убийство языка извне, но фактически его суицид (*linguacide*) [Denison 1977, 21].

И это – самый опасный вектор: насильственные акции по вытеснению *L*-языка из культурного пространства могут вызывать и, как правило, вызывают сопротивление и противодействие – вплоть до открытой борьбы за родной язык, в то время как лингвоцид – дело добровольное и потому неизменно успешное...

В итоге экзогlossная ситуация запускает процессы, приводящие к тому, что в социолингвистике называют *языковым сдвигом*, под которым понимается «процесс смены основного языка коллективом говорящих», начинающийся с того, что «к новому языку прибегают в тех сферах, где ранее использовался только этнический язык» [Словарь... 2006, 276–277].

В перспективе это с неизбежностью порождает языковую сегрегацию: «использование некоторого языка, отличного от английского, обрекает людей на гражданство второго сорта в американском обществе» [Cummins 2003, 60].³ Тем самым языковой сдвиг, порожденный ситуацией экзогlossности, создает серьезную опасность для стабильности культурной идентичности.

Между тем корректное положение дел И.А. Бодуэн де Куртэнэ сформулировал исчерпывающим образом еще в начале XX века: «Каждому гражданину предоставляется право сноситься с центральными учреждениями государства на своем родном

³ Парадокс в том, что носители *H*-языка могут быть монолингвами, в то время как носители *L*-языков – владеть несколькими языками. Классический пример – Британская империя *имперского столетия* (1815–1914 годов): англоязычные сагибы как носители *H*-языка, как правило, – монолингвы.

языке», и уже «дело этих центральных учреждений – обзавестись переводчиками со всех языков и на все языки, входящие в состав государства» [Бодуэн де Куртенэ 1906, 12–13].

Язык как пространство бытия нации: национальный язык как объективация национального самосознания

Как любое индивидуальное сознание объективируется в языке, так и любое национальное сознание нуждается в вербальном пространстве объективации. У. Вайнрайх потому и рассматривал отношение народов к языку как «символу и орудию своего национального бытия» [Вайнрайх 1972, 26]. Э. Хобсбаум справедливо видит в языке «первооснову национальной культуры и глубочайших истоков национального самосознания» [Хобсбаум 1998, 86].

Между тем диглоссия и экзоглоссность с очевидностью нарушает процессы персональной и национальной идентификации, ставит под угрозу стабильность национальной идентичности. Особенно опасна надэтничная (экзоглоссная) диглоссия при ее наложении на близкородственный билингвизм. В этом случае вероятность дивергенции (именно из-за близкородственности) минимальна, если не сводится к нулю: вымывание *L*-языка из практики становится грозной перспективой, избежать которой можно только сознательным целенаправленным усилием коллективного субъекта (носителей *L*-языка). Как полагает Дж. Эдвардс, в условиях, если в диглоссии «задействованы близкородственные языковые элементы», она «имеет тенденцию к постепенному исчезновению»: *H*-язык вытесняет *L*-язык [Edwards 2006].

Разумеется, использование наддиалогового языка или какого-либо национального языка в кросс-культурных коммуникациях неизбежно, и, как правило, это не результат злонамеренных действий темных сил, но процесс естественный и объективный. Только военные действия ведут на *языке пушек*, а дипломатия и сотрудничество требуют взаимопонимания (философия, как мы знаем, еще в Средние века использовала в таком качестве латынь). Однако практикование языка международного общения отнюдь не всегда приводит (и не должно приводить!) к диглоссии, а тем более экзоглоссности. Таковые без социально-политического нажима – сами собой – не возникают. Это, безусловно, – продукт языковой политики. И большое значение имеет бэкграунд: историческая традиция взаимодействия языков влияет на ситуацию

сегодняшнего дня. Это влияние может быть весьма острым, и от него не отмахнуться.

Если говорить о сохранении языков, которые имели несчастье в диглоссной ситуации оказаться в *L*-статусе, то объективные закономерности не спасут. Чтобы вернуть языкам *L*-статуса эволюционные перспективы, преодолеть последствия диглоссии и экзоглосности, безусловно, нужны сознательные и целенаправленные усилия, причем их осуществление, как правило, обретает политический характер.

Соответственно, политизация языковой проблемы неизбежна: если за язык необходимо бороться, значит, существуют противодействующие факторы и персонализирующие их силы. Как отмечает А. Гардт, язык играет центральную роль при формировании не только этнической и культурной, но и политической идентичности [Gardt 2004], и, разумеется, в определенных социально-политических ситуациях этот идентификационный потенциал языка существенно обостряется.

По оценке Э. Геллнера, «в течение двух столетий, последовавших за Французской революцией, национальные государства стали нормой политической жизни» [Геллнер 2002, 146]. Связывая проблему кодификации национальных языков с политическими событиями (Война за независимость США, Великая французская революция и др.), Э. Хауген отмечает, что в ходе социально-политических процессов «некоторые группы населения вдруг осознали, что их вынуждают говорить на каком-то новом языке и что они фактически являются гражданами второго сорта в своей собственной стране» [Хауген 1975, 454].

Тем самым в условиях билингвизма языковой вопрос оказывается не только остроактуальным, но и острым, а понятие *родного языка* обретает новое звучание и отчетливо выраженные политические коннотации. И.А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Дорого право человека оставаться при своем языке, выбирать его себе, право не подвергаться отчуждению от всесторонней употребляемости собственного языка, право людей свободно самоопределяться и группироваться, тоже на основе языка» [Бодуэн де Куртенэ 1906, 145].

Соответственно, национальный язык, как полагают эксперты, играет важнейшую роль в любом национальном возрождении [The Rise and Fall... 1985, 105–302]. В новоевропейской истории, по оценке Э. Хаугена, именно «политические катаклизмы вели к возникновению новых наций или к возрождению старых, – и мы

видим, как в одной стране за другой утверждаются новые языки – результат кодификаторских усилий отдельных лиц, правительственных комиссий или академий» [Хауген 1975, 454].

Потому естественным видится то, что, как отмечают эксперты, «при становлении новых суверенных государств государственный язык воспринимается как один из наиболее важных показателей государственности наряду с гербом, гимном и другими атрибутами государственности» [Михальченко 2014, 210]. По оценке В.М. Алпатова, «отстаивание потребности идентичности для национальных меньшинств чаще все-таки идет снизу, от <...> национальных движений. Они либо следят за поддержанием социальной роли своих языков на оптимальном уровне, либо добиваются усиления этой роли, в некоторых ситуациях это выливается в борьбу за независимость» [Алпатов 2013б, 24].

Языковые права, будучи связанными с национальной идентичностью, могут стать предметом борьбы острой и непримиримой [Busch 2013]. Неслучайно в литературе наряду с понятием языкового конфликта [Михальченко 2014, 241–245] появился термин *языковые войны* [Болтер 2016, 82–89].

Продолжая мысль И.Г. Гердера, Дж. Фишман полагает, что «традиционный *Volksprache* – это искра, от которой возгорается *Volksgeist*», поскольку язык и этничность «очень четко связываются с определенными усилиями, направленными на решение конкретных проблем, вызывающих острую озабоченность» [Фишман 2005, 134].

Таким образом, язык, по формулировке Э. Хаугена, превращается в *национальный символ*, а кодификатор языка начинает восприниматься как *национальный герой* [Хауген 1975, 453]⁴.

⁴ Интерпретационное восприятие правильного языка проходит значимую историческую эволюцию: по оценке Э. Хаугена, «для тех, кто считал язык божественным творением, кодификатор был жрецом, возвещавшим людям полученную от бога истину. Впоследствии код рассматривался как закон, а кодификатор – как законодатель, затем как этикет, а кодификатор – как законодатель мод и хорошего тона, и, наконец, как национальный символ, а кодификатор – как национальный герой. Для эстетиков кодификатор был поборником красоты языка, для логиков – приверженцем строгой рациональности, для философа – истолкователем законов мышления. Теперь, когда теория информации дала нам новое значение термина “код”, мы готовы считать кодификатора технологом языка» [Хауген 1975, 453].

Как писал в свое время И.Г. Фихте, «на чем <...> основывается надежда на то, что мы и без политической самостоятельности все же сохраним наш язык? Ведь не приписывают же те, кто так говорят, эту чудотворную силу своим увещаниям и обращениям к детям, детям детей и ко всем будущим столетиям?» [Фихте 2009, 280].

Таким образом, сохранение *L*-языка в условиях диглоссии возможно лишь как результат конкретной и последовательной активности. Как показывает Э. Хауген на примере франкоязычного населения Канады, «только благодаря упорному сопротивлению в области культуры им удавалось противостоять этой тенденции», и «за объяснением такого сопротивления (или его отсутствия) мы можем обратиться к работам социологов» [Хауген 1972, 64].

В описанных ситуациях функции языка расширяются: наряду с атрибутивными *номинативной*, *сигнификативной*, *коммуникативной* и др. язык может обретать функцию символа и презентации национальной самодостаточности. Безусловно, в любую эпоху и в любых условиях национальный язык выступает неотъемлемым элементом национальной культуры и базовым инструментом национальной самоидентификации. Речь в данном случае идет о том, что в острых ситуациях этот факт осознается глубоко и также остро: начинается сознательная *борьба за язык* (как минимум – актуализация языкового пуризма, как максимум – действия внеязыкового характера).

По оценке экспертов, в начале бурного XX веке было создано около 50 новых литературных языков [Исаев 1976, 6].

Проблема *global English*

Нельзя не обратить внимания на то, что ситуация, подобная диглоссной, обнаруживается в последнее время и в отношении национальных языков перед лицом *глобального английского*. Глобализация создает (среди прочих новаций) и «новую социолингвистическую реальность» [Кириленко 2014, 365–366].

Так, по оценке Д. Камерон, в современном мире сформировалась оппозиция *English language – non-English languages*, причем, с ее точки зрения, значимость неанглийских языков неуклонно снижается [Cameron 2002, 67–82].

Ситуация напоминает диглоссную. К примеру, У. Аммон отмечает уход национальных языков из ряда важных общественных сфер: официальных международных коммуникаций, деловых

отношений в бизнесе, научного дискурса и многих иных сфер, которые все более оказываются в сфере функционирования английского языка, владение которым маркируется общественным сознанием как знак продвинутости [Ammon 2010].

Тем самым два фактора накладываются друг на друга. С одной стороны, даже уходя из культуры, диглосность и экзоглосность не проходят бесследно, оставляя после себя трудно изживаемые последствия. С другой – распространение глобального английского фактически создает интенцию, которая в перспективе может быть чревата глобальной экзоглосностью, придав ему статус *H*-языка в отношении национальных языков.

В связи с этим С.Дж. Томасон говорит о «языках в опасности» [Thomason 2015]⁵; Дж. Эдвардс – о необходимости *новой экологии – языковой* [Edwards 2012, 101–112]. Так, Юкио Тсуда на материале японского и других языков обосновывает необходимость построения схемы более равноправного и открытого международного общения (без языковой дискриминации), предлагая заменить доминирующую на сегодняшний день парадигму «распространения английского» на парадигму «экология языка», которая бы центрировала внимание на обеспечении равного развития всех языков [Tsuda 1998].

В этих условиях возник термин *геолингвистика*; эта оформляющаяся отрасль знания ставящий во главу угла вопросы языкового развития, центрируя внимание на проблеме сохранения языкового разнообразия, которое является неотъемлемой частью культурного разнообразия человечества.

Заключение

Двуязычие как таковое является само по себе благом: мышление билингва позитивно влияет на когнитивные способности, формирует возможность под новым ракурсом взглянуть на реальность, обогащает экспрессивные возможности человека. Однако в социально-политическом контексте языковой процесс зависит от реализуемой в том или ином обществе языковой политики, и, соответственно, билингвизм может обретать и деструктивные

⁵ Возможен и феномен ревитализации языка: иврит, который, «имея раньше лишь символическую функцию, приобрел в Израиле и развитую коммуникативную, а для тех, кто там родился, стал материнским» [Алпатов 2000, 205]. Но этот прецедент – результат целенаправленных усилий с привлечением административного ресурса.

конфигурации, в рамках которых его позитивный потенциал отходит на второй план, на передний же выступают порождаемые языковой проблемой социальные противоречия, которые могут быть достаточно остры. Диглосные и тем более экзоглосные языковые ситуации не только нарушают баланс языков в двуязычных средах, но и деформируют процессы формирования национальной идентичности у той части населения, которая является носителем *L*-языка, что порождает непримиримые языковые конфликты. Преодоление этого дисбаланса требует сознательных усилий по сохранению языкового наследия как со стороны государства, так и носителей языка

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алпатов 2000 – Алпатов В.М. Зарубежная социолингвистика о проблемах двуязычия и языков национальных меньшинств // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / ред. Л.П. Крысина. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 192–221.

Алпатов 2002 – Алпатов В.М. Япония: язык и общество. – М.: Муравей, 2002.

Алпатов 2013а – Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. Серия: Филология 2013. № 5 (17). С. 8–28.

Алпатов 2013б – Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Сравнительная политика. – 2013. № 2. С. 11–22.

Арендт 2017 – Арендт Х. *Vita activa*, или о деятельной жизни. – М.: Ad marginem, 2017.

Балибар 2004 – Балибар Э. Национальная форма: история и идеология // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности. – М.: Логос, 2004. С. 103–124.

Бахтикиреева 2014 – Бахтикиреева У.М. К вопросу о роли языка в национальных конфликтах // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Междунар. конф. (16–19 сентября 2014 г., г. Москва) / ред.: А. Н. Биткеева, В. Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2014. С. 241–245.

Биллинг 2005 – Биллинг М. Нации и языки // Логос. 2005. № 4 (49). С. 60–86.

Бодуэн де Куртенэ 1906 – Бодуэн де Куртенэ И.А. Проект основных положений для решения польского вопроса. – СПб.: Труд и польза, 1906.

Болтер 2016 – Болтер М. Языковые войны // В мире науки. 2016. № 7. С. 82–89.

Вайнрайх 1972 – Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты / под ред. В.Ю. Розенцвейга. – М.: Прогресс, 1972. С. 25–61.

Вайнрайх 2000 – *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. – Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж им. И.А. Бодуэна де Куртэнэ, 2000.

Вахтин, Головки 2004 – *Вахтин Н.Б., Головки Е.В.* Социолингвистика и социология языка – СПб.: Европейский ун-т в СПб., 2004.

Геллнер 2002 – *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // *Нации и национализм.* – М.: Праксис, 2002. С. 146–200.

Додыхудоева, Иванов 2014 – *Додыхудоева Л.Р., Иванов В.Б.* Язык ритуальной службы у зороастрийцев Ирана // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Междунар. конф. (16–19 сент. 2014 г.) г. Москва* / под ред. А.Н. Биткеевой, В.Ю. Михальченко. – М., 2014. С. 437–443.

Исаев 1976 – *Исаев М.И.* Е.А. Бокарев и интралингвистика // *Проблемы интерлингвистики типология и эволюция международных искусственных языков.* – М.: Наука, 1976. С. 5–11.

Кириленко 2014 – *Кириленко С.В.* Развитие языков в условиях глобализации // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Междунар. конф. (16–19 сент. 2014 г., г. Москва)* / под ред. А.Н. Биткеевой, В.Ю. Михальченко. – М., 2014. С. 365–369.

Крысин 2004 – *Крысин Л.П.* Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии // *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 468–474.

Мечковская 1996 – *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. – М.: Аспект Пресс, 1996.

Михальченко 2014 – *Михальченко В.Ю.* Языковой конфликт в полиэтническом государстве // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Междунар. конф. (16–19 сент. 2014 г., г. Москва)* / под ред. А.Н. Биткеевой, В.Ю. Михальченко. – М., 2014. С. 209–213.

Могилевич 2012 – *Могилевич Б.Р.* Социальная функция языка в контексте многоязычия и мультикультурализма // *Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика.* 2012. Т. 12. №. 2. С. 45–48.

Можейко 2020 – *Можейко М.А.* Мова як з’ява: белорусский язык в контексте диглоссии // *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020. № 4. С. 79–92.

Руссо 2007 – *Руссо Л.-Ж.* Разработка и проведение в жизнь языковой политики // *Языковая политика в современном мире: по материалам Третьего и Четвертого Междунар. семинаров по государственной языковой политике и актуальным проблемам двуязычия (Париж, 2005 г. – Санкт-Петербург, 2005–2006 гг.).* – СПб.: Златоуст, 2007. С. 97–121.

Словарь... 2006 – *Словарь социолингвистических терминов* / под ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН, 2006..

Старабеларускія лексіконы... 1992 – *Старабеларускія лексіконы («Лексисъ съ толкованіемъ словенскіхъ мовъ просто», «Лексис...»*

Л. Зізання, «Синонима славеноросская») / склад. А.А. Яскевіч. – Мінск: Універсітэцкае, 1992.

Фергюсон 1989 – *Фергюсон Ч.А.* Проблемы влияния языковой ситуации на обучение второму языку // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25: Контрастивная лингвистика / под ред. В.Г. Гака. – М.: Прогресс, 1989. С. 122–127.

Фихте 2009 – *Фихте И. Г.* Речи к немецкой нации. – СПб.: Наука, 2009.

Фишер 1975 – *Фишер Дж.Л.* Синтаксис и социальная структура: Трук и Понапе // Новое в лингвистике. Вып. 7: Социолингвистика / под ред. Н.С. Чемоданова. – М.: Прогресс, 1975. С. 397–421.

Фишман 2005 – *Фишман Дж.* Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. 2005. № 4 (49). С. 132–140.

Фуко 1996 – *Фуко М.* Порядок дискурса // *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности (работы разных лет). – М.: Касталь, 1996. С. 47–95.

Хауген 1972 – *Хауген Э.* Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты / под ред. В.Ю. Розенцвейга. – М.: Прогресс, 1972. С. 61–80.

Хауген 1975 – *Хауген Э.* Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. 7: Социолингвистика / под ред. Н.С. Чемоданова. – М.: Прогресс, 1975. С. 441–472.

Хобсбаум 1998 – *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г.. – СПб.: Алетейя, 1998.

Хобсбаум 2005 – *Хобсбаум Э.* Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4 (49). С. 49–59.

Шапир 1989 – *Шапир М.И.* Теория «церковнославянско-русской диглоссии» и ее сторонники // Russian Linguistics. 1989. № 13. С. 271–309.

Ammon 2010 – *Ammon U.* World Languages: Trends and Futures // The Handbook of Language and Globalization / ed by N. Coupland. – Chichester: Blackwell Publishing, 2010. P. 101–122.

Baker, Wright 2017 – *Bake C., Wright W.E.* Foundations of Bilingual Education and Bilingualism. – Clevedon: Multilingual Matters, 2017.

Barker 1950 – *Barker G.C.* Pachuco: An American-Spanish Argot and Its Social Functions in Tucson, Arizona // University of Arizona Social Science Bulletin. 1950. Vol. 21. No. 1.

Barker 1951 – *Barker G.C.* Growing Up in a Bilingual Community // The Kiva. 1951. Vol. 17. No. 1–2. P. 17–32.

Beardsmore 1986 – *Beardsmore H.B.* Bilingualism: Basic Principles. – Clevedon: Multilingual Matters, 1986.

Behaghel 1928 – *Behaghel O.* Geschichte der deutschen Sprache. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1928.

Busch 2013 – *Busch B.* Linguistic Rights and Language Policy: A South–North Dialogue // *Education as Change*. 2013. Vol. 17. No 2. P. 209–218.

Cameron 2002 – *Cameron D.* Globalization and the Teaching of “Communication Skills” // *Globalization and the Language Teaching* / ed. by D. Block, D. Cameron. – London: Routledge, 2002. P. 67–82.

Cummins 2003 – *Cummins J.* Bilingual Education: Basic Principles // *Bilingualism: Beyond Basic Principles*. Festschrift in Honour of Hugo Baetens Beardsmore / ed. by J.M. Dewaele, A. Housen, L. Wei. – Clevedon: Multilingual Matters, 2003. P. 56–66.

Darnell 1971 – *Darnell R.* The Bilingual Speech Community: A Cree Example // *Linguistic Diversity in Canadian Society* / ed. by R. Darnell – Edmonton: Linguistic Research, 1971. P. 155–172.

Denison 1977 – *Denison N.* Language Death or Language Suicide? // *International Journal of the Sociology of Language*. 1977. Vol. 12. P. 13–22.

Dixon 1991 – *Dixon R.M.W.* The Endangered Languages of Australia, Indonesia and Oceania // *Endangered Languages* / ed. by R.H. Robins, E.M. Uhlenbeck. – Oxford, UK: Berg Publishers, 1991. P. 229–255.

Dixon 2008 – *Dixon R.M.W.* The Rise and Fall of Languages. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008.

Edwards 2006 – *Edwards J.* Foundations of Bilingualism // *The Handbook of Bilingualism* / ed. by T.K. Bhatia, W.C. Ritchie. – Malden, MA: Blackwell, 2006. P. 7–31.

Edwards 2012 – *Edwards J.* Multilingualism: Understanding Linguistic Diversity. – London: Routledge, 2012.

Ferguson 1976 – *Ferguson C.A.* The Ethiopian Language Area // *Language In Ethiopia* / ed. by M.L. Bender, J.D. Bowen, R.L. Cooper, C.A. Ferguson. – Oxford: Oxford University Press, 1976. P. 63–76.

Gardt 2004 – *Gardt A.* Language and National Identity // *Globalization and the Future of German* / ed. by A. Gardt, B. Hüppauf. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. P. 197–209.

Hudson 1999 – *Hudson A.* Diglossia // *Concise Encyclopedia of Educational Linguistics* / ed. by B. Spolsky. – Oxford: Elsevier Science, 1999. P. 37–42.

Kiernan 1993 – *Kiernan V.* The British Isles: Celt and Saxon // *The National Question in Europe in Historical Context* / ed. by M. Teich, R. Porter. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1993. P. 1–34.

Marín-Arrese 2015 – *Marín-Arrese J.I.* Effective Control in Political Discourse: A Cross-Linguistic Study of Text-related Variation // 48th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (Leiden, September 2–5, 2015. – Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2015. P. 105–106.

Ngũgĩ wa Thiong’o 1986 – *Ngũgĩ wa Thiong’o.* Decolonising the Mind: The Politics of Language in African Literature. – London: James Currey, 1986.

Patten 2001 – *Patten A.* Political Theory and Language Policy // *Political Theory*. 2001. Vol. 29. No 5. P. 691–715.

The Rise and Fall... 1985 – The Rise and Fall of the Ethnic Revival: Perspectives on Language and Ethnicity / ed. by J.A. Fishman, M.H. Gertner. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1985.

Thomason 2015 – *Thomason S.G.* Endangered Languages: An Introduction. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2015.

Tsuda 1998 – *Tsuda Y.* Critical Studies on the Dominance of English and the Implications for International Communication // *Japan Review*. 1998. Vol. 10. P. 219–236.

White 1991 – *White P.* Geographic Aspects of Minority Language Situations in Italy // *Linguistic Minorities, Society and Territory* / ed. by C.H. Williams. – Clevedon: Multilingual Matters, 1991. P. 44–65.

REFERENCES

Alpatov V.M. (2000) Foreign Sociolinguistics on the Issues of Bilingualism and Languages of National Minorities. In: Krysin L.P. (Ed.) *Speech Communication in Conditions of Linguistic Heterogeneity* (pp. 192–221). Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Alpatov V.M. (2002) *Japan: Language and Society*. Moscow: Muravey (in Russian).

Alpatov V.M. (2013a) Language Policy in the Modern World. *Nauchnyy dialog Series: Philology*. No. 5, pp. 8–28 (in Russian).

Alpatov V.M. (2013b) Language Policy in the Modern World: “Monolingual” and “Bilingual” Practices and the Problem of Language Assimilation. *Sravnitel'naya politika*. No 2. P. 11–22 (in Russian).

Ammon U. (2010) World Languages: Trends and Futures. In: Coupland N. (Ed.) *The Handbook of Language and Globalization* (pp. 101–122). Chichester: Blackwell Publishing.

Arendt H. (2017) *The Human Condition*. Moscow: Ad Marginem (Russian translation).

Baker C. & Wright W.E. (2017) *Foundations of Bilingual Education and Bilingualism*. Clevedon: Multilingual Matters.

Bakhtikireeva U.M. (2014) On the Question of the Role of Language in National Conflicts. In: Bitkeeva A. N. & Mikhachenko V.Yu. (Eds.) *Language Policy and Language Conflicts in the Modern World* (pp. 241–245). Moscow: RAS Institute of Linguistics (in Russian).

Balibar E. (2004) The Nation Form: History and Ideology. In: Balibar E. & Wallerstein I. *Race, Nation, Class: Ambiguous Identities* (pp. 103–124). Moscow: Logos (Russian translation).

Balter M. (2016) Language Wars. *V mire nauki*. No. 7, pp. 82–89 (Russian translation).

Barker G.C. (1950) Pachuco: An American-Spanish Argot and Its Social Functions in Tucson, Arizona. *University of Arizona Social Science Bulletin*. Vol. 21, no. 1.

Barker G.C. (1951) Growing Up in a Bilingual Community. *The Kiva*. Vol. 17, no. 1–2, pp. 17–32.

Baudouin de Courtenay I.A. (1906) *Draft Guidelines for the Solution of the Polish Question*. Saint Petersburg: Trud i polza (in Russian).

Beardsmore H.B. (1986) *Bilingualism: Basic Principles*. Clevedon: Multilingual Matters.

Behaghel O. (1928) *Geschichte der deutschen Sprache*. Berlin: Mouton de Gruyter (in German).

Billig M. (2005) Banal Nationalism. *Logos*. No. 4, pp. 60–86 (Russian translations).

Busch B. (2013) Linguistic Rights and Language Policy: A South–North Dialogue. *Education as Change*. Vol. 17, no 2, pp. 209–218.

Cameron D. (2002) Globalization and the Teaching of “Communication Skills”. In: Block D. & Cameron D. (Eds.) *Globalization and the Language Teaching* (pp. 67–82). London: Routledge.

Cummins J. (2003) Bilingual Education: Basic Principles. In: Dewaele J.M., Housen A., & Wei L. (Eds.) *Bilingualism: Beyond Basic Principles. Festschrift in Honour of Hugo Baetens Beardsmore* (pp. 56–66). Clevedon: Multilingual Matters.

Darnell R. (1971) The Bilingual Speech Community: A Cree Example. In: Darnell R. (Ed.) *Linguistic Diversity in Canadian Society* (pp. 155–172). Edmonton: Linguistic Research.

Denison N. (1977) Language Death or Language Suicide? *International Journal of the Sociology of Language*. Vol. 12, pp. 13–22.

Dixon R.M.W. (1991) The Endangered Languages of Australia, Indonesia and Oceania. In: Robins R.H. & Uhlenbeck E.M. (Eds.) *Endangered Languages* (pp. 229–255). Oxford, UK: Berg Publishers.

Dixon R.M.W. (2008) *The Rise and Fall of Languages*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Dodykhudoeva L.R. & Ivanov V.B. (2014) The Language of Ritual Service among the Zoroastrians of Iran. In: Bitkeeva A.N. & Mikhalchenko V.Yu. (Eds.) *Language Policy and Language Conflicts in the Modern World* (pp. 437–443). Moscow (in Russian).

Edwards J. (2006) Foundations of Bilingualism. In: Bhatia T.K. & Ritchie W.C. *The Handbook of Bilingualism* (pp. 7–31). Malden, MA: Blackwell.

Edwards J. (2012) *Multilingualism: Understanding Linguistic Diversity*. London: Routledge.

Ferguson C.A. (1976) The Ethiopian Language Area. In: Bender M.L., Bowen J.D., Cooper R.L., & Ferguson C.A. (Eds.) *Language In Ethiopia* (pp. 63–76). Oxford: Oxford University Press.

Ferguson C.A. (1989) Background to Second language Problems. In: Gak V.G. (Ed.) *New in Foreign Linguistics. Issue 7: Contrastive Linguistics* (pp. 122–127). Moscow: Progress (Russian translation).

Fichte J.G. (2009) *Addresses to the German Nation*. Saint Petersburg: Nauka (Russian translation).

Fischer J.L.(1975) Syntax and Social structure: Truk and Ponape. In: Chemodanov N.S. (Ed.) *New in Linguistics. Issue 7: Sociolinguistics* (pp. 397–421). Moscow: Progress (Russian translation).

Fishman J. (2005) The Primordialist-Constructivist Debate Today: The Language-Ethnicity Link in Academic and Everyday-Life Perspective. *Logos*. No. 4, pp. 132–140 (Russian translation).

Fishman J.A. & Gertner M.H. (1985) *The Rise and Fall of the Ethnic Revival: Perspectives on Language and Ethnicity*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Foucault M. (1996) The Order of Discourse. In: Foucault M. *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality* (pp. 47–95). Moscow: Kastal' (Russian translation).

Gardt A. (2004) Language and National Identity. In: Gardt A. & Hüppauf B. (Eds.) *Globalization and the Future of German* (pp. 197–209). Berlin: Mouton de Gruyter.

Gellner E. (2002) The Coming of Nationalism and Its Interpretation: The Myths of Nation and Class. In: Gellner E. *Nations and Nationalism* (pp. 146–200). Moscow: Praxis (Russian translation).

Haugen E. (1972) Language Contact. In: Rosenzweig V.Yu. (Ed.) *New in Linguistics. Issue 6: Languages in Contact* (pp. 61–80). Moscow: Progress (Russian translation).

Haugen E. (1975) Linguistics and Language Planning. In: Chemodanov N.S. (Ed.) *New in Linguistics. Issue 7: Sociolinguistics* (pp. 441–472). Moscow: Progress (Russian translation).

Hobsbawm E. (1998) *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Saint Petersburg: Aletheia (Russian translation).

Hobsbawm E. (2005) Are all Tongues Equal? Language, Culture, and National Identity. *Logos*. No. 4, pp. 49–59 (Russian translation).

Hudson A. (1999) Diglossia. In: Spolsky B. (Ed.) *Concise Encyclopedia of Educational Linguistics* (pp. 37–42). Oxford: Elsevier Science.

Isaev M.I. (1976) E.A. Bokarev and Intralinguistics. In: *Problems of Interlinguistics Typology and Evolution of International Artificial Languages* (pp. 5–11). Moscow: Nauka (in Russian).

Kiernan V. (1993) The British Isles: Celt and Saxon. In: Teich M. & Porter R. (Eds.) *The National Question in Europe in Historical Context* (pp. 1–34). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Kirilenko S.V. (2014) The Development of Languages in the Context of Globalization. In: Bitkeeva A.N. & Mikhilchenko V.Yu. (Eds.) *Language Policy and Language Conflicts in the Modern World* (pp. 365–369). Moscow (in Russian).

Krysin L.P. (2004) Possession of different subsystems of the language as a phenomenon of diglossia. In: Krysin L.P. *Russian Word, One's Own and Someone Else's: Studies in the Modern Russian Language and Sociolinguistics* (pp. 468–474). Moscow: LRC Publishing House (in Russian).

Marín-Arrese J.I. (2015) Effective Control in Political Discourse: A Cross-Linguistic Study of Text-related Variation. In: *48th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (Leiden, September 2–5, 2015)* (pp. 105–106). Leiden: Leiden University Centre for Linguistics.

Mechkovskaya N.B. (1996) *Social Linguistics*. Moscow: Aspect Press (in Russian).

Mikhailchenko V.Yu. (Ed.) (2006) *Dictionary of Sociolinguistic Terms*. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mikhailchenko V.Yu. (2014) Language Conflict in a Multi-Ethnic State In: Bitkeeva A.N. & Mikhailchenko V.Yu. (Eds.) *Language Policy and Language Conflicts in the Modern World* (pp. 209–213). Moscow (in Russian).

Mogilevich B.R. (2012) The Social Function of Language in the Context of Multilingualism and Multiculturalism. *Bulletin of the Saratov University. Series: Philology. Journalism*. Vol. 12, no. 2, pp. 45–48 (in Russian).

Mojeiko M.A. (2020) Language as a Phenomenon: The Belarusian Language in the Context of Diglossia. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. No. 4, pp. 79–92 (in Russian).

Ngũgĩ wa Thiong’o. (1986) *Decolonising the Mind: The Politics of Language in African Literature*. London: James Currey.

Patten A. (2001) *Political Theory and Language Policy. Political Theory*. Vol. 29, no 5, pp. 691–715.

Rousseau L.-J. (2007) Development and Implementation of Language Policy. In: *Language Policy in the Modern World: The Proceedings of the Third and Fourth International Seminars on the State Language Policy and Topical Issues of Bilingualism* (pp. 97–127). Saint Petersburg: Zlatoust (Russian translation).

Shapir M.I. (1989) The Theory of “Church Slavonic-Russian Diglossia” and Its Supporters. *Russian Linguistics*. No. 13, pp. 271–309 (in Russian).

Thomason S.G. (2015) *Endangered Languages: An Introduction*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Tsuda Y. (1998) Critical Studies on the Dominance of English and the Implications for International Communication. *Japan Review*. Vol. 10, pp. 219–236.

Vakhtin N.B. & Golovko E.V. (2004) *Sociolinguistics and Sociology of Language*. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg (in Russian).

Weinreich U. (1972) Monolingualism and Multilingualism In: Rosenzweig V.Yu. (Ed.) *New in Linguistics. Issue 6: Languages in Contact* (pp. 25–61). Moscow: Progress (Russian translation).

Weinreich U. (2000) *Languages in Contact: Findings and Problems*. Blagoveshchensk: I.A. Baudouin de Courtenay Blagoveshchensk State University (Russian translation).

White P. (1991) Geographic Aspects of Minority Language Situations in Italy. In: Williams C.H. (Ed.) *Linguistic Minorities, Society and Territory* (pp. 44–65). Clevedon: Multilingual Matters.

Yaskevich A.A. (Comp.) (1992) *Old Belarusian Lexicons*. Minsk: Universitetskaye (in Belarusian).

Концептуализация и спецификация понятия эпистемы в религиоведческом дискурсе: теоретико-методологический анализ

Н.А. Никонович

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь*

Аннотация

В статье осуществлена теоретическая экспликация и концептуализация понятия эпистемы в религиозной философии (Ансельм Кентерберийский), выявлены эпистемологические конфигурации и спецификации философско-теологического дискурса (Дитрих Бонхёффер). Эпистемологический дискурс Ансельма Кентерберийского основан на постулируемой им онтологии: онтологическая конфигуративность его идей варьируется от априорной возможности мыслить Бога до рефлексии о его предикатах. Следствием идей Ансельма Кентерберийского является представление о том, что в акте религиозной веры Бог становится онтологической реальностью. В статье утверждается, что идеи Д. Бонхёффера, как и многие направления современной религиозной философии, составляют контекст исследования и обоснование религиозной эпистемы. Одномоментность и дискретность акта жизни коррелирует в данной концепции с вечносущей природой Бога. Концепция «безрелигиозного христианства» немецкого теолога – часть процессов реформирования христианской теологии, которые происходили в XX веке. Статья содержит концептуальный анализ теоретических подходов к изучению религии и религиозного сознания. Автором показана роль религиоведческого знания в формировании новых подходов к личности и религиозному бытию. Эксплицировано понятие религиозной эпистемы как объекта философско-религиоведческого анализа. Представлен интерпретационный ракурс понятия религиозной эпистемы, выявлено поле вариативных возможностей в исследовании этого феномена, а также показаны ее теоретические конфигурации и ключевые, доминантные особенности. Исследование включает в себя аналитическое рассмотрение концепта религиозной эпистемы с научной и философской точек зрения, с точки зрения теоретической рефлексии. Проблемы религиозной эпистемологии рассмотрены на историко-культурном материале подходов и концепций как средневековой, так и современной религиозной философии. Сделан вывод о

том, что религиозная эпистемология – это также философская и методологическая рефлексия над возможностью постижения предельных оснований религиозного бытия.

Ключевые слова: религиозная философия, эпистемология, эпистема, философско-теологический дискурс, онтологическое доказательство бытия Бога, религиозное сознание, философско-методологическая рефлексия.

Никонович Наталья Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела философии культуры Института философии Национальной академии наук Беларуси.

ol_ra@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9639-7836>

Для цитирования: *Никонович Н.А.* Концептуализация и спецификация понятия эпистемы в религиозоведческом дискурсе: теоретико-методологический анализ // *Философские науки.* 2022. Т. 65. № 3. С. 138–152. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-138-152

Conceptualization and Specification of the Concept of Episteme in Religious Discourse: A Theoretical and Methodological Analysis

N.A. Nikonovich

*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus*

Abstract

The theoretical explication and conceptualization of the concept of episteme in religious philosophy (Anselm of Canterbury) is carried out; epistemological configurations and specifications of philosophical and theological discourse are revealed (Dietrich Bonhoeffer). Anselm of Canterbury's epistemological discourse is based on his postulated ontology: the ontological configurability of his ideas ranges from the a priori ability to think of God to reflection on his predicates. The consequence of Anselm of Canterbury's ideas is the idea that in the act of religious faith, God becomes an ontological reality. Within the framework of the article, it is noted that the ideas of D. Bonhoeffer, like many areas of modern religious philosophy, constitute the context of the study and substantiation of the religious episteme. The simultaneity and discreteness of the act of life correlates in this concept with eternal nature of God. The concept of "irreligious Christianity" by the German theologian is a part of the processes of reforming Christian theology that took place in the 20th century. The

article contains a conceptual analysis of theoretical approaches to the study of religion and religious consciousness. The role of religious knowledge in the formation of new approaches to personality and religious life is considered. The concept of religious episteme as an object of philosophical and religious analysis is explicated. The interpretive perspective of the concept of religious episteme is presented, the field of variable possibilities in the study of this phenomenon is revealed, its theoretical configurations and key, dominant features are shown. The work includes the analysis of the concept of religious episteme from the scientific and philosophical points of view, from the point of view of theoretical reflection. The problems of religious epistemology are considered on the base of historical and cultural material of approaches and concepts of both medieval and modern religious philosophy. It is concluded that religious epistemology is also a philosophical and methodological reflection on the possibility of comprehending the ultimate foundations of religious being.

Keywords: religious philosophy, epistemology, episteme, philosophical and theological discourse, ontological proof of the existence of God, religious consciousness, philosophical and methodological reflection.

Nataly A. Nikonovich – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Senior Research Fellow of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus.

ol_ra@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9639-7836>

For citation: Nikonovich N.A. (2022) Conceptualization and Specification of the Concept of Episteme in Religious Discourse: A Theoretical and Methodological Analysis. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 65, no. 3, pp. 138–152.

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-138-152

Введение

В статье предлагается научно-философский анализ таких культур-онтологических феноменов, как религия, религиозное сознание, религиозная субъектность в контексте различных областей гуманитарного знания – религиозной эпистемологии, онтологии и др. Репрезентировано концептуально-проблемное поле теоретических подходов к изучению религии и модусов религиозного сознания, проанализирован концепт эпистемы как элемент понятийного аппарата современного религиоведения. В работе представлена теоретическая многомерность ре-

лигиозного сознания и религиозной эпистемы в ее различных модификациях.

Понятие эпистемы является значимым, концептообразующим в гносеологии, однако вопрос исследования эпистемы религиозно-ведческого знания представляется сложным и недифференцированным ввиду того, что религиозный опыт трудно эксплицируем, и границы его гносеологического познания задаются субъект-объектными рамками восприятия данного опыта. Следует отметить неverifiedруемость этого типа опыта; он обладает некоторой релятивностью, соотносимостью с онтологическими структурами сознания. Другими словами, этот опыт существует в сознании индивида, и сфера, в которой мы можем его исследовать и дифференцировать, – это онтология и феноменология сознания, в частности религиозного. Проблемы религиозной эпистемологии рассмотрены на историко-культурном материале подходов и концепций как средневековой, так и современной религиозной философии. На наш взгляд, мы можем обнаружить совмещение онтолого-эпистемологических проекций в трудах таких известных представителей религиозной мысли, как Ансельм Кентерберийский и Дитрих Бонхёффер, что является важным для понимания тематических спецификаций современной религиозно-ведческой мысли. Идеи данных мыслителей позволяют проследить как конфигурацию смыслов онтологического измерения религиозно-богословского дискурса (Ансельм Кентерберийский), так и эпистемологическую вариативность на примере работ Д. Бонхёффера.

Теоретико-методологической базой исследования служат современные подходы в философии и методологии культуры и религии, отражающие спектр вопросов, связанных с субстанциальным, философско-онтологическим, философско-антропологическим, эпистемологическим, религиозно-ведческим и другими измерениями. В статье репрезентировано рассмотрение субъект-объектных модусов религии, проблем религиозной антропологии, онтологии и эпистемологии религиозно-культурного сознания, осуществлена экспликация эпистемологического измерения религии в связи с проблемами теоретико-методологического анализа религиозно-ведческого дискурса.

Теоретическая экспликация и концептуализация понятия эпистемы в религиозной философии (Ансельм Кентерберийский)

Без сомнения, нечто,
больше чего нельзя себе представить,
существует (*existit*) и в уме,
и в действительности.

Ансельм Кентерберийский

В данном разделе представлен теоретический анализ религиозного сознания и религиозной эпистемы в ее различных модификациях. Для постулируемого в статье анализа имеют значение ряд концепций средневековой религиозной философии, в том числе схоластическая философия Ансельма Кентерберийского и его рефлексия относительно бытия/небытия Бога. Следует отметить, что нами не рассматривалась вся многомерность философии Ансельма Кентерберийского, являющаяся темой отдельного исследования; мы не ставим задачу охватить спектр поставленных им проблем в целом. В настоящей статье попытаемся объединить интерпретационный ракурс понятия религиозной эпистемы, выявить поле вариативных возможностей в исследовании этого феномена, а также на историко-культурном материале различных эпох показать ее теоретические конфигурации и ключевые, доминантные особенности. В данном контексте на материале религиозных концепций проанализирован религиозоведческий дискурс, что, на наш взгляд, способствует экспликации и теоретических, и историко-философских оснований философии религии.

Ансельм Кентерберийский известен своим онтологическим доказательством бытия Бога. Эти идеи во многом стали концептообразующими в развитии не только религиозной философии Средних веков, но, полагаем, и религиозной философии в целом. Они позволяют прояснить методологические пути конструирования понятия религиозной эпистемы и ее гносеологических спецификаций. «Прослогион» («*Alloquium*») может быть охарактеризован как своего рода компендиум религиозоведческого знания, сфокусированного на проблеме возможности постижимости Бога. В доктрине Ансельма Кентерберийского возможность мыслить Бога онтологически равна его бытию. Как пишут православные богословы, «тем самым это доказательство наиболее достоверно,

ибо требует наименьшего количества предпосылок, в то время как каждая предпосылка, вводимая в рассуждение о Начале или Первопричине бытия, может быть крайне сомнительна, ибо и весь мир имеет относительное бытие к Источнику бытия» [Ким 2014].

Следующая мысль раскрывает особенности взглядов католического богослова: «Бог есть все, чему лучше быть существующим, чем несуществующим; он один, существуя сам по себе, все остальное создает из ничего» [Ансельм Кентерберийский 1995, 124]. Бог в данной концепции – это предельное бытие, которое может быть постигнуто как рациональными, так и внерациональными средствами. Религиозные интенции Ансельма Кентерберийского направлены на то, чтобы постигнуть Бога как реальное бытие. Средневековый теолог выдвигает следующие постулаты: «Бог поистине существует»; «Его нельзя представить себе несуществующим»; «Он больше, чем можно себе представить»; «Он не бывает ни в месте, ни во времени, но все находится в Нем»; «Он прежде всего и после всего, даже вечного» и ряд других, которые формируют его богословскую концепцию. В ракурсе исследования проблемы эпистемы, ее сути и особенностей имеет значение экспликация религиозного сознания и религиозного мышления, возможности мыслить Бога.

Онтологическое доказательство бытия Бога основано на возможности мыслительных операций, на присутствии идеи Бога в сознании. С эпистемологической точки зрения это – радикальная мысль. «И, конечно, то, больше чего нельзя себе представить, не может быть только в уме. Ибо если оно уже есть по крайней мере только в уме, можно представить себе, что оно есть и в действительности, что больше» [Ансельм Кентерберийский 1995, 128]. Существование Бога выводится из него самого, из самодостаточности его бытия: «И Ты есть Тот, Кто есть в собственном смысле (*proprie*) и просто (*simpliciter*), ибо не имеешь ни прошлого, ни будущего бытия, а только настоящее, и нельзя представить себе такого, чтобы Ты когда-нибудь не существовал» [Ансельм Кентерберийский 1995, 142]. Другой пласт вопросов, изучаемых Ансельмом Кентерберийским, связан с возможностью постичь природу Бога. Исследователи средневековой философии обозначают его подход как разновидность «теологического рационализма» [Чанышев 1991, 495]. В дилемме веры и разума приоритет отдан вере. Агирре Сала, испанский исследователь творчества Ансельма Кентерберийского, утверждает:

«Таким образом, разум с верой лучше, чем вера без разума» [Aguirre Sala 2011]. Онтологический и эпистемологический горизонты интегрируются в системе теолога. Следствием идей Ансельма Кентерберийского является представление о том, что в акте религиозной веры Бог становится онтологической реальностью. Эпистемологический дискурс Ансельма основывается на постулируемой им онтологии: онтологические конфигурации его идей варьируются от априорной возможности мыслить Бога до рефлексии о его предикатах. «Итак, нет в тебе никаких частей, Господи, и Ты не есть многое, но нечто настолько одно и то же сам с собой, что Ты ни в чем сам с собой не имеешь несходства; более того, Ты – само единство (*ipsa unitas*), никакой мыслью неделимое» [Ансельм Кентерберийский 1995, 140].

При обращении к анализу термина *aliquid* становится очевидным, что, по мнению С.С. Неретиной, «это – сущее в фундаментальных высших способах бытия. Это – имя, для понимания смысла которого надо понять не то, о чем Ансельм говорит, а то, о чем он не говорит» [Неретина 2008]. Иеромонах Г. Поляков в своей статье «Соотношение веры и разума в трудах Ансельма Кентерберийского» рассматривает такие вопросы, как метод, используемый средневековым философом, возможности познания, дихотомию веры и разума и собственно онтологическое доказательство. Он пишет: «Ансельм также пытается дать Богу определение и на этом основании сформулировать свое доказательство Его бытия» [Поляков 2009, 190]. Исследуя вопрос веры в доктрине Ансельма Кентерберийского и других богословов, С.С. Неретина отмечает: «Сходство Августина и Ансельма очевидно даже вербально. И там, и там Бог назван “нечто” (“*aliquid*”), и там, и там речь о том, каким образом То, во Что верят, обретается в понимании, а понимание и есть сама вера» [Неретина 2008].

Дискурс средневековой схоластики и онтологическое доказательство бытия Бога, как нам кажется, не утратили эпистемологической ценности для современных религиозноведческих штудий. Онтологическая концепция религиозного сознания индуцирует новые связи и новый ракурс понимания, рассмотрения взаимоотношения бытия и сознания. Теоретико-дескриптивный анализ подразумевает исследование онтологической и эпистемологической природы религиозного сознания в его системных и структурных составляющих. Эти системные и структурные составляющие базируются и на интенциональном акте веры,

и на особом виде интеракции. Ее мы можем условно обозначить как имманентно-трансцендентную, локусом которой является идея Бога. Введенное нами в религиозоведческую науку понятие интроэпистемы (внутренней эпистемы) позволяет эксплицировать природу религиозного познания в имманентном ракурсе. Под интроэпистемой понимается интроспекция субъекта, интроспективное переживание субъектом религиозного опыта, его интериорное измерение.

Познание и экспликация природы Бога – проблема, с трудом решаемая и описываемая теоретическими средствами. Тем не менее религиозоведческий дискурс, полагаем, включает в свои основания собственную эпистему.

Очевиден тот факт, что религиозная эпистема не является полностью верифицируемой логическими методами. В то же время религиозное познание может быть значительным перцептивным элементом личности, ее интериорной структуры. Исследование элементов такой структуры в ее имманентно-трансцендентном измерении – задача гносеологии и эпистемологии религии. Теоретическими векторами исследования природы религиозного сознания служат его онтология и эпистемология. По нашему мнению, религиозная эпистемология – это также философская и методологическая рефлексия над возможностью постижения предельных оснований религиозного бытия.

Эпистемологические спецификации и конфигурации философско-теологического дискурса (Д. Бонхёффер)

Прошедшее еще нам предстоит.

Р.М. Рильке

Дитрих Бонхёффер, немецкий теолог лютеранского направления, претерпевший влияние идей представителя диалектической теологии К. Барта, казненный нацистами в 1945 году. С философской и религиозоведческой точки зрения научный интерес представляет его работа «Спротивление и покорность» (1951), которая позволяет понять интенции как современной религиозной теологии, так и ее этические и антропоразмерные конфигурации. Не будем акцентировать внимание на идеях переосмысления базовых положений христианской теологии во взглядах Д. Бонхёффера, что является отдельной и многомерной

темой. Но отметим, что в его работах эксплицирована идея познания Бога в экстремальных экзистенциальных условиях. Труд «Соппротивление и покорность» постулирует идею «безрелигиозного христианства». Христианская рефлексия распространяется Бонхёффером на природу человека: «Мы должны научиться оценивать человека не по тому, что он сделал или упустил, а по тому, что он выстрадал. Единственно плодотворным отношением к людям (и прежде всего к слабым) будет любовь, т.е. желание сохранять общность с ними. Сам Бог не презирал людей. Он стал человеком ради них» [Бонхёффер 1994, 36–37]. Размышления о Боге, смертности, человеческом естестве составляют идейную ткань «Соппротивления и покорности»: «“В Твоей руке дни мои” (Пс. 30, 16) – вот ответ Писания на вопрос, угрожающий здесь вытеснить все остальное: “Доколе, Господи?” (Пс. 12)...» [Бонхёффер 1994, 55].

Работа «Соппротивление и покорность», представляющая собой письма из тюрьмы, написанные в начале 40-х годов XX века, с религиозной точки зрения свидетельствует о том, как мирское трансформируется в священное. Это – диапазон рефлексий о том, как сохранять свободу в условиях ее отсутствия. В некотором роде это – и ответ на идеи Ж.-П. Сартра о безусловной свободе человека, его «обреченности на свободу». Анализ философско-богословских взглядов Д. Бонхёффера позволяет обнаружить некое сходство, реминисценции с античной стоической философией, воззрениями Сенеки, Эпиктета, Марка Аврелия, в частности в контексте философии свободы. Эпиктет замечал: «Природа наша состоит из двух составных частей – из тела, что представляет в нас общность с животными, и из разума и мысли, что представляет в нас общность с богами».

Для Д. Бонхёффера религия становится частью экзистенциального измерения жизни, это – интенция на поиск присутствия Бога в любых условиях. Его размышления носят не только умозрительный характер, но и направлены на сохранение человеческого «Я» в тех условиях, в которых он находился. Американский специалист по истории теологии Р. Ривз пишет о Бонхёффере: «Он был увлечен тем, как Бог в конкретной исторической действительности призывает нас погрузиться в драму этого мира – а не убежать от нее» [Ривз 2017]. Значение религиозной философии Бонхёффера сводится к тому, чтобы увидеть духовный смысл в этой драме жизни: «Но именно фрагмент и может указать снова на более

высокую завершенность, недостижимую человеческими силами. Если даже силой внешних обстоятельств наша жизнь разлетается вдребезги, как наши дома под бомбами, то все-таки хочется видеть замысел и план всего целого, и по крайней мере нужна ясность: из какого материала возводилось или должно было возводиться само здание...» [Бонхёффер 1994, 98].

Религиозное бытие в размышлениях Д. Бонхёффера трансформируется в бытие «здесь и сейчас». Одномоментность и дискретность акта жизни у него коррелирует с вечносущей природой Бога: «Пусть в том, что предшествует событиям, кроется много ошибок, неудач, вины, в самих же событиях – Бог» [Бонхёффер 1994, 151]. Идеи немецкого теолога, как и многие направления современной религиозной философии, составляют контекст исследования и обоснование религиозной эпистемы. Размышляя о промысле и предопределении, фрагментарности и целостности жизни, Д. Бонхёффер отмечает: «Главное здесь, пожалуй, видит ли еще сам человек по фрагменту нашей жизни, в каком виде было заложено и задумано целое, из какого материала оно состоит... Если наша жизнь явит собой хотя бы только отдаленный блеск такого фрагмента, в котором пусть на короткий миг сольются различные, все сильнее переплетающиеся темы и от начала до конца будет выдержан великий контрапункт, так что в конце концов за обрвавшимся звучанием останется только запеть “Пред престолом Твоим предстаю”, – тогда мы не станем жаловаться на нашу дробную жизнь, а даже порадуемся ей» [Бонхёффер 1994, 175].

В «Сопротивлении и покорности» Д. Бонхёффер, раскрывая теологические и экзистенциально-онтологические вопросы, намечает контуры развиваемой им концепции «безрелигиозного христианства», представляющей собой попытку теоретической адаптации христианства к современному миру, трансформирующемуся по собственным законам. По мнению исследователей, «безрелигиозное христианство – теологическая концепция христианства, получившая свое развитие главным образом в протестантской теологии XX века, особенно в трудах немецкого протестантского богослова Дитриха Бонхёффера, который подверг ревизии традиционное христианское вероучение, исходя из того, что люди в настоящее время все больше освобождаются от религии и вера в бога, понимаемого как потустороннее высшее существо, становится для них чуждой, излишней и ненужной... Бонхёффер ввел в теологическую литературу понятие “совершеннолетний мир”,

под которым он понимает мир, не нуждающийся в идее бога. Согласно этой концепции, безрелигиозное христианство является не учением о потустороннем, далеком от мира боге, а учением, способным преобразовать земную жизнь людей, реализующимся в поведении человека, в его отношениях с другими людьми» [Протестантизм... 1990, 50–51].

Очевидным становится то обстоятельство, что концепция «безрелигиозного христианства» Д. Бонхёффера не имеет ничего общего с формулой «Бог умер» Ф. Ницше. В ракурсе анализируемой нами проблемы религиозной эпистемы, в частности ее спецификаций в современной теологии, можно указать следующее: «Мы приближаемся к абсолютно безрелигиозному периоду; люди уже могут просто быть нерелигиозными... Разговоры о человеческих пределах стали вызывать у меня сомнения (являются ли подлинной границей сама смерть сегодня, когда люди ее почти не боятся, и грех, который люди едва ли уже понимают?), мне всегда кажется, что мы боязливо пытаемся оставить этим пространство для Бога; я же хочу говорить о Боге не на пределах человеческого, а в средоточии его, не в слабостях, а в силе, короче, не перед лицом смерти и вины, а в жизни, перед лицом человеческой доброты. Думаю, что на пределах лучше молчать и оставлять неразрешимое неразрешимым. Вера в воскресение не есть “разрешение” проблемы смерти. “Запредельность” Бога – это не запредельность нашей способности познания! Гносеологическая трансцендентность не имеет никакого отношения к трансцендентности Бога. Бог трансцендентен среди нашей жизни» [Бонхёффер 1994, 203]. Размышляя о познании Бога, немецкий теолог пишет: «Бог должен познаваться не на пределах наших возможностей, а в гуще жизни; Бог хочет, чтобы Его познавали в жизни, а не только в смерти; в здоровье и силе, а не только в страдании; в делах, а не только в грехе» [Бонхёффер 1994, 233]. Данная идея репрезентирует представление о «посюсторонности» Бога. Идеи «безрелигиозного христианства» – часть процессов реформирования христианской теологии, которые происходили в XX веке. Трансформационные процессы затронули и либеральную теологию. Философские концепции аджорнаменто и протестантизма значимы не только для разработки концепта религиозной эпистемы, но и имеют субстанциально-онтологическую ценность в рамках современной религиозноведческой и культурологической науки.

Д. Бонхёффером введен термин «совершеннолетний мир». Это – значимый концепт системы теолога, который он проясняет следующим образом: «Бог дает нам понять, что мы должны жить, справляясь с жизнью без Бога. Бог, который с нами, есть Бог, который хочет, чтобы мы жили без рабочей гипотезы о Боге, есть Бог, перед которым мы постоянно пребываем. Перед Богом и с Богом мы живем без Бога. Бог позволяет вытеснить себя из мира на крест, Бог бессилен и слаб в мире, но именно в этом и только через это Он с нами и помогает нам» [Бонхёффер 1994, 264]. Небесспорная с теологической точки зрения концепция Д. Бонхёффера вместе с тем вошла в качестве одной из религиозоведческих стратегий в корпус современного гуманитарного познания. Философско-теологическое наследие Д. Бонхёффера становится предметом осмысления многих современных зарубежных исследователей. В частности можно отметить работы Т. Греггса [Greggs 2008] и Я. Урбаньяка [Urbaniaik 2014].

Концептуальным ядром теории «безрелигиозного христианства» лютеранского теолога является следующая мысль: «Человек призывается к соучастию в страданиях Бога в обезбоженном мире. Христианином человек становится не в религиозном обряде, а участвуя в страданиях Бога в мирской жизни» [Бонхёффер 1994, 267]. Непосредственно жизнь в ее близости к Богу становится религиозным критерием. Бонхёффер использует выражение «посюсторонность христианства», эксплицирующее элементы модернизма его религиозной и теологической системы. Религиозная рефлексия Бонхёффера инкорпорирует проблемы мира и человека, времени и вечности: «Мифы о спасении рождаются из человеческого пограничного опыта. Христос же настаивает человека в средоточии его жизни» [Бонхёффер 1994, 249].

Мы можем обозначить его понимание христианства как имманентную трансцендентность. Как ни парадоксально, но концепция «безрелигиозного христианства» есть концепция «близости к Богу», доминанты, которой, по мнению Бонхёффера, не хватало современной теологии. Это означает «бодрствовать с Христом в Гефсиманском саду». Экзистенциально-религиозная проблематика проходит через все творчество Бонхёффера – как философское, так и литературное:

Люди к Богу приходят, когда они в беде,
молят о помощи, просят счастья и хлеба,

избавления от болезней, вины и смерти.

И так поступают все, все — христиане и язычники.

Люди к Богу приходят, когда Он в беде,
находят Его в нищете, позоре, без крова и хлеба,
видят его подвластным греху, бессилию и смерти.
Христиане с Богом в Его страданиях.

Бог приходит ко всем людям, когда они в беде,
насыщает плоть и душу своим хлебом,
умирает на Кресте за христиан и язычников,
и прощает тех и других [Бонхёффер 1994, 269].

Заключение

В статье представлен теоретический анализ религиозного сознания и религиозной эпистемы в ее различных спецификациях. Религиозная эпистема эксплицирована и концептуализирована на основании ряда подходов религиозной философии, в том числе схоластической философии Ансельма Кентерберийского и его рефлексии относительно бытия/небытия Бога. Дискурс средневековой схоластики и онтологическое доказательство бытия Бога, на наш взгляд, не утратили эпистемологической ценности для современных религиоведческих штудий. Следствием идей Ансельма Кентерберийского является представление о том, что в акте религиозной веры Бог становится онтологической реальностью. Эпистемологический дискурс средневекового философа основан на постулируемой им онтологии: онтологические конфигурации его идей варьируются от априорной возможности мыслить Бога до рефлексии о его предикатах.

В контексте проблем религиозной философии и эпистемологии проанализирована концепция «безрелигиозного христианства» Д. Бонхёффера, немецкого теолога лютеранского направления. В идеях Бонхёффера присутствует экзистенциально-религиозная доминанта, одномоментность и дискретность акта жизни коррелирует в данной концепции с вечносущей природой Бога. Идеи «безрелигиозного христианства» — часть процессов реформирования христианской теологии, происходивших в XX веке.

Онтологическая концепция религиозного сознания индуцирует новые связи и новый ракурс рассмотрения взаимоотношения бытия и сознания. Теоретико-дескриптивный анализ подразумевает

исследование онтологической и эпистемологической природы религиозного сознания в его системных и структурных составляющих. Эти системные и структурные составляющие базируются как на интенциональном акте веры, так и на особом виде интеракции. Ее можно условно обозначить как имманентно-трансцендентную, локусом которой является идея Бога. Продолжая идеи Ансельма Кентерберийского об онтологическом доказательстве бытия Бога, мы выдвигаем гипотезу о том, что возможным доказательством онтологического бытия Бога является его присутствие в нашей внутренней интроспекции.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ансельм Кентерберийский 1995 – *Кентерберийский Ансельм*. Прологион // Сочинения. – М.: Канон, 1995. С. 93–165.

Бонхёффер 1994 – *Бонхёффер Д.* Сопrotивление и покорность / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1994.

Ким 2014 – *Ким Н.* Ансельм Кентерберийский и его «онтологическое доказательство» бытия Божия // Протоиерей Николай Ким. 2014. 7 июля. – URL: <http://onkim.orthodoxia.org/stati/anselm-kenterberijskij-ego-ontologicheskoe-dokazatelstvo-bytiya-bozhiya/>

Неретина 2008 – *Неретина С.С.* Аргумент, нуждающийся для своего обоснования только в себе // *Голос/Vox*. 2008. № 4. С. 1–39. – URL: <https://vox-journal.org/content/vox4-2neretina.pdf>.

Поляков 2009 – *Поляков Г.* Соотношение веры и разума в трудах Ансельма Кентерберийского // *Христианское чтение*. 2009. № 9–10. С. 178–193.

Протестантизм... 1990 – *Протестантизм: словарь атеиста* / под ред. Л.Н. Митрохина, Л.Н.; Изд-во: М.: Политиздат, 1990.

Ривз 2017 – *Ривз Р.* Дитрих Бонхёффер: Драгоценная благодать и концентрационный лагерь / пер. И. Невмержицкий // *Ieshua.org*. 2017. 8 ноября. – URL: <http://ieshua.org/ditrih-bonhyoffer-dragotsennaya-blagodat-i-kontsentratsionnyj-lager.htm>

Чанышев 1991 – *Чанышев А.Н.* Курс лекций по древней и средневековой философии. – М.: Высшая школа, 1991.

Aguirre Sala 2011 – *Aguirre Sala J.F.* Dar razón de la fe: ejemplos de la vía anselmiana y ockhamista // *Cuadernos Salmantinos de Filosofía*. 2011. Vol. 38. P. 5–21.

Greggs 2008 – *Greggs T.* Religionless Christianity in a Complexly Religious and Secular World: Thinking through and beyond Bonhoeffer // *Religion, Religionless and Contemporary Western Culture: Explorations in Dietrich Bonhoeffer's Theology* / eds. by S.J. Plan, R.W. Wustenberg. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. P. 111–125.

Urbaniak 2014 – Urbaniak J. From Religionless Christianity to Immanent Grace: Bonhoeffer’s Legacy in Badiou // *The Journal of Religion*. 2014. Vol. 94. No. 4. P. 457–484.

REFERENCES

Aguirre Sala J.F. (2011) Dar razón de la fe: ejemplos de la vía anselmiana y ockhamista. *Cuadernos Salmantinos de Filosofía*. Vol. 38, pp 5–21 (in Spanish).

Anselm of Canterbury (1995) *Proslogion*. In: Anselm of Canterbury. *Works* (pp. 93–165). Moscow: Kanon (in Russian).

Bonhoeffer D. (1994) *Resistance and Submission*. Moscow: Progress (Russian translation).

Chanyshv A.N. (1991) *Course of Lectures on Ancient and Medieval Philosophy*. Moscow: Vysshaya shkola (in Russian).

Greggs T. (2008) Religionless Christianity in a Complexly Religious and Secular World: Thinking through and beyond Bonhoeffer. In: S. Plant & R. Wustenberg (Eds.). *Religion, Religionless and Contemporary Western Culture: Explorations in Dietrich Bonhoeffer’s Theology* (pp. 111–125). Frankfurt am Main: Peter Lang.

Kim N. (2014) Anselm of Canterbury and His “Ontological Proof” of the Being of God. *Archpriest Nikoai Kim*. Retrieved from <http://onkim.orthodoxia.org/stati/anselm-kenterberijskij-i-ego-ontologicheskoe-dokazatelstvo-bytiya-bozhiya/> (in Russian).

Mitrokhin L.N. (Ed.) (1990) *Protestantism: Atheist’s Dictionary*. Moscow: Politizdat (in Russian).

Neretina S.S. (2008) An argument that needs only itself to justify itself. *Vox*. No 4. Retrieved from <https://vox-journal.org/content/vox4-2neretina.pdf> (in Russian).

Polyakov G. (2009) The Relation of Faith and Reason in the Works of Anselm of Canterbury. *Khristianskoye chtenie*. No. 9–10, pp. 178–193 (in Russian).

Reeves R. (2016) Costly Grace and a Concentration Camp. *The Gospel Coalition*. Retrieved July 10, 2021 from <https://www.thegospelcoalition.org/article/great-books-friday-bonhoeffer-cost-of-discipleship/> (Russian translation: *Ieshua.org*. 2017. Retrieved from <http://ieshua.org/ditrih-bonhyoffer-dragotsennaya-blagodat-i-kontsentratsionnyj-lager.htm>)

Urbaniak J. (2014) From Religionless Christianity to Immanent Grace: Bonhoeffer’s Legacy in Badiou. *The Journal of Religion*. Vol. 94, no. 4, pp. 457–484.

СОЮЗНОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Научно-образовательное сотрудничество

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-153-159

Обзор мероприятий

Events summary

Партнерство философских школ Беларуси и России и его вклад в укрепление научного потенциала восточноевропейского региона

М.Б. Завадский

*Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь*

Аннотация

В обзоре раскрыт комплекс предметно-тематических направлений белорусско-российского сотрудничества в области философских наук: проблемы методологии научного познания, трансдисциплинарный синтез в философии и науке, философские основания физики, научный реализм, теория гармонии и самоорганизации сложных систем, современные эпистемологические теории, социокультурные предпосылки, риски и перспективы цифрового общества, проблемы человека в контексте конвергентных технологий, антропологические основания межкультурной коммуникации, мировое наследие философской мысли, рецепция русской философии в белорусской интеллектуальной традиции. Внимание заостряется на содержании, возможностях и перспективах договора о сотрудничестве в области научной и образовательной деятельности между Институтом философии Национальной академии наук Беларуси и Институтом философии Российской академии наук. Сферами взаимного интереса определены научно-исследовательская и научно-организационная работа, издательская деятельность, гуманитарная экспертиза, подготовка научных кадров, взаимодействие молодых ученых, профориентационная работа со школьниками, популяризация философского знания. Актуальными признаны исследования цивилизационной динамики в свете становления многополярного мира, философско-этических аспектов трансформации социальных практик в постковидную эпоху, философских проблем разработки искусственного интеллекта, праксеологического измерения философского знания. Сделан акцент на значении научно-гуманитарного партнерства в наращивании научно-образовательного потенциала на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: белорусская философия, российская философия, научно-гуманитарное партнерство, сотрудничество в области философских наук, научный потенциал, Институт философии НАН Беларуси, Институт философии РАН.

Завадский Михаил Борисович – и.о. ученого секретаря Института философии Национальной академии наук Беларуси.

zavadski.mikhail@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8068-2432>

Для цитирования: *Завадский М.Б.* Партнерство философских школ Беларуси и России и его вклад в укрепление научного потенциала восточноевропейского региона // *Философские науки.* 2022. Т. 65. № 3. С. 153–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-153-159

Partnership of Philosophical Schools of Belarus and Russia and Its Contribution to Development of the Scientific Potential of the Eastern European Region

M.B. Zavadski

*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus*

Abstract

The summary reveals various areas of Belarusian-Russian collaboration in philosophy: problems of the methodology of scientific knowledge, transdisciplinary synthesis of philosophy and science, philosophical foundations of physics, scientific realism, theory of harmony and self-organization of complex systems, modern epistemological theories, the sociocultural foundations, risks, and prospects of the digital society, human problems in the context of convergent technologies, anthropological foundations of intercultural communication, the world heritage of philosophical thought, the reception of Russian philosophy in the Belarusian intellectual tradition. Special attention is paid to the content, possibilities, and prospects of the agreement on cooperation in the field of scientific and educational activity between the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus and the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. The areas of mutual interest are scientific research activity, academic work, publishing, humanitarian expertise, training of scientific personnel, interaction of young scientists, career guidance work with schoolchildren, popularization of philosophical knowledge. Under current conditions, the Belarusian and Russian philosophers consider important the studies of civilizational dynamics in the light of the formation of a multipolar world, the philosophical and ethical aspects of the transformation of social practices in the post-COVID era, the philosophical problems of developing artificial intelligence, and the praxeological dimension of philosophical knowledge. Emphasis is placed on the importance of scientific and humanitarian partnership in the development of research and educational potential in the post-Soviet space.

Keywords: Belarusian philosophy, Russian philosophy, scientific and humanitarian partnership, collaboration in philosophy, scientific potential, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Mikhail B. Zavadski – Acting Scientific Secretary, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus.

zavadski.mikhail@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8068-2432>

For citation: Zavadski M.B. (2022) Partnership of Philosophical Schools of Belarus and Russia and Its Contribution to Development of the Scientific Potential of the Eastern European Region. *Russian Journal of Philosophical Sciences= Filozofskie nauki*. Vol. 65, no. 3, pp. 153–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-153-159

Во времена «столкновения цивилизаций», международной нестабильности и геополитической напряженности особое значение приобретают инициативы, направленные на созидание долгосрочного партнерства, укрепление дружественных связей, реализацию совместных взаимозначимых проектов. Международное сотрудничество в научно-исследовательской и научно-образовательной сферах общественной жизни относится к гуманитарной области межгосударственного взаимодействия, является элементом «народной дипломатии», необходимым, хотя и недостаточным, условием научного роста и прорывных открытий.

Развитие философско-гуманитарного знания как определенного типа рационально-критического познания и своего рода метанауки в значительной степени зависит от условий возможности осуществления коммуникативной рациональности, интернационального диалога исследователей – представителей разных стран и культур. Институтом философии Национальной академии наук Беларуси налажены и поддерживаются научные контакты с профильными научными организациями и высшими учебными заведениями стран СНГ, Европы, Азии, «дальней дуги». Однако наиболее близкие проектно-научные и научно-организационные отношения установились с российским философским и научным сообществом. Белорусские и российские философы не только сохранили сложившиеся научные связи, идейно-тематическую общность приоритетных исследований, но и продолжают выстраивать комплексное, системное, продуктивное сотрудничество в рамках ряда проектов и правовых механизмов. Данная кооперация происходит по комплексу направлений.

Во-первых, речь идет об исследованиях, посвященных методологии научного познания, философским основаниям современных научных теорий, проблематике меж- и трансдисциплинарного синтеза в философии и науке, динамике научного прогресса в контексте постнеклассической рациональности. Это направление во многом инспирировано деятельностью Минской философско-методологической школы и ее создателя В.С. Степина. Именно поэтому в Институте философии НАН Беларуси увидели свет книга о его вкладе в белорусскую философию и науку [Академик В.С. Степин... 2019] и переизданная ключевая монография выдающегося белорусско-российского философа, широко используемая белорусскими учеными, преподавателями, аспирантами [Степин 2021].

Во-вторых, получают дальнейшее развитие исследования о теории самоорганизации сложных систем, проблемах гармонии и эволюции систем, антропного принципа в перспективе глобального эволюционизма. Востребованы в российской научной среде труды белорусских философов по проблематике золотых сечений [Сороко 2019], меры и качества в синергетике и диалектике [Красота и гармония... 2021],

а также о современных эпистемологических теориях [Прись 2022], научном реализме, фундаментальных философских проблемах физического знания [Прись 2021].

В последние несколько лет специалисты активно изучают философские предпосылки и социальные, культурные, политические и антропологические импликации формирования цифрового общества, проводят философско-гуманитарную экспертизу цифровых трансформаций и технологических инноваций. Так, в 2018 году заложена традиция ежегодно вместе с учеными Института прикладной математики имени М.В. Келдыша РАН при поддержке Министерства иностранных дел Республики Беларусь проводить научно-практическую конференцию «Проектирование будущего и горизонты цифровой реальности». В фокусе внимания научного форума – анализ результатов, рисков и перспектив развития цифрового общества и социокультурных процессов Союзного государства России и Беларуси с позиции междисциплинарного синтеза знаний на стыке философии, социологии, искусствovedения, информатики и математики.

В-третьих, совместно изучаются будущее человека, этические и экзистенциальные риски его трансформации в контексте бурного развития конвергентных технологий, антропологические и аргументологические основания межкультурной коммуникации, ценностные основания самосознания молодежи, проблематика сотрудничества и нестабильности региона Восточной Европы ввиду локальных и глобальных вызовов и угроз.

В-четвертых, происходит осмысление влияния русской философии на интеллектуальное и духовно-культурное пространство и философскую традицию Республики Беларусь. В частности, продолжается изучение творческого наследия знаменитых русских мыслителей Ф.М. Достоевского, Н.А. Бердяева, К.Н. Леонтьева, В.В. Розанова. Круглые столы, посвященные этим авторам, прошли в Национальной академии наук Беларуси и Институте философии НАН Беларуси, в том числе при участии Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь. На белорусский язык переведены труды философа Н.О. Лосского.

Одним из больших шагов навстречу академическому содружеству философских школ Беларуси и России стало торжественное подписание договора о сотрудничестве в области научной и образовательной деятельности между Институтом философии Национальной академии наук Беларуси и Институтом философии Российской академии наук. Символично, что данное событие состоялось 26 мая 2022 года в Москве, на VIII Российском философском конгрессе «Философия в полицентричном мире. К 100-летию со дня рождения А.А. Зиновьева». Российский философский конгресс, одно из масштабнейших событий в философской жизни не только России, Восточной Европы, но и евразийского пространства в целом, прошел 26–28 мая 2022 года в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и на других значимых философских площадках. Проблемное поле

конгресса охватывало все многообразие форм, областей и течений современного философского знания.

Подписавшие договор директор Института философии НАН Беларуси А.А. Лазаревич и временно исполняющий обязанности директора Института философии РАН, академик А.А. Гусейнов были единодушны в оценке значимости документа: десятилетиями существующее теснейшее взаимодействие между Институтами философии НАН Беларуси и РАН получит новый институционально закрепленный импульс для дальнейшего развития, укрепления и углубления.

Стратегической целью договора является интеграция научных потенциалов Института философии НАН Беларуси и Института философии РАН посредством разработки и реализации совместных научно-исследовательских проектов, подготовки кадров высшей квалификации, образовательных инициатив. Механизмом достижения цели избрано установление прямых каналов научных связей между организациями, их руководством, подразделениями и сотрудниками, задействование существующих форм поддержки Белорусского фонда фундаментальных исследований и Российского научного фонда, Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ, Союзного государства Беларуси и России.

В научно-исследовательской сфере предполагается объединение усилий в целях философского осмысления широчайшего круга актуальных социально-политических, социокультурных, хозяйственных, технологических проблем современности. К приоритетным среди них относятся проблемы истории русской, белорусской, западной и восточной философий; исследование стратегических направлений эволюции российского и белорусского социума, постсоветского пространства в контексте общецивилизационных процессов; изучение и стратегическое прогнозирование развития цифрового общества, диалектики (де)глобализации, регионализации и (де)интеграционных процессов; изучение специфики и путей взаимодействия интеллектуальных традиций, культур и межрелигиозного диалога в многополярном мире; разработка философско-методологических проблем современного научного познания, философии образования, философии науки и техники; проблемы философии сознания и создания искусственного интеллекта; философско-этические аспекты технологических инноваций и социальных практик в постковидную эру; прагматическое измерение философского знания; гуманитарная экспертиза внутри- и межгосударственных проектов и концепций.

Заключенный договор открывает возможности для системного сотрудничества в научно-организационной деятельности. Речь идет и о проведении совместных научных мероприятий: конференций, симпозиумов, форумов, круглых столов. Открывается и перспектива претворения в жизнь идеи В.С. Степина об организации Евразийского философского конгресса. Практически в каждом подразделении Института философии РАН действуют научно-теоретические семинары. На базе Института философии НАН Беларуси работают методологические семинары («Международный философский семинар по философии

сознания и науки», «Философские проблемы современного естествознания и техники», «Человек и общество в XXI столетии», «История идей»), интеллектуальный клуб «Женщины в философии», лекторий молодых ученых и аспирантов. В связи с этим предстоит наладить взаимодействие на уровне отдельных структурных подразделений, межличностных контактов для взаимного включения сотрудников в число докладчиков и участников семинаров в целях согласования научных интересов, апробации идей, отшлифовывания философской аргументации.

Еще один аспект взаимодействия – публикационно-издательское направление. Ожидается, что публикация работ ведущих и молодых ученых, докторантов и аспирантов Института философии НАН Беларуси и Института философии РАН в научных журналах, сборниках материалов научных конференций обеих организаций станет регулярной. Планируется обмен на постоянной основе научными изданиями, в том числе периодическими, участие представителей партнерской организации в редакционных коллегиях и советах научных журналов, сборников научных трудов, монографических исследований. Совместные издательские проекты могут быть посвящены исследованиям о русской и белорусской этнофилософии [Трошкі... 2021], общим персоналиям, отдельным этапам, компаративному анализу истории русской и белорусской философии, наследию мировой философии.

Уделено внимание и насущному вопросу обеспечения преемственности поколений философских школ. Данную задачу планируется решать посредством коллегиальной научно-образовательной деятельности: обмена специалистами для прохождения научных стажировок, чтения лекций для магистрантов, аспирантов и молодых ученых по авторским курсам философско-гуманитарного цикла, взаимных консультаций по повышению эффективности процесса подготовки кадров высшей квалификации, согласования содержания программ кандидатского минимума по философии, привлечения ведущих специалистов обеих организаций в качестве оппонентов и рецензентов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора философских наук, а также возобновления традиции проведения летних школ молодого философа СНГ и Союзного государства Беларуси и России [Философия... 2010]. Важной представляется кооперация в области популяризации современных философских исследований через профориентационные занятия со школьниками, конкурсы философских эссе, курсы академического письма и чтения, выступления с научно-популярными лекциями на фестивалях науки.

Таким образом, институциональное закрепление взаимодействия ведущих профильных философских организаций НАН Беларуси и РАН заложило прочный фундамент для долговременного, систематического и взаимопродуктивного академического сотрудничества философских школ Беларуси и России. Несомненно, философско-гуманитарное партнерство вносит ценный вклад в укрепление и интеграцию научного и образовательного потенциала на постсоветском пространстве.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Академик В.С. Степин... 2019 – Академик В.С. Степин. Тайна долгого пути... / сост. А.Н. Данилов. – Минск: Беларуская навука, 2019.

Красота и гармония... 2021 – Красота и гармония в цифровую эпоху: Математика – искусство – искусственный интеллект / Г.Г. Малинецкий, В.Э. Войцехович, Н.И. Вольнов, А.В. Колесников, И.Р. Скиба, Э.М. Сороко. – М.: ЛЕНАНД, 2021.

Прись 2021 – *Прись И.Е.* Бозон Хиггса, квантовые струны и философия физики. – СПб: Алетейя, 2021.

Прись 2022 – *Прись И.Е.* Знание в контексте. – СПб: Алетейя, 2022.

Сороко 2019 – *Сороко Э.М.* Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем: Введение в общую теорию гармонии систем. – М.: Libroком, 2019.

Степин 2021 – Степин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. – Минск: Беларуская навука, 2021.

Трошкі... 2021 – Трошкі бліжэй да Сонца, трошкі далей ад Месяца: беларуская народная філасофія / уклад. і агул. рэд.: І.М. Дубянецкая, С.І. Санько. – Минск: Беларуская навука, 2021.

Философия... 2010 – Философия. Политика. Культура: Материалы школы молодого философа / под ред. С.А. Никольского. – М.: Прогресс-Традиция, 2010.

REFERENCES

Danilov A.N. (Ed. & Comp.) (2019) *Academician V.S. Stepin. The Secret of the Long Path...* Minsk: Belaruskaya navuka (in Russian).

Dubyanetskaya I.M. & Sanko S.I. (Eds.) (2021) *A Little Closer to the Sun, a Little Further from the Moon: Belarusian Folk Philosophy.* Minsk: Belaruskaya navuka (in Belarusian).

Malinetsky G.G., Voitsekhovich V.E., Volnov N.I., Kolesnikov A.V., Skiba I.R., & Soroko E.M. (2021) *Beauty and Harmony in the Digital Age: Mathematics – Art – Artificial Intelligence.* Moscow: Lenand (in Russian).

Nikolsky S.A. (Ed.) (2010) *Philosophy. Politics. Culture: Materials of the School of a Young Philosopher.* Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Pris I.E. (2021) *Higgs Boson, Quantum Strings and the Philosophy of Physics.* Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Pris I.E. (2022) *Knowledge in Context.* Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Soroko E.M. (2019) *Golden Sections, Processes of Self-Organization and Evolution of Systems: An Introduction to the General Theory of Systems Harmony.* Moscow: Librokom (in Russian).

Stepin V.S. (2021) *Theoretical Knowledge: Structure, History of Evolution.* Minsk: Belaruskaya navuka (in Russian).

Цели и задачи

«Философские науки» – ежемесячный рецензируемый научный журнал, публикующий статьи на русском и английском языках. Журнал был учрежден в 1958 г. как научное образовательное просветительское издание для системы отечественного образования. Статьи журнала посвящены как традиционным, классическим философским темам, так и актуальным проблемам современности и перспективам социокультурного и цивилизационного развития человечества.

Aims and Scope

Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<https://www.phisci.info/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса Россия» – 45490

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 – 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 16.09.2022 г. Формат 60x90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: humanist@academyrh.info